

К. МЕДВЕДЕВИЧ

СТОРОЖ БРАТУ СВОЕМУ

Не пытайся
обмануть Всевышнего,
иначе Он обманёт тебя.
Ибо Он ждет и не прощает.

ЛЕГИОН

Ксения Медведевич

Сторож брату своему

Серия «Страж Престола», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811528

Ксения Медведевич. *Сторож брату своему*: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082070-2

Аннотация

Золотой век подошел к концу: халиф Харун ар-Рашид умер, разделив царство между двумя сыновьями. Не бывает в стране двух властителей, говорили в старину, – и не ошибались. В халифате назревает гражданская война, приграничье терзает секта воинственных еретиков, в пустыне тоскуют о прежних временах древние мстительные богини, сторонники младшего брата плетут заговор. Отчаявшиеся люди решают будить погруженное в многолетний сон волшебное существо – Стража Престола. Сумеет ли могущественный маг и военачальник защитить взбалмошного юнца на троне? Советники братьев готовы на все: убийства, интриги, черная магия, гаремные страсти – хорошие средства для достижения цели, ведь цель – благо государства. Правда, братья, их окружение и Страж понимают это благо по-разному. Сумеют ли они договориться – вопрос жизни и смерти.

Содержание

Книга первая	6
Пролог	6
1	20
2	82
3	132
4	191
Конец ознакомительного фрагмента.	248

Ксения Медведевич Сторож брату своему

*Автор выражает признательность историку
М. В. Нечитайлову за консультации и неоценимую
помощь в работе над книгой*

В оформлении книги использованы иллюстрации *Оксаны
Ветловской*

© К. Медведевич, текст, 2014

© Оксана Ветловская, иллюстрации, обложка, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Книга первая

Сторож брату своему

Пролог

Ветер нехорошо свистел. Поднимая глаза к куполу над головой, Джарир умом понимал – свистит в трещинах камня. И между колоннами. Джунгар смотрел на рябящую под солнцем воду прудика и ежился, несмотря на жару. Его тумен перекрыл дорогу у питьевого водоема на пути паломников. Враг не мог не пройти мимо пруда под каменной беседкой: люди и животные захотят пить. Для людей – пруд. Для лошадей и верблюдов – поилка. Высокий журавль колодца черной полосой рассекал желто-красное небо.

Небольшой водоем боролся за жизнь, но солнце пекло. Беспощадно. Квадратный пруд за каменной оградкой медленно умирал под отвесными лучами. Купол на тоненьких ножках давал тень – но мало. Сквозь трещины сеялся песок. Песок горстями швырял ветер, порывами бьющий из пустыни. Лицо обдавало сухим невозможным жаром.

– Как они проходят через пески? – пробормотал за плечом Толуй. – Разведчики сказали, что их больше пяти тысяч копий. Как они проходят через пустыню?..

Джарир скрипнул песком на зубах. Хороший вопрос. Отряды замотанных в зеленое сектантов выныривали из песков Дехны как призраки – и рвали окрестности Куфы. А месяц назад им открыли ворота города, и ублюдки разграбили Куфу начисто. Болтали, что город сдали местные купцы-работорговцы – за выгодную сделку с нападающими. Половина пленных пойдет на рынки Басры, половину уведут карматы – так они себя называли, эти разбойники из пустыни. Наместник Васита, получив новости, приказал Джариру выдвигаться – перехватить карматов на марше и отбить людей.

– Как они собирались через Дехну пленных гнать – тоже интересно, – пробормотал джунгар.

Кому торговцы собираются продать незаконно обращенных в рабство правоверных, никто не спрашивал. Про строительство каналов и осушение болот вокруг Басры ходили легенды самого нехорошего свойства. Говорили, что рабы ложились в гнилую землю тысячами – а ненасытный город тре-

бывал еще и еще.

Горизонт курился длинными сероватыми дымами – Куфа все еще горела. Приглядевшись, Джарир сморгнул и улыбнулся – над выжженной каменистой равниной поднимался вовсе не дым. Пыль. Растущее облако пыли.

– Идут! – заорали с дороги. – Карматы идут!

В зените раскаленным белым кругляшом стояло солнце. Джарир поскреб под обвязкой шлема. Обросшая за два дня бритая голова нестерпимо чесалась. Под ногами черным блюдцем сгустилась полуденная тень – и исчезла. Тени исчезают в полдень. Плохое время для боя. Вся нечисть вылезает.

Кстати, вон они и зашныряли – Джарир прищурился на колченогого уродца, быстро зашугавшегося под узорную каменную оградку. Пока боятся вылезать, будут пировать на трупах.

Толуй проследил взгляд, тоже прищурился:

– Чего там?

– Наснасы прыгают, – пробормотал Джарир.

Толуй мрачно поскребся под платком – шлем он не надевал, ссылаясь на жару и на волю Всевышнего. Суждено ему погибнуть – погибнет он и в шлеме, а страдать от зноя под железным котелком он, Толуй, не намерен. Вот если б на голове сидел, по обычаю предков, волчий малахай – другое дело. Джунгары к меховым шапкам в жару привычны, в степях у границ Хань летом бывает куда как жарче.

– А гулей видишь, хан? – осторожно поинтересовался на-

рисовавшийся у локтя Хучар.

– Нет, – мрачно отозвался Джарир.

Врать он не любил, но признаваться, что трое клыкастых подлюк заседают как раз за гребнем ближайшей дюны, не хотелось. Его люди не видят существ из нижнего мира – и хорошо. Незачем испытывать их мужество. Он, Джарир, потомок шаманов и всех гостей с полуночной стороны видит прекрасно, но его такими рожами не удивишь. Пусть будет каждому свое.

– Орхой, Самуха! Ваши тысячи – по коням! – приказал Джарир, щурясь на колышущееся конскими хвостами знамя-туг. – Налетаете, отходите, в ближний бой не ввязываетесь. Когда за вами рванут, уходите россыпью, потом как обычно.

Тысячники коротко кивнули и побежали к своим. Как обычно – это развернуться и атаковать сломавшего строй врага. Преследователи обычно не ожидают сопротивления – и погибают, так и не успев понять, что произошло. Слушая рассказы отца и деда о битвах прошлого, Джарир сам дивился, насколько тупы живущие в городах люди: их воины почему-то всякий раз попадают на степняцкую хитрость с притворным отступлением после атаки...

...Однако все случилось совсем не так, как хотелось.

Карматы не рассыпали строй.

Над равниной стояло серое марево, наступающие вражеские порядки скрывало плотное облако пыли. В темной туче

вертелись степняцкие всадники. Уши глохли от ора, воплей и звона железа.

Джарир покусывал ус, перекинув ногу через луку седла.

Вестовые доложились – враг идет плотными щитовыми рядами, наставив копыя. Сплюнув песок, джунгар припомнил занятия в столичном Пажеском корпусе – хорасанский строй. Черепаха. Таким парсы наступали на войска ашшаритов под аль-Валаджем – и в хрониках писали, что солдаты были скованы между собой железными цепями. В училище объяснили, что нет, без цепей обошлись. Просто хорошо умели строй держать.

– Хучар, Баха, – заходите им в тыл! – проорал он тысячникам.

Те поняли по губам – такой вокруг стоял грохот и рев. Ту-ги Хучара и Толуя сдвинулись с места. Кругом мотали головами кони, сеялась рыжая пыль. Под мертвым глазом солнца тускло блестели медные панцири и копыя резервных тысяч тумена. Почва мерно сотрясалась под ногами. Равнина окончательно заволоклась темной взвесью, как ночью, – ни зги не видно.

– Расступись! Вестовой!

Парень тяжело дышал, длинный чуб мокро распластался по текущей потом бритой голове:

– Хучар погиб, хан! Бежит его тысяча!

Джарир кивнул и сел в седле как следует.

Тысяча Хучара не должна была побежать. Джунгары об-

ращаются лишь в притворное бегство. Сегодня все пошло не так, как всегда. Значит, что-то вообще не так. Так, как быть не должно. Слишком умные карматы, слишком трусливая тысяча...

– Толуй!

Тот по-ханьски сложил руки перед грудью в замок:

– Да, мой хан!

– Берешь три тысячи, заходишь справа. Я пойду слева с остальными тремя.

Против джунгарского тумена выстоять невозможно. Этому учили в Пажеском корпусе. Джарир знал это с детства. Разбить джунгар удалось только одному полководцу. Одному. И это был Повелитель. Волшебный воин-сумеречник. Нерегиль халифа Аммара. Но Повелитель уже семьдесят лет как спал в городе джиннов. К тому же где Повелитель и где карматы? Значит, эти землеройки победить не могут.

– С-скоты... – в сердцах прошипел Джарир презрительную кличку, которой степняки от века одаривали землепашцев. – Сейчас вы увидите блеск наших сабель...

...До сабель дело дошло не скоро. Отмахивая плетью, Джарир сплевывал лучникам – залп, залп! Карматы падали, но не отступали, стрелы молотили в деревянные щиты над головами врагов. В воздухе летел крупный секущий песок – казалось, ветер дул со всех сторон сразу.

Так не должно быть, снова пронеслось в голове у Джарира.

Нехороший ветер.

И тут же дошло – неправильный. Неправильный ветер. Только нам в лицо. А карматские знамена – вон, висят неподвижно, зелеными пыльными тряпками.

Враги попятились – все-таки. Из-под копыт Джарирова коня на одной ножке поскакали, кривляясь, уродцы с пастью на брюхе – наснасы. Отступающие карматы оставляли на взрытой красной земле тела, истыканные стрелами.

– В мечи! – прохрипел в обматывающую лицо тряпку Джарир.

Поднял над головой плеть и махнул вперед.

В бой он пошел на высоком лаонском жеребце – приученный к бою гнедой молотил копытами по щитам и лицам и сейчас вцепился зубами в холку вражеского коня. Лошади косили налитыми кровью глазищами и свирепо хрипели. Джарир рубился с кольчужным всадником. В сплошной пыли крики и звон железа глушились мертвенной сеющей взвесью – как пухом подушки.

Еще удар, лязг, хриплое лошадиное ржание – расцепились, закрутились, конь топтался, встряхивал гривой. Закрытое железным забралом – откуда такое, зачем-то свистнуло в голове – лицо кармата поворачивалось медленно-медленно.

А подсечь тебя, суку.

Лезвие вскрыло двойную кольчугу, как рыбу, – из длинного пореза заплывало красным. Кармат начал медленно за-

валиваться в седле.

– Хан! Хан!

Кто орет, почему слышно?..

Жеребец коротко ржанул, поддал задом, запятился и стал оседать набок. Джарир выпростался из стремян, откатился – чисто выскочил, сапогом не застрял. Гнедая громадина завадилась с жалобным визгом, передние копыта бессильно замолотили воздух.

Почему-то вокруг было тихо и пусто. Сквозь серую пыль равнодушно глядело белесым глазом солнце. Джарир поднялся на ноги и оскользнулся на хлюпком и мокром.

Некоторое время он просто стоял и смотрел. Даже стонов не слышал – а может, и не было здесь живых. Сапог оскользнулся на мокрой спине мертвеца: вата халата торчала из множества ран, словно кто-то исступленно молотил ножом, как в пьяной драке. Лежавшей рядом женщине разрезали горло, голова запрокинулась. Они лежали – друг на друге, вцепившись в запястья, в рукава, в волосы, закрываясь в последнем страхе ладонями, все в темных пятнах, в больших и маленьких лужах. Все мертвые. Жители Куфы. Пленные.

По ковру из торчащих руками и ногами тел, мокрых от крови волос, разинутых в последнем крике ртов колченого и омерзительно быстро скакали наснасы. Одноногие уродцы скалили из животов зубки, единственная рука решительно сжата в кулачок – пожива. Свежая кровь. Как вкусно.

Джунгара шатнуло, он упрямо шагнул вперед. Где же кар-

маты?

Убитый им лежал железной кучей. Коняга его – в то-
ненько звенящем бляхами нагруднике – бестолково броди-
ла, оступаясь на трупах, возила поводьями. О, точно, заце-
пилась за чью-то согнутую в локте мертвую руку, замотала
башкой, панически задергалась.

Джарир нагнулся к железному забралу на лице мертвеца.
Непонимающе прищурился.

Его стошнило. Рвало недолго – поутру не брал в рот ни-
чего, кроме кумыса.

Под шлемом копошилось что-то перевитое, красно-синее,
как вывернутые наружу кишки. Петушины лапы торчали из
опавших рукавов.

Сплюнув горькую слюну и проморгав выбитые рвотой сле-
зы, Джарир глянул кругом – и снова с трудом сглотнул. В
сдувшихся, опавших, ставших в смерти плоскими кольчугах
и кожаных панцирях лежали серо-зеленые ящеры – в рост
человека. Хотя нет, вон у того, слева, сапоги нормально тор-
чат – значит, только башка ящериная, а ноги – ноги челове-
ческие?.. Кто это?!..

И где все?!

Над мертвым полем тихо сеялась пыль.

Смех он услышал сразу, просто сначала не понял, не осо-
знал, что это. Откуда здесь взяться смеющейся женщине?..

Копье в ее руке сверкало собственным, не отраженным
блеском. На острых изогнутых рогах короны тоже полыхало

золото. Она вся была золотая, нестерпимо яркая. Огромная. Копье утыкалось прямо в солнце в зените.

Золотая обнаженная женщина ехала на гигантском, в человеческий рост, льве.

И смеялась.

Смеялась.

Лев мягко ступал по трупам, а женщина встряхивала золотыми волосами и хохотала – скаля острые, длинные, треугольные, как у акулы, зубы.

Наконечник копья нестерпимо полыхнул, от острейших рогов взялись невозможного блеска искры.

Джарир закричал от ужаса.

И исчез для себя – надолго.

Потом услышал над ухом мерное звяканье бубна и низкий горловой рев.

И открыл глаза.

Оказалось, он лежал на расстеленной попоне. А над ним стояли и смотрели – с беспокойством. И чесали в затылках.

Старый Даваци-шаман пожевал морщинистыми губами над провалившимся, беззубым ртом и сказал:

– Долго ты в нижнем мире ходил, хан. Однако так заблудиться можно...

И, кряхтя, передал бубен ученику. Потом медленно-медленно привесил обратно к поясу лошадиное копыто – в нижнем мире не надо оставлять собственные следы.

– Видел ее? – тихо спросил Джарир шамана. – На льве

рогатую?

Тот снова пожевал заросшими седыми волосенками губами. И наконец сказал:

– Да.

А потом подумал и добавил:

– Никому не говори. Повелитель проснется – ему скажешь.

– Да, – согласился Джарир.

– Карматов всех до единого мы порезали, хан, – присел на корточки Толуй.

– Это хорошо, – прикрыл он глаза.

– Однако быстро-быстро уходим, – твердо сказал шаман.

– Да, – согласился Джарир. – Да.

Из рассказов о деяниях правителей и хроник:

В год 465 на аш-Шарийа обрушилось бедствие из бедствий: на ведомый предводителем хаджа караван паломников напали люди, называвшие себя карматы. Двадцать тысяч человек погибли или были уведены в плен. Кого-то продали бедуинам Неджда – и таких сумели через несколько лет отыскать и выкупить родственники. Но многих увели в аль-Ахса, земли карматов.

С тех пор нечестивые еретики каждый год совершали набеги на земли ашшаритов. Захваченных в походах людей они обращали в рабов, заставляя трудиться

на полях и мельницах. Побывавшие в аль-Ахса путешественники рассказывали, что карматы не платят налогов и не работают, а живут как бы в земном раю, как братья и сестры по вере, пользуясь плодами труда своих невольников. Управляет ими совет старейшин, и у каждого кармата есть обширный дом или усадьба, с прислугой и прочими удобствами.

Эти люди считали себя истинными последователями Всевышнего, остальных же верующих полагали отступившими от истины. Суть их учения мало кто постиг, ибо карматы ревностно оберегали его от посторонних.

Халиф аль-Хади дважды ходил в поход против карматов. Однако ни разу войскам верующих не удалось преодолеть пустыни Дехна и Руб-эль-Хали и достичь земель этих нечестивцев. Приведя к покорности бедуинов и разбив передовые отряды зловерных порождений шакалов, армии халифата каждый раз отходили в Куфу. В 470 году карматы напали на священный город Медину и разорили его, перебив и угнав в плен жителей. Не выдержав подобного, халиф аль-Хади слег и вскоре умер, оставив царствовать после себя своего брата Харуна, прозванного ар-Рашидом.

Карматы же продолжали свирепствовать и нападать на караваны паломников, а в 473 году снова разграбили Медину и разорили – да проклянет их Всевышний! – Ятриб, в 479-м взяли и сожгли Куфу, а в 482-м дошли до Васита и перебили и угнали в рабство всех жителей города и оазисов вокруг него.

Халиф ар-Рашид усилил охрану караванов, и стараниями супруги его, госпожи Зубейды, была расчищена дорога в священные города верующих и вырыты на всем ее протяжении колодцы. Людям не приходилось больше пить свою и верблюжью мочу, если хадж приходился на засушливое время года. Славный полководец халифа Абдаллах ибн Хамдан совершил множество походов против бедуинов и дважды отбивал их атаки на караваны паломников, за что удостоился почетной куны аль-Хайджа, «герой».

В 484 году халиф ар-Рашид покинул этот мир в преклонном возрасте 59 лет, и на престол взошел его сын Мухаммад аль-Амин, от Ситт-Зубейды, а наследником был назначен Абдаллах аль-Мамун, младший сын от невольницы-парсиянки.

На следующий год случилось страшное: бедуины спустили воду из водоемов вдоль дороги паломников, а колодцы забросали камнями и горькими колючками. Пятнадцать тысяч паломников погибли от жажды или были уведены в плен. Храбрый Абдаллах ибн Хамдан вторгся в пустыни Ямамы и истребил множество бедуинов, а пятнадцать их вождей привез в столицу для наказания. Тех привязали к столбам на берегах Тиджра и кормили солью, от чего они вскоре умерли. Но едва смолкли звуки барабанов и флейт и славословия поэтов, как в Мадинат-аль-Заура пришло известие: карматы ворвались в священный город Ятриб и сожгли его дотла.

Высоко к небесам поднялся тогда скорбный вопль ашшаритов. В столице начались волнения: жители

Мадинат-аль-Заура требовали покончить с набегами карматов и вернуть мир на дорогу хаджа.

Ибн аль-Кутыйя, «Всемирная история»

1

Замок Вечности

485 год аята, осень, Каср-аль-Хульд

— ...Да сжалится надо мной Всевышний и приберет меня!
За что мне такой позор, такое поношение, такое бедствие из бедствий! Посмотри на себя, поганец, напасть, несчастье матери! Ты пьян с утра!

Всплеснув унизанными браслетами руками, Ситт-Зубейда плюнула и села на подушку.

Меж тем одаренный всеми этими нелестными прозвищами халиф Мухаммад аль-Амин зевнул и, смаргивая красными после утренней попойки глазами, расплылся в благодушной улыбке. Пошатнувшись и ухватившись за плечо гуляма, он отмахнулся:

– Да будет вам, матушка!..

И икнул.

Его снова мотнуло, мальчишка тоже зашатался. С трудом восстановив равновесие, аль-Амин икнул еще раз, отмахнувшись куда-то в сторону – видимо, от еще одного укоряющего собеседника – и жалостно пробурчал:

– Что ж вы, матушка, мне и сесть не предло... иии-ип!.. – Предательская икота одолела снова.

Подушка, которую метнула Ситт-Зубейда, попала ему точно в лицо. Аль-Амин пошатнулся – и грохнулся на спину, плашмя растянувшись на ковре.

– Гаденыш! Пропойца! Чтоб тебя джинны взяли! – потрясая звенящими руками, заорала мать халифа.

Хихикая, аль-Амин присел и, нашарив слетевшую с левой ноги туфлю, надел ее обратно. И опять икнул.

– Вы бы лучше умыться подали, матушка, – заметил он и, прижав руку к груди, выпучил глаза и задержал дыхание.

Поборовшись с икотой несколько мучительных мгновений, аль-Амин с шумом выпустил воздух и поправил на голове новомодную, с левым хвостом, чалму. Почесал под ней, безгласно отряхнул с рук волосы.

И сел поудобнее.

– Ну, зачем явился? – мрачно спросила Зубейда. – Денег больше не дам.

И махнула рукой невольнице – подавай, мол, напитки. Девушка быстро поднесла поднос с кувшином и двумя чашеч-

ками сине-зеленого лаонского стекла.

Помявшись, аль-Амин вздохнул и ответил:

– Не знаю, что решить. Оттого и напился, матушка.

– А чего тут решать? – мрачно усмехнулась Ситт-Зубейда. – Будешь и дальше потакать солдатне, совсем на шею сидут. Говорят, аль-Хайджа давеча похвалялся, что вызвал бы карматского вождя на поединок и убил, как цыпленка. Но, мол, поскольку войску третий месяц не плачено, он воевать не пойдет.

– Кармат надерет Хайдже задницу одной левой, – неожиданно серьезно ответил аль-Амин. – Он убил вождя племени асад, а тот гнул лошадиные подковы пальцами одной руки.

И принял чашку с шербетом от невольницы.

– Вот и я так думаю, – со вздохом отозвалась Зубейда. – Так чего ты мучаешься? Надо будить нерегия – уж он разберется с этими еретиками!

Аль-Амин хлебнул и сморщился:

– Тьфу, гадость... что это?

– Лимонный сок со льдом, что это еще может быть? – сварливо отмахнулась мать. – Ну?..

– Боязно мне, – мрачно проговорил халиф.

Зубейда нахмурилась:

– Ты прочитал книжку астронома, который привез нерегия в аш-Шарийа?

– Угу, – пробурчал аль-Амин, морщась и отхлебывая снова. Похрустев льдом, он шмыгнул носом и добавил: – Только

от этой книжки, матушка, мне только хуже стало. По мне, пусть эта тварь спит, где ее положили.

* * *

Проводив глазами шлепающего задниками туфель сына, Зубейда мрачно склонила голову. Занавес за халифом упал, шаркающие шаги – и гулкий дробот каблучков гуляма – постепенно затихли в длинных переходах.

Каср-аль-Хульд, Замок Вечности, супруг подарил ей незадолго до смерти, и с самого начала дворец казался женщине великоват. А мать Харуна предпочитала жить в Баб-аз-Захабе, сердце интриг и дворцовой жизни, и не давала сыновьям и шагу ступить без своего одобрения. Когда свекровь умерла, Зубейда молча выслушала рассказ о похоронной процессии: Харун шел по осенней грязи босиком, плечом, наравне с простыми носильщиками, подпирая платформу с гробом. Зубейда послушала-послушала – да и вздохнула с облегчением. О матери Харуна ходили самые разные слухи. Некоторые договаривались до того, что она велела отравить своего старшего сына – ибо аль-Хади как халиф ее не устраивал: мол, слишком много воли брал да мать не слушался. Кто-то говорил, что аль-Хади отравили грушей. Кто-то шептал, что госпожа Хайзуран велела пойти к сыну доверенной рабыне, взять подушку, положить на лицо и не слезать, пока тот не помрет. А кто-то плел, что аль-Хади, мол, и вовсе не хотели

травить, а рабыня несла грушу с ядом для своей соперницы, халиф увидел ее с подносом из окна, захотел отведать груши, да так и помер из-за чужой зависти.

Но теперь Хайзуран была уж девять лет как мертва – а Зубейда свободна от ее опеки. И ревности. Вот только разделить долгожданную свободу ей было не с кем – ар-Рашид лежал в пыльном вилайте под стенами Фаленсийа, там, где его застала смерть.

Ей рассказали, что Харун почувствовал приближение смерти и приказал остановить караван. И к вечеру умер в пыльном сухом саду под пожелтевшей яблоней – дом, в котором он решил ночевать, стоял давно заброшенный. Гулямы выломали старую дверь, обернули тело саваном, положили на рассохшиеся доски и зарыли у корней дерева. По прошествии нескольких месяцев после смерти супруга Зубейда приказала снести дом и на его месте возвести мазар, а у спиленного дерева положить плиту мервского мрамора. Ей говорили, что мазар стоит заброшенный и пустой. Зато над гробницей почитаемого зайядитами Али ар-Рида возвели огромную мечеть с лазоревыми куполами, и в ней не смолкают молитвы паломников и возгласы дервишей. Еще ей рассказывали, что вилайт около мечети имама ар-Рида давно перестал быть захудалой деревушкой и разросся в целый городок. Его называли Мешхед – Место Мученичества, и там уже целых четыре караван-сарая и два рынка. А что – люди тысячами приходили поклониться могиле праведника,

паломникам нужно было есть-пить и где-то останавливаться...

Зубейда нахмурилась и затеребила подвески на кованом кольце серьги – как только она могла их носить, эта легендарная Айша, тяжесть-то какая, литое, не дутое ведь золото...

Вспомнив про Айшу, Зубейда опять обратилась мыслями к треклятому нерегилю – и, громко вздохнув, обернулась к занавесу под аркой. Из соседнего покоя доносился веселый девичий гомон – конечно, на фарси.

– Мараджил!.. Сестрица!.. – громко крикнула Ситт-Зубейда.

Стрекот парсиянок многократно усилился, зазвенели браслеты, затопотали босые маленькие ножки, зашелестели ткани. Занавес поднялся, являя взору госпожи Зубейды ту, что когда-то давно, невообразимо давно – два десятка лет прошло, поди ж ты! – была ее главной соперницей, голубым глазом,¹ бедствием и ночной змеей.

– Ушел?.. – с порога засмеялась Мараджил. – Хочешь винограду? Куланджарский, у вас такой не растет!

Расшитый золотыми цветами шелк переливался у нее на плечах, апельсинового цвета юбка мела ковры, а концы широченного кушака спускались почти до подола. Перебирая жемчужины на поясе, Мараджил локтем оперлась о колонну. Перья фазана над эгреткой парчовой шапочки задорно

¹ Голубые глаза у арабов традиционно считаются плохим, дурным признаком – аналогично зеленым в западной культуре.

колыхались, белые зубы сверкали, а черные – ни единого седого волоса, это в тридцать-то шесть лет! – локоны на висках по-змеиному круглились.

Смерив завистливым взглядом по-девичьи тонкий стан парсиянки, Зубейда тяжело вздохнула:

– И как это ты не полнеешь, сестрица?

И с сожалением откусила от очередного финика.

Мараджил звонко расхохоталась.

– Легко тебе смеяться, – пробурчала Ситт-Зубейда и надулась.

– Ну будет тебе, матушка, – ласково улыбнулась Мараджил, почтительно присаживаясь на самую маленькую подушку.

«Матушка».

Тут Зубейда не смогла сдержать ответной улыбки и расплылась лицом почти против воли.

Мараджил придумала ей это прозвище все те же двадцать с лишним лет назад, – когда хлопающим рукавами вихрем вторглась в покои харима и полностью и безраздельно завладела сердцем Харуна и ночной крышей дворца. «Примите знак почтения от ничтожной рабыни, матушка», – написала парсиянка. И передала здоровенную дыню и мохнатого хомьяка. Зубейда тогда кормила грудью дочку и воистину походила на масляный шарик. Завидев пухлые щеки зверька и оценив размеры дыни, она пришла в дикую ярость. Супруга халифа выкинула во двор все ларцы с платьями – те не

сходились после родов, но Зубейде почему-то казалось, что еще чуть-чуть, и она в них влезет. Вслед за ларцами она выкинула посланного с письмом от Харуна евнуха. «Или я – или она!» Зубейда орала и топала ногами, пугая младенца и невольниц. Харун примчался как был, распоясанный – и с мокрыми после любовных игр с Мараджил шальварами. Отчаявшись вымолить прощение – отослать дерзкую рабыню он отказался наотрез, – ар-Рашид уединился во Дворце Вечности. Он велел постелить себе на террасе и отправил к ненаглядной супруге наглеца, пропойцу и гения Абу Нуваса. Стихоплет пришел к ней под занавеску и, тренькая на тунбуре, завел рассказ про то, как Харун то, да Харун се, да помните ли, прекрасная госпожа, как вы однажды купались в пруду под сплетенными ветвями жасмина, и халиф увидел вас обнаженной, и как он не смог найтись со стихами, а потом, пораженный вашей красотой, выговорил:

Погибель очи увидали,
В разлуке гибну от печали.

И он не знал, что сказать после этого, и позвал меня, ничтожного Абу Нуваса, и я дополнил его бейт своим...

А надо сказать, что, пока Абу Нувас тренькал на тунбуре, Зубейда безутешно рыдала, и поэт велел принести им по чаще кутраббульского вина, прогоняющего все печали. И она

выпила полную чашу – и это была большая чаша, нисфийа,² а вина в рот она не брала очень давно, все время, пока кормила грудью. Зубейда опьянела и снова преисполнилась ярости. Приказала принести плетку и пошла в покои Мараджил: «Где ты, дерзкая коза, я тебя выдеру!» А парсиянка горевала в разлуке с халифом и тоже выпила, одну за другой, две чаши-сулсийа³ дарабского и изрядно захмелела.

Плетку Зубейде не дали, и она гонялась за соперницей с полотенцем. Мараджил визжала от страха и пыталась убежать, заплетаясь ногами. Вцепившись друг другу в волосы, они свалились в пруд и едва не утонули, а вода по зимнему времени была ледяная, – и отпаивали обоих подогретым вином. Ближе к утру женщины пришли к соглашению, что ни один мужчина в мире не стоит даже крохотной слезинки, не то что загубленного в грязной воде платья. И, кликнув придворного звездочета, попытались составить календарь посещений Харуна на ближайшие месяцы: «Бери его на три дня! Да что на три – на четыре – иип! иип! проклятая икота! – бери! не видала я, что ли, его зебба!» Помудрив над разложенным свитком в течение еще одной бутылки, обе вспомнили, что забыли про месячные, и в досаде плюнули на свою затею. Надо сказать, что с той памятной попойки они еще не раз ссорились, но обиды забылись, а прозвище осталось.

«Матушка». К тому же теперь они обе матушки, что уж

² Около 0,5 л.

³ Около 0,3 л.

тут говорить.

Все еще улыбаясь, Зубейда похлопала по шерсти большого ковра – присаживайся, мол, ближе, сестричка. И махнула невольницам:

– Принесите-ка нам еще шербету и винограда!

И милостиво кивнула Мараджил:

– Возьми подушку побольше, а то что сидишь, как на насесте!

Мараджил улыбнулась в ответ и приказала своей невольнице:

– Эй, Рохсарё! А вон на полу подушка лежит, далеко улета. Давай-ка ее сюда, девушка!

Рабыня послушно метнулась к майясир, на которой только что сидел аль-Амин. Бестолково захлопотала, принялась возить ладонью по ковру, словно что-то собирая, а потом зачем-то стала отряхивать подушку.

– Что копаешься, о неразумная! – гаркнула Ситт-Зубейда.

Воистину, парсиянки среди рабынь самые тупые, непонятно, за что посредники такую цену ломают...

Наконец, глупая девка положила подушку рядом с матерью халифа, Мараджил послушно на нее уселась и посерьезнела:

– Э, Зубейда, тут уж ничего не сделаешь. Как ни уговаривай ты Мухаммада, пока он сам за ум не возьмется, ничего у тебя не выйдет. Пожелает он сойти с осла шайтана и оставить пьянство – остепенится. Не пожелает – так и будет пить

с евнухами.

– Он теперь нового завел, – скрипнула зубами Зубейда. – Слыхала?..

– Ты о Кавсаре? – усмехнулась Мараджил. – А как же. Мои девчонки стрекочут о нем без умолку – писаный, мол, красавец.

– Что ж может быть плохого за пять тысяч динаров? – подбираясь, как змея, зашипела мать халифа. – А девкам-то твоим он на что? Евнух-то?..

Вокруг них зашебуршались и захихикали. Мараджил, качнув перьями на шапочке, обернулась к давешней дурочке, таскавшей подушку:

– Что, Рохсарё? Хорошо бодается гулям моего племянника?

Девушка зарделась и прикрыла полные губы краем ярко-фиолетового платка.

– Такой прут у него, говорит, что после всего еле до комнаты доковыляла, – фыркнула Мараджил. – Ну-ка покажи еще раз, какой у него! Э, Рохсарё, что ты хихикаешь, глупая, покажи, покажи госпоже рыбу-бизза!

Оценив расстояние между ладонями хихикающей рабыни, Зубейда подумала, что там и впрямь с бизза величиной.

– Фу ты пропасть, я-то думала, он кастрат, – пробормотала она, и от утреннего веселого расположения духа не осталось и следа.

Непроницаемые и черные, как две маслины, глаза Мара-

джил, казалось, даже не отражали солнечный свет. Ямочки на щеках разгладились, и родинка над уголком губ перестала плясать в улыбке.

– Что делать-то мне? Что делать?.. – горько прикрывая глаза, спросила Зубейда расплывающийся над курильницами воздух.

От резкого запаха алоэ ее вдруг замутило – над Тиджром ходили тучи, собирался дождь, и бедная голова напонила о смене погоды тупой мутной болью.

– Я пришлю тебе своего врача, – из взвеси перед глазами донесся голос Мараджил. – Он сабеец, мой Садун, и понимает в звездах лучше, чем ваши ашшаритские шарлатаны.

– Вечно вокруг тебя толкутся неверные, – сварливо отозвалась Зубейда и тут же сморщилась – в затылке кольнуло.

Мать аль-Мамуна ничего не ответила – наверняка лишь улыбнулась своей странной, немного отсутствующей, словно не в себе женщиной, улыбкой.

Мараджил-хохотушка иногда замирала, как замерзшая в камень птица на ветке, – стеклянной пленкой затягивало глаза, пухлые губы приоткрывались, как клюв распираемой льдом пичуги. Поговаривали, что парсиянка приняла веру Али уже после того, как оказалась в хариме эмира верующих, – ведь ее привезли из Ушрусана, вечно бунтующей страны в горах Пепла. А в Ушрусане, рассказывали, до сих пор поклоняются огню, рвущимся из-под земли столбам пламени, и правоверных там меньше, чем воды в пустом бурдю-

ке. Передавали, что отец и братья Мараджил, в числе других знатных людей той страны, подняли мятеж против власти халифа. Восстание подавили, казнив, как водится, зачинщиков, а женщин из харимов мятежников продали в рабство. Так красавица-принцесса оказалась сначала на знаменитом невольничьем рынке в квартале Карх, а потом в Младшем дворце халифа. Говорили, что при Мараджил покровительствуемым раздолье: ее личный лекарь, охранники, невольницы и доверенные лица были сплошь из огнепоклонников.

Со стороны реки потянуло пахнущим тиной холодом и запахом влажной земли и ила. Зубейде неожиданно полегчало.

Смотревшая на нее женщина усмехнулась – но непрозрачные гагатовые глаза не потеплели и глядели двумя колодцами мрака.

Зубейде от такого взгляда стало как-то не по себе.

С выходящей на Тиджр террасы донеслись веселые крики. Пищали и стрекотали невольницы.

– Что там? – приобернувшись, сердито крикнула мать халифа.

– Эмир верующих переправляется в Большой дворец на барке, о госпожа!

С реки и впрямь донеслись звуки музыки и смех. Мальчишеский, естественно.

Зубейда резко встала – ее качнуло. Вывернувшись, она твердым шагом спустилась на террасу.

По вечернему гладкому Тиджру сплавлялся огромный

плоский *таййар* халифа. Горели факелы, свечи, лампы, разбитый на палубе шатер светился изнутри алым светом, занавеси бились о золотые колонны.

Мухаммад сидел в шатре и, никого не стесняясь, у всех на виду сосался с мальчишкой-гулямом. И тискал попку под скользким шелком шальвар. Кавсар сидел у халифа за спиной и разминал тому плечи. С террасы было не видать, но Зубейда могла поручиться, что на ярко покрашенных губах молодого евнуха играет довольная улыбка.

Ярость нахлынула холодной, пахнувшей речной тиной волной.

Вот как не терпится твоему сыну, Ситт-Зубейда! Он не может дождаться, когда барка подойдет к причалу ас-Сурайа! У всех на виду! У всех на виду!!!

На противоположном берегу собиралась большая молчаливая толпа. Люди поднимали головы от рыбацких сетей, от плетеных корзин. Разносчики оборачивались и поднимали ладонь козырьком.

Кавсар поднялся, женственной, покачивающей бедрами походкой подошел к столбу шатра, отвязал шнуры и задернул занавесь. На подсвеченной изнутри алой ткани четко обрисовался его силуэт. Откинув кудрявую голову, Кавсар принялся медленно, зовуще извиваясь, сбрасывать с себя одежду.

Людей на берегу все прибывало. Толпа молча смотрела на проплывающий вниз по реке чудо-корабль.

Зубейда вскрикнула и в бессильной злости укусила ко-
стяшки пальцев. В голове стрельнуло болью – и резко смерк-
лось.

– Госпожа! Госпоже плохо! – сквозь густеющую темноту
донеслись испуганные крики невольниц.

Обморок накрыл ее душным ватным одеялом.

* * *

Переливающаяся огнями халифская барка скрипела
уклюжинами и чуть раскачивалась. Мелкие волны поплес-
кивали о ступени недостроенной террасы, смывали нанесен-
ный рабочими песок.

Из-за наспех сколоченных деревянных ставен за кораблем
наблюдали несколько пар внимательных, злых глаз.

В шатре на палубе *таййара* за натянутым красным шел-
ком извивались два приникших друг к другу тела. Мальчик с
распущенными волосами, в одних шальварах, стоял над лю-
бовниками и мерно колыхал огромное опахало.

– Мерзкие твари... – прошипел один голос.

– Отвратительные извращенцы, – поддержал другой – глу-
бокий и спокойный.

– Смертные, что с них взять, – бронзой звякнул третий.

Джинн и два сумеречника брезгливо отвернулись от плы-
вающей мимо халифской лодки.

Они сидели в еще не отделанном покое на новой, только

что построенной половине дворца. Тиковые доски штабелями высились у голой стены. За подковой арки волновалась темная зелень вечернего сада. Звучно шлепнулся о землю упавший под ветром лимон.

– Так чего тебе надо, Иорвет?

Джинн сидел на заднице, довольно растопылив мохнатые лапы. Под сидалищем лежала соответствующая его рангу и положению подушка. Внешне джинн совершенно походил на серого парсидского кота. Внимание человека могли привлечь лишь внушительные размеры животного – Хафс ибн Хафсун из рода южных силат действительно разъелся на женской половине. Невольницы умильно всплескивали руками, наперебой вынося «котику» блюда с молоком и мелко нарубленным мясом. Вот почему Хафс толстел и удлинялся с каждым годом.

Перед джинном – на голом полу – почтительно сидели два самийа. Любой ашшарит мог без труда опознать в них лаонцев. Всем известно, что лаонцы – рыжие, с золотистой кожей и желтыми глазами. Эти двое были как раз львино-лисьего окраса с ног до головы.

А знакомый с делами дворца человек сказал бы, что оба сумеречника служат в страже-*хурс*, то есть «немом отряде». Для несения службы при халифе покупали воинов-чужестранцев, не знающих ашшари, – так удобнее обсуждать государственные тайны. На обоих сумеречниках поблескивали позолоченными пряжками кожаные панцири *хурса*, а на

коленях лежали длинные прямые мечи-фиранги.

Сидевший напротив джинна лаонец с поклоном протянул коту листок бумаги – рукав сполз и обнажил запястье. На внутренней стороне руки чернела большая прямоугольная печать хозяйственного ведомства с именем самийа и названиями дворцов, в которых тот имел право появляться. Внимательный взгляд мог бы прочитать там полный список помещений ас-Сурайа. Даже Младший дворец был прописан – заглавными буквами Й, Н, А, А. Йан-нат-ан-ариф.

– Мне нужно, чтобы ты помог братцу Нуалу, – на хорошем ашшари сказал лаонец и по-кошачьи улыбнулся.

Услышав свое имя, второй самийа отложил в сторону меч и почтительно поклонился джинну, коснувшись лбом деревянного пола.

– А что случилось? – довольно промурчал кот, лапой разглаживая усы.

Нуалу быстро заговорил по-лаонски, Иорвет спокойно, с мягкой улыбкой переводил:

– Братец говорит, что к нему в Младшем дворце пристаёт человека.

– Невольница? – поинтересовался котяра.

– Да, Хафс.

– И чего ей надо?

Иорвет перевел вопрос, и Нуалу взорвался возмущенными фырканиями.

– Она хочет затащить его в постель. А Нуалу не хочет с

ней ложиться. Теперь человечка угрожает, что, если он с ней не ляжет, она скажет евнуху, что Нуалу к ней приставал.

– Плоо-охо дело, – протянул джинн. – За такое дружка твоего выбьют, как ковер по весне. И никто его лаонское мяуканье слушать не будет – выдерут, забьют в колодки и в яму посадят. Она ж небось правоверная, эта баба...

– Да, – усмехнулся Иорвет. – Она сумеет привести четырех свидетелей, я не сомневаюсь.

– Имя? – коротко мявкнул джинн.

Иорвет молча показал подбородком на листок бумаги.

Серый кот развернул его лапами, прочел, кивнул, фыркнул на бумажку – и та вспыхнула ярким пламенем.

Забив лапой тлеющий серый пепел, Хафс поинтересовался:

– Ну а мне-то что нужно сделать?

– Ты наверняка знаешь про нее некие вещи, о которых не должен знать никто, – тонко улыбнулся сумеречник.

Кот в ответ захихикал, шевеля ушками:

– Про Будур-то... Хи-хи... Да уж знаю, знаю...

– Ну вот. Напиши безымянный донос евнуху. Пусть выбьют как ковер ее, а не Нуалу.

– А что б тебе самому не написать такое письмо, а, Иорвет? – мрачно поинтересовался джинн.

– Я не могу, – усмехнулся лаонец. – Разве ты забыл, о Хафс? Я не то что писать – говорить на ашшари не должен! А вдруг кто узнает? Не хочу, чтобы меня распяли на мосту...

Кот отмахнулся серой лапищей – да ладно, мол, тебе. И строго заметил:

– А джинн, по-твоему, должен писать письма? А вдруг кто узнает?

В ответ Иорвет рассмеялся:

– Даже если узнает – не поверит! Ты, верно, не слышал, Хафс, но у ашшаритов в последнее время немодно верить в джиннов!

– Как это?! – строго мявкнул кот.

– А вот так! – продолжал веселиться Иорвет. – Я подслушал разговор двух богословов, возвращавшихся из мечети, и они говорили, что согласно учению мутазилитов джиннов – нету!..

– Так-таки и нету? – фыркнул кот.

– Нету! – вытирая рукавом слезы, покивал сумеречник.

Джинн зевнул, показав острые изогнутые клыки, и согласнo махнул лапой – ладно, мол, убедил.

Иорвет поклонился и сказал:

– Назови свою цену, о джинн.

Кот отчеканил:

– Анонимка – пятнадцать динаров. Деньги вперед.

Нуалу молча поклонился и вынул из рукава увесистый сверток.

Джинн одобрительно покосился на пестрый платок, в котором лежало отвешенное золото, и довольно вздохнул:

– Ладно, давайте сюда бумагу и калам...

Иорвет быстро выставил перед котом ящик с письменными принадлежностями.

– У писцов небось сперли? – небрежно поинтересовался Хафс, раскатывая тонкую бумагу.

Лаонцы пофыркали – а то у кого же еще...

Кот, сопя и шевеля усами, зажал калам в лапе и принялся выводить букву за буквой.

– Каллиграа-афия... – довольно пробормотал он, завершив строчку с адресом-унваном.

Нуалу промурлыкал что-то по-лаонски.

Иорвет перевел:

– Братец спрашивает, зачем тебе деньги, о Хафс?

Кот вскинулся:

– Как это зачем?

– Ты же все равно живешь во дворце на всем готовом!

– Я коплю на дом в квартале аз-Зубейдийа, – отрезал джинн. – Там сейчас участки под застройку по дешевке продают. Построю дом, куплю козу, пару невольниц – и заживу как человек.

– Человек? Ты же кот!

– Правоверные джинны имеют право ходить в облике человека, – строго взглянул на собеседника Хафс. – А я собираюсь принять веру Али.

– Вот оно что, – усмехнулся Иорвет.

Кот продолжил старательно водить каламом, сопя, полизывая уставшую лапу и возя по полу хвостом.

Вдруг из соседних комнат донеслись крики и звуки шагов:

– Эй, Фаик! А в Тиковой комнате смотрели?

Лаонцы быстро переглянулись.

– Валите отсюда, – добродушно фыркнул джинн. – А то обоих выдерут за кражу ларца с бумагой, чернилами и каламом.

Приближающемуся Фаику ответил незнакомый голос:

– Да кому нужна эта Тиковая комната!

Шаркающие шаги звучали все громче.

– Подумаешь, связку бумаги сперли! Небось вынесли уже в город, кто ж будет сидеть на краденое!

Лаонцы поклонились коту и бесшумными тенями выскользнули в сад.

Раздвижная дверь отъехала с громким стуком. Переступивший порог евнух несколько мгновений созерцал открывшееся его взгляду: голая комната, доски у стены, на полу горящая лампа, а рядом с лампой здоровенный серый котяра с каламом в лапе. Между двумя огромными, вытянутыми в стороны лапищами лежал исписанный лист бумаги.

Евнух застыл с разинутым ртом.

Кот взмахнул каламом и рывкнул:

– Чего уставился?! Кошечку никогда не видел?!

Евнух дико заорал:

– Джинны! Помогите! Джинны!!!

И с воплями выбежал из комнаты.

Обратно в Тиковый покой он вернулся уже в компании

упомянутого Фаика – здорового евнуха, за объем лицевой части прозванного Кругломордым. На полу рядом с потухшей лампой стоял резной ларец с письменными принадлежностями. А рядом лежал исписанный лист дорогой бумаги-киртас.

– Ну и где джинны, о сын падшей женщины?! – гаркнул Фаик и с размаху треснул подчиненного палкой. – Ну-ка дыхни!

Тот послушно выдохнул.

– Так я и знал! – заорал Кругломордый. – Вы все обпились пальмового вина! До того наладились, что джиннов видите! Двадцать палок!

Незадачливый евнух рухнул на колени и принялся умолять о пощаде, его поволокли прочь, а Фаик тихо нагнулся и поднял бумагу.

Прочитав написанное, он зло усмехнулся и пробормотал: – Ну что ж, Будур, время нам поквитаться...

Ситт-Зубейда приоткрыла глаза, и звенящая браслетами смуглая ручка тут же поднесла к губам чашку:

– Настойка от господина лекаря, о великая госпожа, – почтительно пробормотала рабыня.

Зубейда глотнула и сморщилась от непередаваемой горечи.

Голос Мараджил донесся откуда-то сбоку:

– Не стоит так волноваться, матушка.

– Ты о чем? – огрызнулась Зубейда – и тут же пожалела

о несдержанности.

Она не любила проявлять слабость, а тут умудрилась сплеховать дважды: сомлела, да еще и на мать пасынка гаркнула. Не годится Ситт-Зубейде вести себя как жена башмачника...

Мараджил, однако, не подала виду, что заметила резкость:

– Не вижу ничего плохого в том, что Мухаммад развлекается с мальчиками. У нас в Хорасане никто бы и бровью не повел – молодость, все всё понимают!

– Так то у вас в Хорасане... – пробормотала Ситт-Зубейда, устраиваясь на подушках.

– А что Ариб? – непринужденно поинтересовалась Мараджил.

Знаменитейшая, наидерзейшая и самая дорогая столичная певица развлекала халифа с прошлой пятницы. Личные покои аль-Амина, казалось, стали местом паломничества – всякому хотелось хоть раз услышать умопомрачительный голос Ариб. Говорили, что, когда она поет, люди начинают биться в корчах экстаза, пуская пену и разрывая одежду.

Что до других достоинств певицы, то Ситт-Зубейда была осведомлена о них лучше всех: именно она пять лет назад купила девушку за бешеную сумму в пятнадцать тысяч динаров. Пять лет назад – когда Харуна стали мучить странные, расползающиеся по пояснице боли, от которых не помогала даже вытяжка сокирки. Тогда же, пять лет назад, Ситт-Зубейда потратила тысячи и тысячи динаров своего личного

состояния, чтобы в тайне ото всех пригласить лекаря-самийа из Абер Тароги. Сумеречник приехал, посмотрел на Харуна, затем вежливо попросил халифа сесть у белой стены – «я так лучше вижу человеческое тело», мягко пояснил он. Посмотрел на Харуна еще раз. А потом поклонился, сказал, что ничем помочь уже не может, отказался от денег и подарков и уехал. Зубейда тогда проплакала несколько дней подряд. Самийа честно признался: недуг оплел желудок халифа, его нити протягиваются к позвоночнику. И Зубейда решила приобрести певицу, за которую безумно ревнивый хозяин просил безумную цену. Когда она пела, взгляд Харуна прояснялся, и боль отступала. И лишь Ариб пробуждала в изъеденном болезнью теле халифа желание – и тогда отступали черные мысли о самоубийстве. Через пять лет Харун потерял остатки терпения и мужества и приказал везти себя к надгробию Али ар-Рида – просить либо быстрой смерти, либо избавления. До Мешхеда он не доехал самую малость. Ситт-Зубейда про себя считала, что праведник откликнулся на молитву Харуна – избавил от бремени жизни.

Теперь Зубейда потребовала от певицы нового чуда – обратить мысли ее непутевого сына к женщинам. Но, видно, Всевышний отпустил Ариб удачи лишь на одного страждущего – и аль-Амин не вошел к ней.

– Он ее даже не потискал, – мрачно откликнулась Ситт-Зубейда на вопрос Мараджил.

А та вдруг щелкнула пальцами и засмеялась:

– Пожалуй, сестричка, я знаю что делать!

– Улыбаешься, как лиса-шейх, – проворчала мать халифа.

– Да буду я жертвой за тебя, о Зубейда! – воскликнула

Мараджил, складывая искрящиеся от драгоценных камней ладони. – Выслушай меня!

– Ааа, – безнадежно отмахнулась широким рукавом Зубейда.

– Наряди ее в мужскую одежду, – хитро прищурившись, сказала Мараджил.

– Что-ooo?

– Ее и еще с десятков рабынь постройнее. Убери им волосы под чалмы, завей, как юношам, локоны на висках, надень на них длинные кафтаны – и пусть туго перепояшутся кушаками.

– Ну да, и задницами пусть крутят, – недоверчиво буркнула Зубейда.

– А что? – захохотала парсиянка. – Говорят, такую штуку придумал правитель Хорасана Мубарак аль-Валид. Он тоже был большим охотником до евнухов и мальчиков и, чтоб заиметь, наконец, сына, завел себе харим из гуламийат!

– Кого-кого?

– Гуламийат, девочек-мальчиков, – сверкнула зубами Мараджил.

– Вы, парсы, такие затейники, – скривилась, как на лимон, Ситт-Зубейда – но и задумалась тоже. – И что, заимел этот... как его... аль-Валид сына?

Улыбка смылась с лица Мараджил, как песок с мрамора фонтана:

– Это одному Всевышнему известно.

В ответ на удивленно поднятые брови Зубейды парсиянка тихо пояснила:

– Во дворце тогда перебили всех до единого. Если какая из них понесла и разродилась, мы этого никогда не узнаем.

– Когда тогда? – непонимающе сморгнула мать халифа.

– Когда ваш цепной нелюдь взял Нишапур, – зло скривилась парсиянка.

– Чего это он наш? – тут же взвилась Зубейда. – Он такой же наш, как и ваш!

– А кто его поймал? Кто сюда привез с края света? – Мараджил злилась все сильнее и сильнее.

– Он ваш Мерв спас, между прочим! И Фейсалу! – не сдавалась Зубейда.

– Ну да, а потом раскатал Нишапур, Нису и Самлаган по камешку, – мрачно проговорила парсиянка. – По приказу, между прочим, твоего дяди.

– Мой дядя тогда еще в игрушки играл, – насупилась мать халифа.

– Значит, бабка твоя для нас расстаралась, – сверкнула глазами Мараджил.

– Оставим этот спор, – тихо отозвалась Ситт-Зубейда. – Написал калам, как хотел Всевышний, и тут ничего не изменишь.

– Слыхала я нечто иное, – процедила парсиянка. – Это правда, что вы хотите будить свое чудище?

– А ты, я смотрю, в хадж не собираешься? – вкрадчиво осведомилась Ситт-Зубейда – она начинала терять терпение. Мараджил быстро прикусила язык.

Что тут ответишь? Скажешь – не пойду, потому как глупость и оскорбление огня Хварны этот ваш хадж? А скажешь – пойду, так чего доброго придется и впрямь садиться на верблюда и брести через безводную пустыню к этому их глупому Камню. Поэтому Мараджил только поклонилась со словами:

– Сказал посланник Всевышнего, мир ему и благословение: «Если ты ищешь сокровищ, то нет сокровища лучшего, чем доброе дело».

Насмешливо скривив губы, Зубейда глядела на склонившиеся к самому ковру перья на шапочке Мараджил. Дождалась, пока парсиянка вынырнет из поклона и проведет по лицу ладонями. И, наконец, ответила – не отпуская с лица недоброй усмешки:

– Недаром сказал Али – да будет с ним мир и благословение Всевышнего! – «Уготован рай для сдерживающих гнев, прощающих людям. Поистине, Господь любит делающих добро!»

Мараджил покорно закивала, отчаянно звеня серьгами. Мать эмира верующих и впрямь могла отправить ее в паломничество – месяц зу-ль-хиджа наступал еще не скоро, но обещал быть таким же опасным, как и пора хаджа нынешне-

го года. Мараджил не хотела стать пищей для шакалов пустыни – или, того хуже, рабыней, мелющей зерно бедуинам или карматам, которой по ночам раздвигал бы ноги каждый желающий.

– Возьми шербету, сестричка, – наконец, благосклонно улыбнувшись, сказала Ситт-Зубейда.

Под стук серебряной ложечки о чашку драгоценного стекла мать халифа задумалась снова. И, наконец, решилась:

– Я знаю, что вы, парсы, славитесь мстительностью и упрямством. Как у вас говорят? Стоять на своем, словно ступил обеими ногами в один башмак?

Мараджил, высасывавшая содержимое ложечки, озорно подняла брови и закивала с улыбкой.

– Но все же скажи мне истинную правду, о сестра, – хмуро продолжила Ситт-Зубейда. – Ты полагаешь, что нерегиль будет для нас скорее опасен, чем полезен? Или в тебе говорят лишь старые обиды?

Парсиянка промакнула карминовые губы платком и отдала его невольнице. И с кривой усмешкой ответила:

– А я почему знаю, матушка? Я не знаю, чего во мне больше – парсидской крови или парсидского гнева. Зато знаю вот что: нерегиль ваш проснется ох какой злобный! Несдобровать тому, кого он первым увидит!

– Отчего? – ужаснулась Зубейда.

– Оттого, что он не по доброй воле спать отправился!

– Конечно, не по доброй! – сердито отмахнулась Зубей-

да. – Его как рыбу разделали, в том месте мрамор пришлось перекладывать – кровищу не отмыть было...

– Я не о том, – мрачно сказала Мараджил.

– Опять ты за свое! – вскинулась мать халифа. – Не подсылала она никого! Что ты прицепилась к моей бабке!

– А я и не об этом, – пожала плечами парсиянка и зацепила ложечкой еще шербету.

– Ты убьешь меня сегодня, несомненно, – проворчала Ситт-Зубейда.

– Можешь злиться, Зубейда, но эта тайна не стоит и медной монетки. Айша Умм Фахр водила Тарика в спальню.

– Слыхала я эти сплетни, и не раз. Домыслы! – отфыркнулась мать халифа.

– А чтобы от позора уберечься, его и подкололи, – настаивала Мараджил.

– Все врут, – сурово уперлась Ситт-Зубейда.

– И по горлу полоснули не зря, а чтобы он ничего сказать не сумел!

– Кто ж подослал-то?

– Да те, кто над ним стояли, те и подослали! Звездочет и шейх!

– А ты почему знаешь? Ты с Джунайдом встречалась, что пальцем в него тычешь? – окончательно рассердилась Зубейда.

– Кассим аль-Джунайд, – тонко улыбнулась Мараджил и отложила ложечку на поднос, – после того как уложил этого

вашего упря на покой, каждые два года ходил в хадж. За-
чем?

– Лучше бы он отправился в хадж сейчас – от его мечта
было бы больше толку, чем от его молитв, – мрачно пробормо-
товала Ситт-Зубейда.

– Меч ему понадобится, когда нерегиль проснется, –
фыркнула Мараджил в ответ. – Вот увидишь, как они схлест-
нутся...

– Да откуда ты взяла все это, о бесстыжая? – гаркнула мать
халифа.

– Ну будет тебе, матушка! – звонко расхохоталась Мара-
джил.

– Нет, ты мне скажи!

Парсиянка засмеялась так, что повалилась навзничь на
подушки, а ее невольницы захихикали, прикрывая лица
пашминами.

– Мараджил!!!

– Ладно, – отдуваясь и поправляя державшие шапочку
шпильки, поднялась и села парсиянка. – Скажу тебе, о
Зубейда. После того дела один из слуг сбежал и нанялся слу-
жить моему деду. Слуга-то все и рассказал: и про то, как они
во дворце как кошки по коврам катались и только что не мя-
учили, и как в загородной усадьбе тайком встречались, и как
в горном имении великая госпожа что ни день Тарика в сад
таскала. Слуга этот, кстати, как раз в саду копошился, ко-
гда Джунайд к ней пришел и предостерегать начал. Бедняга

все боялся, что, раз нерегия за прелюбодеяство убить пытались, тех, кто служил госпоже Умм Фахр в Дар-ас-Хурам, возьмут на допросы и пытки. Так и умер, дрожа от страха...

— Рассказывают, что прислугу из того дворца и впрямь всю распродали... — задумчиво протянула Зубейда. — И сам дворец снесли, все еще гадали, отчего так — и года в нем Умм Фахр не прожила, и на тебе — все под снос...

— Ну вот, теперь ты все знаешь, сестрица, — вежливо поклонилась Мараджил.

— И впрямь знаю, сестрица, да благословит тебя Всевышний за рассказ и предостережение... — Зубейда хмурилась все сильнее и сильнее.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь перезвоном браслетов и шелестом шелка.

Вдруг Ситт-Зубейда заговорила снова:

— Завтра мой сын и твой сын встретятся. Для того вас и вызвали из Хорасана с такой поспешностью.

Мараджил настороженно молчала, прищулив глазищи.

— Дело и впрямь будет иметь касательство к нерегию.

— Что-то ты издалека начала, о сестрица, — мягко проговорила парсиянка.

Зубейда решилась:

— Мне говорят, что ты и твой сын сговариваетесь против халифа, чтобы убить его и отнять престол. Еще говорят, что Абдаллах, сын твой, желает разбудить нерегия, чтобы расправиться с теми, кто не пожелает ему подчиниться после

гибели халифа аль-Амина.

Стало слышно, как на пристанях Тиджра перекликаются лодочники.

– Так ли это? – тихо спросила Ситт-Зубейда.

Черная радужка глаз Мараджил, казалось, не отражала дневного света.

Вдруг парсиянка улыбнулась:

– Зубейда, про меня и моего сына тебе будут говорить в оба уха. Не переставая. Потому что супруга нашего, Харуна ар-Рашида – да будет доволен им Всевышний! – видать, попутал див, когда он составлял завещание. Не бывает у царства двух наследников, не бывает у царства двух правителей. Не должно быть такого, чтобы один сидел властителем здесь, в столице, а другой – во всем ему равный – полноправным владельцем в Хорасане. Нельзя делить страну между двумя братьями. Это соблазн, Зубейда, а посланник Всевышнего говорил, что верующему должно бежать соблазна.

– К чему ты клонишь, Мараджил? – прищурилась мать халифа.

– Абдаллах аль-Мамун во всем покорен брату. Но мне говорят, что ты и твой сын сговариваетесь против правителя Хорасана, чтобы отнять у того права престолонаследника и вотчину, а самого убить или заточить в темницу по ложному обвинению в измене халифу. Вот к чему я клоню, о Зубейда.

– Про меня и моего сына тебе будут говорить не переставая, о Мараджил, – усмехнулась Ситт-Зубейда. – Аль-Ма-

мун сидит в самой богатой провинции аш-Шарийа и ничем брату не обязан, в то время как аль-Амин, не в пример ему, связан тяжелыми обязательствами. Нарушив любое из них, он теряет власть над халифатом. Такова воля Харуна, и это завещание лежит в Ятрибе у Черного камня Али.

– Ятриб сожжен, и клятвы верности сгорели вместе со святилищем Камня, – тихо отозвалась Мараджил.

Женщины помолчали.

Зубейда вздохнула и нарушила молчание первой:

– Каковы же замыслы твоего сына относительно того дела?

Парсиянка скривилась:

– А мне почему знать? Абдаллах смотрит в рот своему вазир!

– Хм, – отозвалась Зубейда. – А моего дурачка, как телка, водит за собой его вазир...

– Если б только он... Госпожа Хайзуран, – прошипела Мараджил, – зря ополчилась против сына. Вот Иса ибн Махан, тот и впрямь сбил халифа с пути истинного...

При упоминании имени ненавистного начальника тайной стражи Зубейду перекосило. Не сдержавшись, она проговорила:

– Да будет доволен Хайзуран Всевышний! Свекровь не успела совершить столь многого...

– Да будет Он ей доволен, – согласно кивнула Мараджил – и, сверкнув глазами, провела ладонями по лицу.

Баб-аз-Захаб, ночь

Попойка была в самом разгаре. Халиф, заливисто хохоча, бросал мальчикам серебряные монеты. Гулямчата, хихикая, ползали на четвереньках, собирая блестящие дирхемы. Ковры и стриженую траву устилали лепестки и бутоны роз, мальчишкам приходилось ворошить благоухающие красные и розовые лепестки, чтобы откопать монетки. В воздухе стоял тяжелый аромат амбры и мускуса – от свечей и тазов для умывания рук.

Нуалу сглотнул и пробормотал:

– Какая мерзкая вонь... пахнет словно кошки нассали...

– Терпи, – прошипел Иорвет.

Они стояли недалеко друг от друга – под соседними арками павильона над прудом. В саду веселился халиф с сотрапезниками, над головами шебуршались и пересмеивались женщины. Невольницы сидели на балконах, у окон-смотрилен, топотали по переходам, по лесенкам, по тиковым полам крошечных комнат. Трехэтажный павильон, полный женщин: десятки, десятки любопытных глаз, жадных ртов, разбухающих грудей, похотливых рук, жаждущих фарджей. Жара спала, но темнота не принесла облегчения – сумеречники чувствовали мысли женщин, как липнущую к телу про-

потевшую одежду.

Мимо Нуалу шмыгнула тень – девка под покрывалом, лицо до половины закрыто тканью. На аль-самийа женщины не обращали внимания – что с них взять, статуи немые и в доспехи закованные. Обычно не обращали внимания, точнее сказать...

Навстречу рабыне из-за угла выдвинулась толстая пыхтящая фигура. Девка кивнула. Круглоголовый силуэт кивнул в ответ – и засеменил к пирующим.

Похоже, письмо Хафса достигло цели, мысленная речь Иорвета отдавала холодом злости.

Нуалу подумал в ответ: *Будет приятно посмотреть на то, как ее побьют палкой.*

Лаонец еле сдержался, чтобы не зарычать. И зло прижал уши.

Из сада к павильону быстро шли – двое. Кругломордый Фаик – и сам халиф. От аль-Амина шибало пьяной, мутной, нерассуждающей ненавистью и злобой, как если бы запах нечистот соединился с вонью перегара. Нуалу снова сглотнул – только бы не стошнило...

Халиф, бормоча про себя какие-то злые, бессмысленные ругательства, взлетел по ступеням под арку, его шатнуло, кожаные туфли со скрипом поехали по мрамору – и аль-Амин рухнул прямо в руки сумеречника. Нуалу поймал его над лестницей – еще чуть-чуть, и халиф бы упал и сломал шею.

Аль-Амин забился, заорал дурниной, потом пихнул суме-

речника в грудь с нехорошими словами – лаонец не понял смысл, но понял настроение: «Убери от меня руки, мразь!» Что-то подобное. А еще от человека дохнуло страхом – сильным, давним, острым, как запах зверя. Халиф боялся сумеречников. Вот оно что. Боялся, стыдился этого – и оттого еще больше ненавидел.

Получив оплеуху и новую порцию ругательств, Нуалу прижал уши. И еще раз сглотнул. Закрывать рукой и рычать он не имел права.

Халиф плюнул ему в лицо, вздернул подбородок и, пьяно отмахивая рукой, зашагал внутрь. И продолжил бормотать что-то про бессмысленных немых тварей – эти слова ашшариты произносили настолько часто, что Нуалу научился узнавать их в речи.

А потом откуда-то со второго этажа донеслись жалобные, пуганые крики – и визг.

Через некоторое время – а наверху все так же истошно кричали, надрывались женщины – аль-Амин снова вышел под арку. Теперь совершенно довольный и счастливый. Его пошатывало. Халиф неспешно спустился по ступеням в сад. Фаик показался следом.

В руках евнух держал большой, укрытый тканью поднос. Фаик дрожал с ног до головы, поднос ходил ходуном.

Сообразив, что лежит под мокнущей дорогой материей, Нуалу не сдержался и охнул. Иорвет возник за спиной неслышной тенью.

Евнух, все так же трясясь, пошел в сад за халифом.

Аль-Амин торжествующе орал – с чашкой вина в руке:

– Всевышний поставил меня блюсти приличия и законы!

А ну опусти поднос и сними ткань!

Фаик покорно положил блюдо на ковры и сдернул материю.

В свете ламп вплетенные в волосы женщин драгоценности заискрились – отрубленные головы уложили набок, лицом друг к другу.

– Это Будур, – выдохнул Нуалу.

– И ее любовница, – тихо добавил Иорвет.

Он-то понимал все, что говорили в саду.

Оттуда неслись удивленные восклицания и восхищенные цоканья. Вечно пьяный Абу Нувас размахивал руками и кричал:

– Клянусь Всевышним, я никогда не видел более красивых лиц и более прекрасных волос! А аромат их духов – он пьянит чувства! Подайте мне тунбур, я сложу бейты в честь этого события!

– Прославь справедливость эмира верующих, о поэт! – поддержал его хор голосов. – Господин, поделись с нами удивительной историей! За что две несравненные красавицы могли лишиться голов?

Аль-Амин хлебнул из чашки, отмахнул – вино плеснуло на розовые лепестки и ковры – и громко крикнул:

– Эти двое влюбились друг в друга и встречались с пороч-

ной целью! Я послал евнуха понаблюдать за ними и рассказать обо всем! И вот он пришел и сказал, что они вместе!

Гости захохали и заахали, восхваляя строгость нравов времен Пророка и порицая нынешнюю распущенность.

Халиф, пошатываясь и поплескивая из чашки, продолжил:

– Я поймал их под одним одеялом! Они занимались любовью! И я их убил!

Все одобрительно кивали и переговаривались, качая головами.

– О эмир верующих! Позволь ничтожному рабу посвятить тебе стихи!..

Иорвет стиснул зубы.

Нуалу пробормотал:

– Я... не хотел, чтобы ее убивали... Я хотел, чтобы ее просто поколотили!

Из темноты раздался мяукающий голос:

– Разве ты виноват, что она целовалась с подружкой под одеялом?

Джинн подошел и сел, обмотав лапы хвостом:

– Хе-хе, зато теперь никто не будет хватать тебя между ног! Хе-хе-хе...

Нуалу зарычал.

– Но-но-но! Где твоя благодарность, рыжий шельма! – зашипел в ответ джинн.

Послышались неспешные легкие шаги – ауранец, нес-

ший стражу на крыше, решил присоединиться к остальным сумеречникам.

– Я так понимаю, господа, именно вам я обязан спокойным и тихим ночным дежурством? – негромко поинтересовался Акио.

Ауранец медленно обтер лезвие изогнутого меча об рукав.

С железным шорохом вдвинул клинок в ножны и спросил:

– Что сказал этот извращенец?

– Что убил двух женщин за незаконную связь, – фыркнул джинн.

– «Убил двух женщин!» – зло передразнил сумеречник. И скривился в презрительной усмешке.

– Да он муху прибить не способен! Чуть в штаны не надедал, когда я помог умереть первой преступнице!..

– Морда аураннская, бессердечная... – зашипел все еще расстроенный Нуалу.

– А что такого?! – искренне обиделся Акио. – Между прочим, вторая металась и бегала от меня по комнате, как курица, всю мебель переколошматила! Вы когда-нибудь пробовали отрубить голову женщине, которая прячется за спинами целой толпы других баб и евнухов?!.. Это, чтоб вы знали, очень непросто!

Лаонцы переглянулись и согласно закатили глаза – мол, ауранец есть ауранец, что с него взять.

– Нет, а почему вы кривитесь? – прижал уши Акио. – Мне

приказали – я сделал! Вы бы по-другому поступили? И вообще, у этих смертных нет никакого понятия о приличиях! Преступница вполне могла бы покончить с собой! Я ей и так и эдак пытался объяснить: мол, простите, но сопротивление бесполезно, лучше приготовьтесь достойно принять смерть! А она? Орала и бегала от меня!

– Акио, – хихикая, встрял джинн, – она же не понимала по-аурански!

– Это я не принял во внимание, – нахмурился сумеречник. – В общем, ее схватили евнухи, но она так дергалась, что я уж думал – все, сейчас вместе с головой чью-то руку отрублю, знаете, так часто бывает, если кто-то не желает, чтобы ему помогли умереть...

– Хуже всех мне, – неожиданно подвел итог Иорвет.

– С чего бы это? – хором отозвались остальные.

– Они теперь всю ночь над этими головами будут импровизировать стихи, – зло выдавил лаонец. – На целую антологию наимпровизируют, уроды поганые. А потом будут повторять на каждой попойке: «Эти бейты я написал в знаменательную ночь, когда эмир верующих опустил меч возмездия на шеи нечестивых, забывших заповеди! Вот что я произнес над головами двух красавиц!» А я? Я же все понимаю!

– А я вот послушаю, – лениво заваливаясь на бок, протянул кот. – У меня дядя на Мухсине живет – знаменитый поэт, между прочим! Послушаю – да и pošлю ему последние стихи Абу Нуваса...

Сумеречники переглянулись, пожали плечами и посмотрели в сад.

Абу Нувас как раз заканчивал читать бейты, показывая на поднос с золотящимися в свете ламп, посверкивающими украшениями головами.

* * *

*Баб-аз-Захаб, навильон Совершенство Хайзуран,
два дня спустя*

Тягучие сумерки осеннего рассвета холодили подошвы ног сквозь тонкие чулки и туфли, забирались в ворот кафтана, оседали ледяным паром на бородачке. Мухаммад аль-Амин проклинал своего благочестивого деда, оставившего в назидание потомкам труд об обязанностях халифа. «Наставление сыну» его заставили заучить наизусть еще в детстве: «эмир верующих встает до рассвета, принимает теплую ванну и приступает к утренней молитве; затем, не теряя времени, он идет к советникам и занимается делами и, лишь рассмотрев все ходатайства и бумаги, садится завтракать...»

«Чтоб вам всем треснуть» – раскачивалась в гудящей больной голове мстительная мысль.

Предыдущей ночью они с Кавсаром и Али ибн Исой сорвали флажок в лавке старого Цимыня у ворот Шаркии – и арбузного вина оказалось слишком много даже для дюжины

– или скольких они там угощали – собутыльников. Бродяги размахивали шляпами из пальмовых листьев, прославляя щедрость эмира верующих, размалеванные певички – в этом квартале девка прилагалась к бутылки за дирхем – хихикали и лезли ладонями под набедренные повязки. А Кавсар – о, изменник! ты еще поплатишься! – сосался с какой-то шлюшкой, видно думая, что он, Мухаммад, настолько пьян, что ничего уже не видит. С горя он выпил еще одну меру вина и впрямь перестал что-либо видеть. Заснул аль-Амин ближе к полудню, проснулся ближе к середине ночи. Похмелье колотило в затылок, как медник в котел, во рту стоял омерзительный привкус рвоты, который не могли смыть ни вода, ни лимонный шербет. Ему бы кутраббульского и еще поспать – так нет же, «эмир верующих встает до рассвета», чтоб им всем треснуть, святошам с постными рожами...

Аль-Амин шлепал туфлями по разобранной садовой дорожке – мерзкая белая пыль поднималась при каждом шаге, острые неровности камня заставляли подошвы неловко выворачиваться. Халиф сжимал плечо гуляма – чтобы не завалиться, если занесет или оступишься. Мучительно растирая левый глаз, он переусердствовал и вогнал себе под веко ресницу. Из глаза неудержимо потекло, щеку задергало. Замазываясь рукавом, аль-Амин отпустил плечо мальчишки, тут же жестоко споткнулся об оставленный строителями камень – и заорал от боли в расшибленном большом пальце:

– Чтобы вам всем треснуть!!! Сдохнуть!!! Ненавижу!!!

Он ненавидел бесконечную стройку, уродующую прекрасные формы старого дворца. Ненавидел отца, вышвырнувшего в строительный раствор сотни тысяч дирхемов. Ненавидел мать, вечно пихающую в спину наставлениями и упреками. Ненавидел главного вазира, бесстыдно подсовывающего на подпись раздутые счета и липовые квитанции-бера'ат. Ненавидел каменные рожи стражников *хурса* – тоже отцовское нововведение! Кто придумал наводнить дворец зинджами, тюрками и кошачемордыми сумеречниками? Аль-самийа – самые из «немых» мерзкие: вечно кажется, что они улыбаются, к тому же насмешливо! Смотрит – а про себя думает гадости! И хихикает!

Но больше всего аль-Амин ненавидел себя. Я не хотел рождаться наследником халифа! не хотел! не трогайте меня и не смотрите на меня так, я не хотел, вы сами виноваты!

Хотя нет. Больше всего он ненавидел злобную, страшную, нечеловеческую тварь, которую семьдесят лет назад увезли на Мухсин и замуровали в пещере!

А теперь? Теперь его наверняка отправят будить нерегиля!

Потому что – да проклянет их Всевышний в День суда! – «эмир верующих – отец всех ашшаритов». Кто бы объяснил еще, почему защитой верующих должно быть какое-то жуткое, потустороннее существо, которым в раннем детстве пугала старая нянька: «Не шали, не шали, Мухаммад, вот придет аль-Кариа, заберет тебя». «Бедствие», бедствие из бед-

ствий – воистину, его няня, родившаяся в Фаленсийа и чудом пережившая осаду города, знала истинное имя чудища. Аль-Амин признался себе, что смертельно боится нерегия – а кто бы не испугался?!

А они еще книжку подсунули – Яхьи ибн Саида, «Путешествие на запад». То самое, которое старый хрен астролог до конца жизни писал, даже в завещании велел копию в могилу положить, так и положили, под плиту, а над ней поставили остроконечный купол, чуть ли не выше Масджид-Ширвани... Вспомнив про старый дом молитвы, аль-Амин припомнил и рассказ Яхьи ибн Саида про жуткие ночи, которые там провел, меряясь силами с нерегием, халиф Аммар ибн Амир. Вспомнил про призраков, неупокоенных духов и шайтанов – и его замутило.

Ну почему именно он? Изо всех людей? Почему именно он должен тащиться в Хорасан, на край света, за самую Фейсалу?! Почему именно он должен отправиться в какие-то бесплодные и безлюдные то ли скалы то ли горы, про которые плели какие-то страшные истории про джиннов, гулов и дэвов! И все для чего? Чтобы подергать за рукав аль-Кариа и выпустить это бедствие из могилы?.. Тьфу, он же вроде как не мертвый там лежит...

– О повелитель, осторожнее, тут еще один камень! – Мальчишка заботливо поддержал его под локоть, не давая оступиться.

Глаз подтекал слезой, но почти проморгался. Пылища под

ногами улеглась, и теперь они обходили большой кусок мрамора. Аль-Амин едва не споткнулся.

– Осторожнее, во имя Всевышнего, да хранит Он тебя, повелитель!.. – Гулямчонок бережно обхватил запястье.

Заглянув в подведенные и густо покрашенные глаза мальчика, аль-Амин припомнил пробуждение – вернее, то, что его скрасило, – и ласково провел пальцем по пухлым и... сильным губам юного красавца. Тот кокетливо улыбнулся и прихватил ртом палец халифа. Настроение аль-Амина улучшилось.

С мгновение поборовшись с желанием, он раздумал уединяться с мальчишкой и направился дальше. Путь лежал мимо прудов, пустующих в ожидании воды, вверх по широкой лестнице из драгоценного фархадского черного мрамора – в павильон-*джавсак*, построенный на деньги его свирепой бабки Хайзуран. Новое место заседания государственного совета так и назвали – Совершенство Хайзуран. Просторный четырехугольный павильон с изящной легкой крышей на восьми колоннах сменил мрачный Зал Совета с вмурованной в пол решеткой над подземельем.

Вазиры зябко кутались в подбитые ватой халаты, протягивали ладони к жаровням, ежились в высоких шапках-калансувах. Аль-Амин мстительно улыбнулся: одетые в черные церемониальные одежды советники в похожих на перевернутые бутылки шапках выглядели как стая воронов на рассветной помойке: холодно, голодно, все уже подъедено бродячи-

ми собаками и нищими, и стервятнику нечем поживиться.

Халиф еще раз оглядел собрание – все соскочили с подушек и завалились кверху задом на ковры. Давайте-давайте, целуйте землю между ладонями, я иду, давайте, ниже, ниже опускайте хитрые лицемерные морды.

Аль-Амин вытащил средний и указательный пальцы из трудолюбивого рта мальчишки. Жаль, надо было бы задержаться вон у той полуобрушенной стенки, ничего, подождали бы. С ухмылкой аль-Амин отметил, как многозначительно переглянулись советники братца. Ничего-ничего, потерпите, вы это делаете в темных уголках сада, а я у вас на глазах, ну так и что?

А Кавсара он прикажет высечь. Сегодня же утром, как закончится этот мерзкий совет. Прямо по заду прикажет высечь. Изменник.

Настроение аль-Амина улучшилось окончательно, и тут он увидел своего брата.

Абдаллаха он узнал сразу, хотя тот по виду ничем не отличался от других сановников – тот же кафтан умейядского черного цвета, та же дурацкая калансува на бритой голове. Бритой, надо же. И усы с бородкой отпустил, на парсидский манер, поди ж ты. Всего-то два года как сидит наместником в Хорасане, а глядит уже парс парсом. Ха, Абдаллах, может, ты и в этот их чауган выучился играть? Помнится, когда мы были совсем юными, ты сторонился клюшки, мяча и коня...

Нежно потрепав гуляма по кудрявому затылку, аль-Амин

уселся на свою широкую подушку, покрывавшую длинную платформу из позолоченного дерева. Черный раб тут же поднял халифский церемониальный зонт-*мизалла*. Солнца не было еще и в помине, но в собрании эмир верующих являлся согласно требованиям строгого придворного этикета.

– Поднимитесь, почтеннейшие, – милостиво кивнул он всем.

Переглядываясь – пытаются угадать, в каком он настроении, небось, – сановники распрямили спины и расселись по местам.

– Подойди ко мне, брат, – небрежно кивнул аль-Амин Абдаллаху.

Тот послушно подскочил и, почтительно согнувшись, приблизился к тронному возвышению.

– Подойди ближе, брат, и сядь передо мной.

Аль-Мамун остался стоять в пяти этикетных шагах, лишь склонился еще ниже.

– Подойди, во имя Всевышнего, брат!

Проклятые церемонии, ничего по-человечески сделать нельзя, даже с братом поздороваться. Халиф спиной чувствовал буравящий взгляд Мараджил – «тетушка» сидела в невысоком шатре, разбитом у ступеней павильона. Оттуда же наблюдала за происходящим его мать.

Абдаллах продолжал стоять, как суслик у своей норы.

– Во имя Всевышнего, подойди ко мне, брат!

Аль-Мамун угодливо сгорбился и засеменил к трону. По-

ка задравший брови халиф наблюдал за этими парсидскими выкрутасами, тот вдруг примерился и поцеловал ладонь аль-Амина под длинным рукавом. Халиф дернулся, как ужаленный:

– Фу ты! Что ты делаешь, о Абу Аббас! Только парс, к тому же покоренный, опустится до таких манер!

Аль-Мамун вскинул на него непонимающий взгляд. И тут Мухаммад расхохотался:

– Да сядь же, брат! Я поклялся Всевышним, что ты сядешь! Ну-ка, подайте ему подушку! Нет, две подушки!

Абдаллах, наконец, опустился на услужливо пододвинутые майясир.

По залу прошла едва слышная волна шепотков. Как же, как же, небось всю ночь глаз не смыкали, вороны, все гадали, как он, аль-Амин, встретит брата. А вот *фи хир уммихи* – катитесь-ка вы все к шайтану, я вас еще не так удивлю. Думаете, раскусили? Так вот вам шайтанов зад в морду...

– Начнем, – важно кивнул он собранию.

Когда стих хор голосов, дружно читающих «Открывающую» суру, сидевший по левую руку халифа Абу аль-Хайджа первым подал голос:

– Во имя Всевышнего, милостивого и милосердного! Неужели племя таглиб станет свидетелем моего унижения, о повелитель?

Вот как. Кто бы сомневался – наглый бедуин станет не только требовать подачек, но и упрется намертво в деле

нерегия. Кому же охота уступать должность главнокомандующего, а самое главное, положенного главе войска жалованья?

– Объяснись, о Абу аль-Хайджа.

– Дошло до меня, о повелитель, что твои советники, – тут ибн Хамдан подарил колючим взглядом толстые морды главного вазира и неожиданно вспотевшего вазира налогового ведомства, – желают тебе зла, а всем правоверным погибели!

Вазир дивана хараджа вскочил, взмахнув рукавами:

– Как тебе не совестно лгать в собрании верующих, о поедатель колючек и горьких плодов колоцинта!..

– Уймись, ты, сын торговца маслом!

– О правоверные! Доколе мы будем терпеть в столице бесчинства этих шакалов из пограничья?!

Главный вазир тоже вскочил и присоединился к перепалке, а следом заорал военачальник аль-Мамуна. Среди общего гвалта и крика аль-Амин посмотрел на брата: Абдаллах сидел прямо перед ним и, опершись локтем на колено, спокойно жевал травинку. Поймав взгляд халифа, аль-Мамун вопросительно поднял брови – мол, чего желаешь? Мухаммад лишь грустно улыбнулся.

– ...А ты, кто ты такой, о сын погибели?! Твоим противником был плут-разведенец, горшечник с торговой улицы!..

Ага, добрались до подвигов старого Харсамы. Справедливости ради нужно сказать, что тот мятежник не был горшечником, и войско он подобрал хорошее...

Неожиданно в собрании раздался голос человека, хранившего до сих пор молчание:

– Почтеннейшие.

Сказано это было негромко, но оравший до того юноша услышал эти слова и тут же тихо сел на свое место. Пытавшийся его перекричать военачальник озадачился неожиданно прекратившимся спором и тоже замолчал.

– Почтеннейшие, – чуть настойчивее повторил голос.

Вцепившиеся друг другу в полы халатов Абу аль-Хайджа и главный вазир обнаружили, что на них молча смотрят остальные, – и отпустили друг друга. Правда, с сожалением.

Подождав, пока в собрании воцарится полнейшая тишина, начальник тайной стражи Иса ибн Махан тихо сказал:

– Почтеннейшие. Позвольте напомнить, что солдатам жалование не выплачивается уже более полугода.

Со своей высокой подушки аль-Амин явственно видел, как толстый бритый затылок вазира налогового ведомства покрылся испариной. Бакр ибн аль-Зейяд всегда потел, когда речь заходила о казенных деньгах и выплатах. Говорили, что у него в доме девушки-рабыни спят на таких коврах и таких подушках, что их постыдились бы в лачуге рыбака. О размерах состояния Толстого Бакра в столице ходили легенды.

Ибн аль-Зейяд поймал взгляд начальника тайной стражи – и покрылся каплями покрупнее. Завздохав, он, помяная имя Всевышнего, полез в рукав за новым платком – прежний

уже вымок.

— В войске и среди горожан вот-вот начнутся волнения, — мягко продолжил Иса ибн Махан.

Теперь он смотрел на Абу аль-Хайджу. Отряды его бедуинов, расквартированные в квартале аль-Шаркия, сожрали всех местных овец — и принялись стервятничать в Кархе. А в квартале Карх издавна селились семьи Абны — солдат гвардии халифа, а также тех из них, кто вышел на пенсию, и их многочисленных потомков. На фруктовом рынке Карха в прошлую пятницу случилась кровавая драка. Один из бедуинов аль-Хайджи подхватил с прилавка дыню, а когда продавец потребовал с него деньги, со смехом отказался платить — мол, ему третий месяц не выдают жалованья. За торговца вступились другие горожане. В результате похититель дыни и пятеро его товарищей были убиты на месте, их коней свели и тут же продали, а малую мечеть квартала взяли приступом, разломали кафедру проповедника и сорвали пятничную проповедь, требуя навести в городе порядок и прекратить бесчинства варваров из пустыни.

Вождь племени таглиб помигал, поскреб голову и принялся играть роскошной кисточкой икаля.

Иса ибн Махан легонько улыбнулся и продолжил:

— Что же нам остается делать в столь горестном и плачевном положении, о почтеннейшие?

Абдаллах аль-Мамун приобернулся к вазиру барида и выплюнул изо рта травинку. Аль-Амин с интересом наблюдал

за обоими: они в сговоре или нет? Похоже, что нет, Абдаллах навряд ли научился за два года притворяться, как чистокровный парс. Он, похоже, действительно не знает, что думает Иса ибн Махан.

– Полагаю, почтеннейшие, что единственным выходом будет отправить храбрых воинов Абны в поход, – усмехнулся начальник тайной стражи.

И, поймав набухающий кровью взгляд аль-Хайджи, продолжил:

– И наших храбрых таглибитов тоже. Взятая в походе добыча умиротворит гнев и смягчит души.

– В поход под чьим началом, о Абу Али? – мягко спросил его главный вазир.

– В этом собрании сидят люди знатнее и могущественнее ничтожного слуги престола, им пристало говорить первыми, – понурил голову старый хитрец.

Аль-Мамун хмыкнул и повернулся к брату. Аль-Амин кивнул – говори, мол, что думаешь.

И тот сказал:

– Лишь Всевышнему открыто будущее, и лишь Судия ведет счет нашим ошибкам и промахам. Я же полагаю, что одолеть карматов мы сможем лишь с помощью нерегиля халифа Аммара.

За спиной брата Иса ибн Махан тонко улыбнулся и легонько кивнул аль-Амину – мол, я же говорил. Они хотят его будить – несмотря на крики и уговоры госпожи Мараджил.

Халиф покивал – и аль-Мамуну, и начальнику тайной стражи. Понял, мол.

Со стороны шатра, в котором сидели женщины, не донеслось ни звука. Вот так всегда – когда ты нужна больше всего, матушка, ты молчишь. Решай, мол, сам, Мухаммад, ты уже мужчина и можешь обойтись без опеки матери. И Мараджил молчит – хотя давеча, ему донесли, орала на сына так, что пальмы осыпались...

Главный вазир и Бакр сидели, не шевелясь и опустив глаза, – сыны шакалов, сами говорили про нерегиля то же самое, а сейчас ни гугу. Пройдохи, знают, что он припомнит потом всем, кто его послал в этот город джиннов, потому и молчат.

Абдаллах сидел на подушках очень прямо и спокойно смотрел брату в лицо.

Аль-Амин обернулся к бедуину:

– А ты что думаешь, о Абу аль-Хайджа?

Тот выпятил грудь:

– О повелитель! Мы защищаем границы халифата от неверных сумеречников из Лаона! Аль-самийа – хорошие воины, но мы, таглиб, не раз наносили им поражение и ставили на колени, словно верблюдов! Зачем тебе воин из племени тех, кого мои храбрецы приводили в свой стан с веревкой на шее? Неужто мы, потомки тех, кто сражался рядом с Али – да благословит его Всевышний! – утратили твое доверие и твою милость? Приказывай – и мы сокрушим врага

без помощи неверного язычника!

Аль-Амин лишь вздохнул. Он мог бы сказать – что ж ты еще не привел мне на веревке шейха карматов? Но хадис – он не помнил какой – гласил: воздерживайся от пустословия, и Всевышний воздаст тебе в День суда.

Иса ибн Махан, не дожидаясь вопроса, склонился до земли в поклоне:

– О повелитель! Мы ждем твоего высочайшего слова и решения!

Аль-Амин обвел глазами собрание. Все, кроме брата, прятали глаза.

Мухаммад обреченно вздохнул:

– Ну что ж, я все понял. Раз больше никто не в состоянии взвалить на себя эту ношу, это сделаю я. Я отправлюсь в страну джиннов, в Скалы Мухсина, чтобы отыскать и разбудить это... существо.

Присутствующие переглянулись и горестно кивнули. Воистину, лишь эмиру верующих под силу выйти в этот поход и вернуться из него победителем, ибо он есть хранитель аш-Шарийа перед лицом Всевышнего.

А аль-Амин про себя подумал: «И пусть Всевышний делает так, чтобы вы, гиены и порождения гиен, перестали, наконец, грызться между собой и принялись грызться с этим Тариком – и оставили бы меня, наконец, в покое».

Ну а кроме того, наступало, наконец, время завтрака – и это служило ему единственным утешением.

Дом в квартале аль-Шаркия, ночь

Занавес отвели в сторону – ножнами джамбии. За тяжелой тканью обнаружился миловидный юноша в простом сером турбане и непримечательном халате.

Садун выхватил из-под войлочного ковра нож. Некоторое время они с незнакомцем молча смотрели друг на друга.

Легко шагнув через порог, юноша заткнул кинжал за кушак и белозубо усмехнулся:

– Что молчишь, глупый старик? Вели-ка принести нам чаю!

Садун ибн Айяш ахнул и простерся в почтительном поклоне:

– Госпожа!.. Живи десять тысяч лет!

Мараджил – а это, конечно же, была она – опустилась на ковер перед хозяином дома и махнула рабыне – заходи, мол. Невольница, как и госпожа, переделась в мужское платье – тоже скромное и невзрачное. В такие рядились повесы из богатых домов, когда шли кутить в квартал проституток или в аль-Шаркию, славную винными лавками.

Садун коротко кивнул старому немому рабу, и тот мгновенно скрылся в направлении кухонь. Старик растирал хозяйину снадобья – самого разного свойства. Поэтому Садун еще

двадцать лет назад приказал отрезать невольнику язык. А в возмещение купил дом и двух рабынь. Раб был благодарен и предан, как одомашненная рысь.

Молчание Садун ибн Айяш ценил превыше всего, даже золота: личный лекарь госпожи Мараджил и половины женщин харима знал столько, что опасался за свою жизнь, а дом в квартале аль-Шаркия походил на крепость. К тому же здесь жили единоверцы господина Садун, а сабейцы держались друг друга, как все покровительствуемые.

Вежливо откладывая в сторону нож, ибн Айяш почти-тельно проговорил:

– Госпожа поистине обладает многими талантами... В том числе и способностью незамеченной обходить лучших ай-яров столицы, которых я поставил на стражу вокруг этого флигеля...

Мараджил непринужденно облокотилась на подушки и заметила:

– Не один ты, Садун, умеешь пользоваться отводящими глаз амулетами. Помни, старик, мне служит могучий маг Фазлуи аль-Харрани. Я знаю, что старый лысый хрен учил и тебя. Однако, похоже, мне он открыл больше секретов!

И Мараджил весело рассмеялась. Сидевшая сзади девушка поднесла рукав ко рту, скрывая улыбку.

– Сколько людей прибыло с госпожой? – пропуская кол-кость мимо ушей, мягко поинтересовался Садун.

– Да вот только Рохсарё.

Сабеец понимающе усмехнулся. Парсиянка ответила такой же улыбкой.

– Давай сюда то, что насобираала, – резко повернулась Мараджил к девушке.

Та быстро вытащила из рукава бумажный сверток и передала госпоже. Парсиянка протянула сверток Садуну – и несколько мгновений не выпускала из пальцев, хотя сабеец тянул бумагу на себя. Ибн Айяш бестрепетно выдержал тяжелый взгляд бездонных, черных ведьминских глаз.

– Я все знаю про участки у канала, – прошипела, наконец, мать аль-Мамуна и отпустила сверток.

Садун вздохнул: видят звезды, человеку тяжело устоять перед соблазном купить подешевле, а продать подороже. Вряд ли столичная знать и богачи догадывались, что посредники, продающие им втридорога участки на месте снесенного Дворца Ожидания, работали на старого ибн Айяша. Впрочем, скрыть что-либо от Мараджил Садун и не рассчитывал.

Развернув бумагу, лекарь обнаружил в ней несколько длинных темных волос.

– Госпожа уверена, что это... нужные волосы?

Мараджил медленно обернулась к невольнице.

Та четко ответила:

– У гуляма, что с ним пришел, были кудрявые. А у эмира верующих слетела чалма, когда он упал, а потом он надел ее обратно и под ней чесался, а затем стряхнул волосы с пальцев – я заметила, куда. На подушку тоже попало, когда он

чесался под чалмой. Я собрала все, что нашла, и – клянусь огнем Хварны! – это волосы халифа аль-Амина.

Садун поднял волосы к свету и долго их изучал. Затем кивнул:

– Да, все они принадлежат одному человеку.

Мараджил отчеканила:

– Сделаешь куклу. Волосы положишь внутрь.

– Я проткну куклу семью иглами, – кивнул Садун.

– Нет! – вскинулась Мараджил. – Этого недостаточно.

Сабеец вопросительно поднял седые брови.

– На утреннем совете принято решение будить Стража Престола, – мрачно пояснила парсиянка. – Волшебство нерегия сильнее нашего, он сумеет защитить аль-Амина.

– Т-тварь... – не сдержался Садун.

– Страж – волшебное существо, нельзя мерить его людскими мерками, – отмахнулась Мараджил.

– Он сжег Самлаган, – процедил старик. – Вместе с семьей моего прадеда!

Недовольно скривившись – довольно, мол, пустых слов! – парсиянка приказала:

– Поедешь вслед за халифской свитой. На Мухсин. И там добудешь зуб аждахака.

Некоторое время они молча сидели друг против друга. Трещал фитиль лампы.

– Зуб южного драко-оона... – протянул, наконец, Садун.

И мрачно покачал головой: нет, мол, слишком сложно.

Мараджил ласково улыбнулась. И резко хлопнула в ладоши:

– Эй, Лубб!

Занавесь отлетела в сторону, и на пороге возник здоровенный ушрусанский айяр – бритый, заросший густым черным волосом и в черном кафтане. Рохсарё и Садун одинаково вздрогнули от неожиданности.

– Разве... – начал было говорить Садун, но Мараджил резко что-то приказала – видимо, по-ушрусански.

Айяр выхватил из рукава шнур, шагнул к замершей с раскрытым в ужасе ртом Рохсарё и мгновенно обмотал веревку вокруг шеи девушки.

Невольница задыхалась долго. Колотила ногами и скреблась каблуками по полу, сбивая в складки ковер. Тонкие пальцы тщетно царапали рукава айярова кафтана. Наконец, выкаченные глаза Рохсарё остекленели, а с кончика вываленного языка последний раз капнула слюна.

Мараджил улыбнулась айяру, тот аккуратно уложил посилавший лицом труп на пол и вышел из комнаты. Потом парсиянка обернулась к Садуну:

– Ты меня знаешь, старик. Я не оставляю свидетелей. И всегда оказываюсь на один шаг впереди тебя...

– Д-да, госпожа, – выдавил из себя сабеец.

– Девчонку велишь зашить в мешок с запиской – мол, так будет со всеми неверными рабынями. Пусть стража, которая выловит труп у моста, подумает, что в чьем-то хариме нака-

зали за прелюбодеяние невольницу. Шума не будет.

– Не будет, о госпожа, – эхом отозвался Садун.

– Так вот, старик, о деле. Поедешь на Мухсин. Добудешь зуб аждахака. И проткнешь куклу этим зубом. Дракон должен выйти из скал Мухсина и последовать за аль-Амином. Потом вернешься ко мне – я к тому времени доберусь до Нишапура.

– Почему бы не нанять людей? Мы могли бы убить халифа по дороге! Или в Фейсале – до того, как он разбудит Стража! Зачем такие сложности?

– Да ты никак обезумел, старик... – зло прищурилась Мараджил. – Убить халифа! Начнется такой переполох, что мы не спрячем булавки среди булавок! Хочешь, чтобы люди барида добрались сначала до тебя, а потом и до меня? Нет, за нас все должен сделать змей!

– А если они узнают о змее?

– Узнают – не поверят, – отрезала Мараджил. – Ашшариты нынче все как один придерживаются мутазилитского учения и в драконов не верят. Аждахак укусит аль-Амина, тот скончается в муках, но все будут считать, что халиф умер естественной смертью.

Садун задумчиво провел ладонью по бороде:

– Почему бы змею не укусить аль-Амина там же, на Мухсине?

Мараджил горько вздохнула и покачала головой:

– На плоскогорье его будут охранять ученики шейха Джу-

найда и сам Страж. Тебя разделяют на части, о Садун. Все должно случиться на обратном пути в столицу.

Сабеец надолго замолчал.

– А если аль-Амин разбудит Тарика, а тот сразится с драконом и победит? – наконец спросил он.

– В скалах Мухсина обитает не один аждахак, – тонко улыбнулась Мараджил. – Со всеми Тарику не справиться.

Сабеец молча пожевал губами. Потом так же тихо спросил:

– А если нерегиль убьет дракона по пути в столицу?

– Мы сделаем так, чтобы на пути в столицу рядом с аль-Амином не было нерегиля, – усмехнулась Мараджил. – Аждахак укусит глупого сына Зубейды, тот сойдет с ума, и мой сын будет править. Вот так, Садун. Все просто.

Сабеец вдруг прищурился и быстро проговорил:

– Ко мне снова приходили. От... них.

Мараджил медленно поднялась с подушек. Долго смотрела Садуну в глаза. И наконец сказала:

– Еще раз встретишься с карматами – и веревка Лубба коснется твоей шеи, старик.

– Но...

– Я сказала – нет, Садун.

– Но...

– За ними стоит тень. Черная. Страшная. Я не вступаю в союз с демонами. Я лишь хочу восстановить справедливость. Аш-Шарийа должен править умный и достойный человек. А

не капризный ублюдок-извращенец.

– Они обещали уничтожить проклятую веру пастуха! – зашипел сабеец.

– Демон может обещать что угодно, – мрачно сказала Мараджил. – К тому же ему ненавистна любая вера. Клянусь священным огнем, учение ашшаритов мне отвратительно. Но оно держит в узде глупый народ аш-Шарийа. Моему сыну нужны покорные подданные. Я не стану покушаться на религию, указывающую скотам их место. Я ей воспользуюсь. Ты понял меня, о Садун?

Сабеец молча простерся перед Мараджил на ковре.

– Помни про Лубба и его веревку, – улыбнулась парсиянка в склоненный затылок Садуна.

И, перешагнув через труп невольницы, вышла из комнаты.

Собрание джиннов

Скалы Мухсина, два месяца спустя

Небо затягивала мутная сероватая дымка, белесый диск солнца холодно просвечивал сквозь тоскливый небесный покров. В камнях гудело. Вокруг стоял свист – то шепелявый, то резкий, то тихий, то переходящий в надсадный вой. Ветер гулял в скалах, рвал с плечей джуббы, обмораживал носы и щеки и гудел, гудел – низко, на грани слуха, уныло, ровно, вечно.

К концу четвертого дня пути через Мухсин уши переставали слышать тихий гул, привыкали – но тело и душа маялись, то обмякая, то вскидываясь на любой треск или выкрик. Внутри все натягивалось, как струна, и струну эту бес-

прерывно поддевал ветер. В голове мелело, сон не шел, глаза то слипались, то чесались, запорошенные песком и пылью, безысходная тоска давила изнутри и прорывалась – криком. Гневом. Тычками. Ударами. Поножовщиной. Рассказывали, что целые караваны поддавались слепому безумию: люди дрались до крови, до смертоубийства, верблюды ревели, мулы лягались и дробью уцокивали в каменный лабиринт – торговый тракт, говорили, весь усыпан костями.

Аль-Амину показали пару сложенных из мелких камней горок – под ними ямы, объяснили, а в яме останки человеческие. Верблюжьи кости, здоровенные, желтые, лежали вдоль всей дороги. За те два дня, что они шли по караванной тропе, Мухаммаду на глаза не раз попадались кривые деревца, сплошь увешанные лентами и колокольцами. «А это зачем?» – спросил он проводника, черного от солнца высохшего парса в грязной нищенской чалме, но с дорогушей хурранской джамбией у пояса. Тот сделал вид, что не понял: мол, кроме как на фарси, ни на чем не разговариваю. Аль-Амин приказал дать поганцу пять палок, чтоб вспомнил ашшари. Но, даже битый, проводник лопотал, путаясь в словах, и нес какую-то белиберду, колотясь лбом о щебенку дороги.

Потом они вдруг свернули с караванной тропы к западу, прямо в скальный лабиринт. Покачиваясь на спине мула – верблюды с парными носилками могли не пройти в узких проходах между каменными стенами, – аль-Амин бросил последний взгляд на дорогу.

Солнце стояло высоко, но по зимнему времени не грело. Тропу затенял большой холм с отвесными каменными скалами цвета охры. Дальше дорога сужалась, поворачивала и полностью тонула в серой тени. Смутное беспокойство точило душу, и Мухаммаду вдруг стало страшно ни с того ни с сего. Он придержал мула и стал вглядываться в серый коридор между скалами. То ли от болезненной пристальности, то ли еще от чего, но зрение тут же стало играть с ним злые шутки – тени ожили и зашевелились.

– Мой повелитель!

Почтительный голос, говоривший на хорошем ашшари, заставил его вздрогнуть и обернуться.

– Там ничего нет, мой повелитель.

Второй проводник, молодой ашшарит в простом сером халате и тонкослойной чалме, глядел ему в лицо снизу вверх. Он был безукоризненно вежлив – однако рука решительно взяла халифского мула под уздцы.

Сквозь фыркание животных и перестук копыт Мухаммад вдруг явственно услышал шорох осыпающегося щебня где-то дальше вниз по тропе. Его беспокойно метнувшийся взгляд успел уловить падение последнего ручейка мелких камушков – у подножия холма курилась белесо-желтая пыль. И вот в пыли...

– Там ничего нет, мой повелитель, – с нажимом, не подобающим в разговоре с эмиром верующих, повторил проводник.

И совсем уж непочтительно продолжил:

– Нам пора, о мой халиф.

А Мухаммаду вдруг полегчало – и даже сердиться на этого парня расхотелось. В конце концов, он проводник, ему и вести караван. Действительно, на что там таращиться? Воистину, встала судьба между ослом и его желанием взобраться на ослицу...

Однако от последнего, почти украдкой брошенного взгляда он не удержался. И зря.

В пыли ему опять увиделось... это. Тонкий чешуйчатый хвост, с шорохом ползущий между лохмами сухой травы и камнями.

– Нам пора, мой повелитель.

Спокойный голос проводника отрезвил его. Сморгнув, аль-Амин посмотрел – и не увидел ровным счетом ничего.

Проводник-ашшарит – его, а также его товарища, такого же вежливого, спокойного и подтянутого, прислал вместе с картой и путевыми записками шейх Джунайд – спокойно и твердо развернул мула и повел в нужную сторону. Прочь от караванной тропы.

* * *

Ночь

Предводитель разбойников нагло звался Джаведом – хо-

тя, с другой стороны, его воистину можно было назвать щедрым: у Садуна и его спутников отняли деньги, но не забрали ни воду, ни верблюдов.

Впрочем, сотню динаров сабеец и так и эдак должен был передать этому черному от солнца парсу с дорогушей джамбией на поясе – задаток за услугу.

– Днем здесь прошел караван халифа, – перебирая узелки на своем кушаке зиммия,⁴ улыбнулся Садун.

И подул на мерзкое варево, плескавшееся в чашке, – в черной жиже плавали желтые бляшки жира. По степняцкому обыкновению, здешние жители портили чай маслом. Впрочем, ветреная, стылая, каменная холодина пробирала до костей – тут не до брезгливости, лишь бы согреться.

Ночной Мухсин выл и пел на тысячу нездешних голосов.

Парс ощерил гнилые зубы:

– Как же, как же... Я довел караван эмира верующих до Мертвой скалы! И даже получил пять палок в прибавку к плате, хе-хе-хе... Но довел, довел – каждый караванщик на

⁴ *Зиммии* – «покровительствуемые», т. е. иноверцы, чья религия дозволена к исповеданию в халифате. В исторических государствах классического ислама к таким принадлежали христиане, иудеи, огнепоклонники-зороастрийцы и звездопоклонники-сабейцы. В обмен на право исповедовать свою религию зиммии принуждались к особому тяжелому налогу-джизье, а также поражались в правах: им предписывалось носить отличительные знаки на одежде или особое платье, а также запрещалось ездить на лошадях, носить туфли (дозволялись лишь сандалии), занимать определенные должности и т. д. Язычники, т. е. люди, чья религия не входила в список «покровительствуемых», подлежали обращению в ислам или смертной казни.

базаре Фейсалы знает Джаведа как лучшего проводника, хе-хе-хе...

Разбойник надсадно заперхал, все так же недобро скалясь.

– Что ж твои люди не напали? – усмехнулся в чашку Садун. – Я слышал, ты не пропускаешь ни единого каравана, не собрав платы за проход через скалы... Или верблюжатники аль-Амина скинулись на пошлину тебе, а, Джавед?

Разбойник сплюнул сквозь щербину и проткнул сабейца черным холодным взглядом:

– А ты, случаем, не агент ли бариды?.. Мы их здесь не жалуем, хе-хе...

Садун невозмутимо отозвался:

– Я знаю людей, которые полагают принца аль-Мамуна достойным властителем. Такие люди дадут тебе за голову Зубейдиного мальчишки все, что захочет твоя душа, о Джавед.

Парс звучно сербнул чаем. И хихикнул:

– Да-аа... А потом эти люди распнут меня на стене города за убийство халифа, хе-хе...

И вдруг выплеснул жирную жижу и тихо проговорил:

– У меня полно дел, хмырек. Скажи мне что-нибудь важное и полезное, иначе тебя отведут вон к тем несчастным.

У ближайшего камня сидели связанные пленники – четверо мужчин, подросток и женщина. Они жались друг к другу и дрожали. Чуть в стороне расположился один из Джаведовых айяров: время от времени он дергал за веревку, спу-

тывавшую шеи несчастных, – и те с жалобным стоном падали друг на друга и хрипели.

Шайка Джаведа собирала с купцов не только деньги. За сквозной проход в степи караванщики отдавали раба. Неважно, какого пола и возраста. Хочешь пройти через скалы – отдай человека. Местные в Фейсале все знали и не возражали – притерпелись. Парс орудовал на плоскогорье давно, лет десять с лишним. С тех пор как в скалах появился аждахак. Купцы провозили товары через Мухсин – а Джавед собирал дань и оставлял змею жертвы. Чудовище питалось теми, кого приводил парс, и не трогало караваны. Говорили, что наместник Фейсалы, Шамс ибн Микал, на праздниках сажал Джаведа по правую руку от себя – как человека, благодаря которому торговля процвела и расширилась, несмотря на ужасающие обстоятельства последних лет.

Садун запахнул поплотнее абу и как ни в чем не бывало отозвался:

– Закрой свой глупый рот, о Джавед. Тронешь меня или моих – и тебя повесят на стене города рядом с наместником, покрывающим твои шашни.

Парс медленно положил ладонь на рукоять джамбии.

– Не дури, – скривился сабеец. – У моего доверенного посредника в Фейсале лежит некий документ, в котором подробно описано, где и у кого ты хранишь деньги. Я даже знаю, что пару десятков кувшинов с золотом ты зарыл здесь, на Мухсине. Если я не вернусь, этот документ отдадут... –

тут сабеец ласково улыбнулся и с удовольствием отхлебнул горячего чаю, – ...отдадут Стражу. Ты ведь знаешь, за чем пожаловал на Мухсин эмир верующих, правда, Джавед? Он приехал будить Тарика, да... Как ты думаешь, понравится нерегилю то, что ты делаешь вот уже десять лет?.. Говорят, Тарик любит порядок, очень любит. А вешать нарушающих порядок он любит еще больше...

С лица разбойника сполз цвет – даже в отблесках костра видно было, как посерела кожа. Пальцы на рукояти разжались, и парс стал судорожно вытирать вспотевшую ладонь о полу драного халата.

Ибн Айяш удовлетворенно кивнул – так-то, мол, лучше.

И тихо спросил:

– Сколько их?

Джавед прищурился:

– Кого?

– Аждахаков, дурень.

Парс скривился:

– Двое. Один сидит, как всегда, в пещере. Далеко не выходит, старый стал, неповоротливый.

– Зачем же кормишь?

– Пять лет назад поветрие было, мор прошел, караваны не ходили, люди не ходили, так он вышел. Обожрал пригород.

– А потом сам ушел? – тонко улыбнулся Садун.

– Деревца в ленточках видел? После того дела стоят. Пятьдесят душ ему отдали. К столбам привязали – вдоль дороги

и в скалах. Он и пополз – от человека к человеку. Столбы наместник убрать велел, чтоб глаза не мозолили. А деревца в память тех невинных жертв высадили – люди чтят мучеников, молятся, ленты и бубенцы вешают.

– Похвальное благочестие, – сверкнул глазами Садун.

– Фейсала – город огнепоклонников. Тайных, конечно, кому охота джизью платить, – фыркнул парс. – Ну а те, что в мечети и вправду молятся, помалкивают.

– Чтоб соседи к столбам не вывели? – усмехнулся сабеец.

Разбойник показал гнилые зубы в ухмылке: мол, правильно понимаешь.

А потом посерьезнел и сказал:

– Из тех шестерых, – Джавед кивнул в сторону дрожащих под ветром жертв, – взрослых мужчин и бабу к пещере отведем. А мальчишку отдам второму змею. Тот маленький, жрет нечасто.

– Маленький, говоришь... – пробормотал сабеец, пощипывая бороду. – Маленький...

И вдруг встрепенулся:

– А близко он? Этот второй?

– Близко, – скрипнул зубами Джавед. – Халифский караван прошел – он следом пополз. И до сих пор ворочается по камням, голодный и злой. Тут рядом как раз святое деревце стоит. К нему и отведем. Чтоб, значит, все по обычаю было.

– Покажешь мне, – твердо сказал Садун.

– Что покажу? – вздрогнул парс.

– Как оно все делается, – усмехнулся сабеец.

Разбойник цокнул языком и хлопнул по коленям – мол, что ж, как хочешь, человек из столицы.

* * *

Караван аль-Амина, следующий день

...Утро здесь походило на вечер, а в полдень становилось лишь незначительно светлее и теплее. Караван уходил вглубь плато, ветер крепчал. Мухаммад давно потерял представление о сторонах света и, спроси его, где кибла, он бы не ответил. Гул и свист усиливались к вечеру, а к утру опадали, словно воздух обессилевал и отчаивался в своем прибое.

Ученики шейха Джунайда вычисляли направление киблы по мудреной ханьской штуке, коробочке с какой-то странной начинкой. В предутренних сумерках рассвет терялся, и Мухаммаду давно казалось, что солнце встает каждый раз с разных сторон. Еще он велел говорить ему, какой сегодня день от начала путешествия – потому что начал терять счет дням. Сегодня по пробуждении аль-Амину сказали, что восьмой.

Его тень, совсем тонкая и прозрачная, ложилась куда-то совсем не в ту сторону от молитвенного коврика.

– О Всевышний, Единый сущий, Милостивый и Справедливый, создавший небо и землю...

Похоже, и сегодня небо не прояснится. Хотя ему говори-

ли, что на Мухсине другой погоды не бывает. Серые, похожие друг на друга тягучие дни – и непрестанно бьющий о камень, сводящий с ума ветер.

Впрочем, неправда. В скалах Мухсина было на что посмотреть – собственно, сами скалы. За сотни, а может, и тысячи лет секущий камни ветер превратил их в странный, болезненный инвентарь кривых подобий живых существ. Посмотришь на скалу – фу ты, да это ж собака лежит, положив толстолобую голову на лапы. А чуть двинешься на пару шагов в сторону – да ничего подобного, груда камней. Показывали Мухаммаду и корабли, и дворцы, и лодки-таййары, и льва, и даже змея-аждахака...

Вздыхая и сворачивая молитвенный коврик, аль-Амин оглянулся, ища глазами единственное свое утешение в этом мертвом скальном море – юного ханетту, подарок наместника Фейсалы.

Маслено блестя глазами, хитрый парс приговаривал: «Пусть этот цветок красоты скрасит повелителю – да буду я жертвой за тебя, о мой халиф! – томительные дни путешествия».

Воистину, подаренный наместником юный невольник оказался сущим сокровищем: гибкий, изящный, с гладкой, почти безволосой смуглой кожей. Мальчик почти не говорил на ашшари и был, конечно, неверным, не знающим истины – караван привел его из Ханатты буквально накануне. Но аль-Амину его язык нужен был совсем не для разговоров. А уж

со своим делом Джамиль – так решил назвать красавчика халиф – справлялся выше всяких похвал.

Во время молитвы юный ханетта почтительно отдалялся от ашшаритов, и теперь аль-Амин пытался высмотреть стройный силуэт в полосатом, туго перепоясанном халате. Даже ватная зимняя одежда не могла скрыть тростниковой гибкости тела, и улыбка Джамиля кружила голову не хуже вина. Кавсара аль-Амин – в наказание, пусть помучается в опале – оставил в столице. Гулямов его отговорили брать на Мухсин: «мой повелитель, их красота поблекнет от трудностей путешествия». Так что ханетта заменял ему и вино, и роскошь нежных прикосновений во влажном летнем воздухе, когда с Тиджра налетает прохладный бриз, и далеко-далеко на таййарах перекликаются лодочники, и с чаши, только что извлеченной из насыпанного в поднос льда, стекает морозная капля...

Вокруг бродили, позевывая, еще сонные люди, расстилали ковры и скатерти – наступало время завтрака. Где же Джамиль, в самом деле?..

– Да благословит тебя Всевышний, о мой халиф...

Тьфу, эти Джунайдовы выкормыши подкрадываются незаметно, как рыси. Юноша в сером халате низко склонился, прижимая ладони к груди:

– До места нам остался один дневной переход, о мой халиф.

Аль-Амин продолжал обеспокоенно вертеть головой. Тут

среди нищенской одежды погонщиков мелькнуло пестрое. Красно-зелено-желтые полосы толстого халата зарябили в счастливых глазах халифа, жадно впитывающих все: и грубый кожаный пояс, крепко стягивающий талию над узкими бедрами, и стройные длинные ноги, которые не могли обезобразить даже широкие ватные штаны...

– Да-да... – рассеянно откликнулся аль-Амин, расплылся в улыбке и ласково поманил гуляма пальцем.

* * *

– ...Скоро полдень, – кивнул Джавед. – Пора.

Связанный парнишка судорожно забился в крепких руках айяров.

Рот ему заткнули – до поры до времени.

Колючий, рыжий, мертвый от солнца кустик можжевельника жалко колыхался под злыми порывами ветра. С ветки рвались выгоревшие, потерявшие цвет лоскуты. Парс, кивая собственным мыслям, вытащил из-за пазухи халата колокольчик. Тот глухо, странно зазвенел.

Мальчишка мычал и мотал мокрым от слез лицом. Джавед, старательно сопя, извлек из рукава веревку, продел в ушко и принялся навешивать колокольчик на ветку.

– Вы это, к дереву его привяжите, как положено, – приказал он айярам.

Под нависавшей гребнем скалой топорщилась рыжеватая,

облетевшая сосенка. Айяры отволокли парнишку к дереву, усадили на землю и принялись старательно прикручивать к высокому стволу.

— А то, знаешь, бывало, что и развязывались в последний момент, — всякое бывало, — покивал парс, отвечая на вопросительный взгляд Садуна. — Страх силы прибавляет — так они веревки рвали и бежали прочь как те антилопы... Приходилось ловить, тащить обратно...

И громко приказал:

— Все? Готово? Тряпку вынимайте тогда. И отходим по-дальше.

Они залегли на соседней, плоской и широкой скале. Впадина с сосенкой и можжевельником просматривалась прекрасно.

Мальчик кричал высоким, хриплым голосом. Ветер гудел. Звенел колокольчик на ветке.

— Что это за язык? — подивился Садун. — Ничего не понятно...

— А шайтан его знает, — пожал плечами Джавед. — Степняки на продажу гнали, может, найман, может, журжень, — хотя шайтан их разберет, все на рожу одинаковые...

За криками, плачем и всхлипами они едва не пропустили главного — свиристение волокущегося по камням чешуйчатого тела.

Змей выполз из-за дальнего края скалы. Длинный, локтей в семь, с гребнистой спиной и раскоряченными в стороны,

шипастыми на суставах лапами. Хвост истончился почти у самого основания – словно демон еще не нарастил мяса на задницу, и потому за ним волоклось что-то тонкое и черное, как у диковинной крысы.

Мальчик поперхнулся криком и замолчал. Перекошенное лицо из красного стало белым-белым.

Аждахак быстро, очень быстро побежал к жертве, разевая усаженную двойными рядами зубов длинную пасть.

...Через некоторое время Садун порадовался, что он лекарь, и лекарь харранский – в Городе Звездочетов учили строению человеческого тела, вскрывая трупы. На занятиях с учителем приходилось свежевать и разделявать мертвецов, чтобы изучить расположение органов, устройство суставов и переплетение сухожилий.

Аждахак начал с ног. Отгрызал – и заглатывал большими кусками.

Садун ждал, как змей поступит с туловищем. И с головой. От этого зависело многое.

Как и ожидалось, аждахак отъел руки. И начал последовательно выкусывать внутренности. Голову змей заглотил, когда она, с остатками плечей и груди, уже оказалась на земле.

Рядом с Садунем на камне лежал и смотрел Фархад. Лекарь купил юношу совсем недавно, перед самым отъездом, но тот уже успел показать себя расторопным и смышленным малым. Ибн Айяш прочил мальчика в ученики – у того оказались умные руки, в самый раз для лекаря.

– Что скажешь, дитя мое? – мягко поинтересовался сабеец.

– Амулетов лучше навесить несколько, – задумчиво проговорил Фархад. – И один – обязательно на шею. Лучше даже на ошейник – так вернее. И тварь непременно обломает зуб. Возможно, что и не один.

– Правильно мыслишь, – отозвался Садун. – А потому – правильно рассуждаешь.

Аждахак, сыто переваливаясь, уполз в тень соседней скалы, а потом и вовсе скрылся из виду.

Сабеец обернулся к грызущему травинку парсу и спросил:

– Маленький змей всегда так... питается, о Джавед?

Тот покивал. И добавил:

– Здоровый – тот надевается на человека, как змея на мышь. Целиком заглатывает. Или перекусывает – и жрет по половинке.

Лекарь с учеником переглянулись. И Садун твердо сказал:

– Я приведу тебе раба, о Джавед. И ты отдашь его малому аждахаку прямо на этом месте.

* * *

Караван аль-Амина

Спал Мухаммад плохо, с перерывами, да еще и кошмары замучили – впрочем, халиф уже не помнил, когда хоро-

шо высыпался последний раз. Сухой жгучий воздух Фейсалы рвал ему грудь, аль-Амин кашлял и мучился головными болями, из носа почему-то текло, даже хаммам не помогал. Местные лекари лишь разводили руками. Тоже мне, мудрецы, а гонору-то, гонору... Он их всех приказал бить палками.

А на Мухсине халиф то мерз, то покрывался испариной, гулкие удары ветра по полотнищам палатки заставляли его вздрагивать и вертеться под стеганым одеялом. В какой-то час ночи он обнаружил, что Джамиль не лежит рядом с ним на ковре, и от этого-то он и мерзнет. Попытавшись уснуть снова, аль-Амин провалился в какое-то сумеречное марево, из которого до него доносились голоса, – и эти-то голоса и пугали его больше всего:

– Держите его крепче, крепче...

Ему то ли слышалась, то ли чудилась глухая возня – где? Просыпаясь, он напряженно вслушивался, но в уши лишь гудел ветер. Подняться, пошевелиться не находилось сил, бил озноб, и сковывало странное, страшное оцепенение.

И снова злой, свистящий шепот:

– Зачем его? Зачем? Ничего еще не понятно, ничего еще не известно...

– Силат⁵ его не хотят...

– Неважно! Вяжите его, крепче, крепче, рот заткните тоже, до места еще далеко...

⁵ *Силат* – род джиннов, о которых, в отличие от маридов, ифритов, гул и ку-трубов, практически ничего не известно.

– Не надо его туда волочь, неизвестно, что будет завтра, возможно, джинны не выпустят его живым!

– Мы уже обещали!.. Это всего лишь невольник!..

– А если мальчишка не выживет? Он слабый, глупый...
Зачем давать лишнего?..

– А что плохого? На нем слюна, запах, семя – чего уж лучше?..

Кто «он»? Кто «этот»? Его, Мухаммада, что ли, они собираются тащить куда-то? Куда? Кто над ним разговаривал? Джинны?.. Скованный стылым ужасом, аль-Амин не имел силы двинуть даже пальцем и из пелен кошмара сразу провалился в черный-черный пустой сон.

А наутро аль-Амин с трудом мог вспомнить тихое бурчание над самым ухом – правда, Джамиля он рядом с собой действительно не обнаружил. И после утренней молитвы не увидел. И не успел найти, потому что к нему подошел кошачьим шагом один из Джунайдовых мюридов и тихо сказал:

– Время, мой повелитель. Пора.

Аль-Амин пошел за ним как-то сразу, покорно, даже забыв испугаться. Только голова судорожно завертелась – вот интересно, а откуда они знают, что это *то самое* место? Кругом ничего не изменилось с тех пор, как они свернули с караванной тропы: те же причудливо обточенные ветром камни и глыбы ракушечника. Мотались под ветром колючие кустики, под ногами предательски зеленела травка. В голове и в скалах гудело – напор ветра крепчал, небо рассветало ско-

рее красным, чем светлым.

За плоской длинной глыбой в три человеческих роста, не меньше, их ждал второй ученик шейха – тоже в сером, подтянутый и с почтительной улыбкой на лице. В одной руке он держал свернутый в трубочку лист желтоватой бумаги, в другой – большую заплечную сумку. Шедший рядом с Мухаммадом юноша взял свиток и развернул его. Порыжевшие чернила расплывались кляксами – хотя нет, пятнами. Пятнами, очень похожими на окрестные скалы. Тонкая красная линия вилась в проулках между чернильными кляксами причудливой формы, приводя к одной длинной и весьма широкой. Линия заходила в лабиринт довольно далеко и много раз поворачивала.

– Это что? – обреченно спросил аль-Амин.

– Это карта, мой повелитель, – мягко отозвался мюрид.

– Зачем мне карта? Разве меня не будут сопровождать?

Ученики шейха переглянулись. Приведший его вежливо поклонился:

– Увы, мой повелитель, Всевышний создал человека так, что он в состоянии исполнить лишь то, что в человеческих силах.

До Мухаммада стало доходить, что отсюда он пойдет в шайтан-паутину один. Без проводников. С картой, похожей на ученическую пропись слабоумного.

Мюриды шейха еще раз поклонились и помахали рукавами в сторону ближайшего монолита. От того уже отвалилась

пара обнаживших мелкие ракушки желтовато-серых плит. Один скальный бок шел трещинами и сколами, весьма напоминавшими лестницу.

Верх камня оказался неожиданно плоским. Аль-Амин распрямился, огляделся, прикрывая ладонью нос и губы от секущего ветра, – и застыл, как в землю вмороженный.

Кругом – насколько хватало глаз – простиралось каменное море скальных гребней и таких же, на какой он стоял, ребристых проплешин песчаника. С высоты никаких проходов между камнями не было видно, и караван – про который он точно знал, что вот, караван разбил стоянку буквально в двадцати шагах отсюда, – канул в эту выморочную рассветную пустыню. Ни звука. Ни голоса. Внизу они слышали рев верблюдов. Здесь же лишь равномерно бил в лицо ветер и тоненько свистело, выжигая слух.

– Мой повелитель?

Мухаммад, все еще не оправившись от потрясения, обернулся.

– Мы хотели, чтобы ты увидел это своими глазами, о мой халиф. Каждый неверный шаг в лабиринте Мухсина – это шаг к гибели.

– Да поможет мне Всевышний... – пробормотал аль-Амин.

И понял, что замерз, как никогда в жизни.

Аль-Амин стоял, как они его оставили: с листком бумаги, уже размягченным потными от страха пальцами, с большой сумкой у ног. В сумку он не заглядывал, не до того было, зато то и дело прихватывал и ощупывал большой медный кругляш, висевший на прочном шнурке у него на груди. С медальона – здоровенного, с половину ладони величиной – смотрела страшным раскрытым глазом сигила Дауда. «Помни, о мой халиф, что в этом амулете – твоя жизнь. Потеряешь его – погибнешь. Пока сигила на тебе, силат не посмеют причинить вред. Но если шнурок оборвется или ты его снимешь...»

Пора, сказал он себе. Сколько можно так стоять и дрожать на ледяном ветру.

Неловко, поскольку не решался выпустить листок из рук, он мазнул рукавом по носу – оттуда опять текло. С опаской отлепив пальцы от свернувшейся со змеиным шелестом карты, Мухаммад забросил сумку на плечо. Та оказалась не такой уж тяжелой. Впрочем, зачем ему нагружаться припасами – нужное место находилось, если верить карте, не далее чем в ста локтях отсюда. Это если идти по прямой.

Сделав глубокий вдох, аль-Амин шагнул вперед. Тяжело дыша и то и дело вытирая нос рукавом, снова распрямил лист. Сколько можно смотреть и проверять. Надо идти. На-

лево.

Обойдя низкий, как алтарь, камень, он снова шмыгнул носом и засопел. Как там говорят парсы? Пока дойдешь от одного столба до другого, легче станет? Так. Теперь снова идем левее. Правильно, «кошка». Действительно, два круглящихся уха торчали в разные стороны. Кошка. От кошки идем направо. Очень хорошо. Ага, «таййар». И вправду, здесь как покрытое кораблями море застыло. Волны и лодки, волны и лодки, только пена серо-желтая... От «таййара» шагаем прямо, пропускаем две глубины слева, три справа. Так. Теперь налево. Почти как в садовом лабиринте Йан-нат-ан-Ариффа, где он когда-то играл в догонялки с невольницами матери...

Ага, это что у нас? А это у нас очередной «корабль». Ого, какой, почти с его халифскую лодку. А широкий! Теперь обходим «корабль». Идем влево.

Когда аль-Амин вышел из-под защиты камня в узкий коридор между скалами, порыв ветра хлестнул так, что он задохнулся. Глотая воздух враз замороженными губами и перехваченным спазмом горлом, он разжал руки. Листок взвился вверх и невесомо запархал на недостигаемой высоте.

– Во имя Всевышнего... – прошептал аль-Амин.

Сумка съехала с безвольно обвисшего плеча.

– Мне конец, – прошептал он непослушными от холода губами.

И рванул за картой.

– Стой, шайтан, сука, стой!!!

Он орал и бежал, орал и бежал, не глядя по сторонам, бросаясь наземь, прыгая вверх, налетая боками на каменные выступы. Карту он поймал, как бабочку в детстве, — двумя сложенными лодочкой ладонями. Бумажка, как бабочка, затрепыхалась между его красных от холода рук.

Потом он долго стоял на коленях, хватая ртом воздух.

Наконец, дрожащими еще пальцами, принялся распрямлять скомканный листок. Так, вот «корабль». От «корабля» он пошел налево. И вышел вот сюда...

Сообразив, что произошло, он даже не смог закричать.

Выйти-то он вышел, но вот куда попал, пока бежал, как трубящий ишак, за поганой картой?

Вскочив на ноги, аль-Амин судорожно — а вдруг повеет? — заоглядывался. И едва не разрыдался от радости:

— О Всевышний! Всемиловитый, милосердный...

Вздернутый острый киль явственно торчал у него за спиной. Он не убежал далеко. Он просто не совсем туда свернул. Он сможет — сможет! — вернуться на нужное место и повернуть правильно.

Когда аль-Амин посмотрел на небо, ему показалось, что оно вечернее.

— Морок, — пробормотал он.

И зашагал, пошатываясь и заплетаясь ногами.

На том месте — на точном, точном, шайтан вас всех заде-ри! — месте, на том месте, где он оставил сумку, сумки не оказалось.

Постояв и померзнув на холоде отчаяния, он решил двигаться вперед без нее.

Направо. Там будет валун. Вот он, валун. Обходим. Еще правее. Так. Это «стол». Ффуу-уух... Да, действительно стол, только мариду впору. Перед ним идем налево. Идем налево, идем, идем...

Нет уж, теперь он будет умнее, радоваться и гордиться собой он будет позже. Когда выйдет отсюда.

Так. Дошли до края «стола». Потом прямо, мимо «дворцовой стены», мимо «зала приемов» – и вправду, скальные стены образовывали почти правильный четырехугольник с травяной площадкой в середине. Он стал прибавлять шаг, быстрее, быстрее, почти побежал, – мимо еще одной бугристой стенки, еще одного «зала».

Нет, нет, не надо бежать. Надо идти ровнее, спокойнее. Спокойнее, спокойнее.

Так, это что? Это «спящая собака». От собаки мы идем направо. Потом налево. Направо. Еще раз налево. Ну что ж, не такое уж пекло ад, правильная поговорка оказалась. Остался последний поворот. Снова налево.

Завернув за острый камень, темным шпилем уходивший в серое небо, Мухаммад вышел к *месту*. И застыл как вкопанный.

– *Ахсан!*.. – выдавил он, наконец.

Непонятно, кому он выражал восхищение – то ли себе, ведь добрался же! То ли колоссальной красно-желтой махи-

не, рвавшейся в небо прямо перед ним. И как ее не было видно с того плоского камня?

Громадная скала растекалась наплывами окаменелого туфа. *Маджлис-аль-джинн*, «собрание джиннов», – так ее именовала карта. Впрочем, так ее именovali и в древних легендах о сокровищах и похищенных красавицах.

В отливающей охрой складке чернела здоровенная щель. – Мне туда, – сказал он кому-то в воздухе.

Из провала на него смотрела чернильная тьма.

В сумке была веревка. И факел. Ему говорили, что в пещере склон уходит вниз не то чтобы очень круто, но лучше привязать веревку. Да и подниматься будет легче.

Но Мухаммад потерял сумку. Шагнув в густеющую темноту, он послушал, как скатываются вниз камни. Их скачущее шелканье гулко отдавалось в стенах пещеры.

Потом он неоднократно себя спрашивал – как ему только такое в голову-то пришло – переть напролом, без светильника, без страхующей бечевы... И ведь не испугался даже, даже подумать не остановился – полез, и все. Как у него это вышло? На этот вопрос он так и не нашелся с ответом...

Склон забирал вниз круто. Очень круто. Когда стало совсем темно, он раскорячился на неровном, ранящим ладони камне и стал сползать, как черепаха на брюхе. Медленно. Цепляясь за каждый выступ. Время от времени с придушенным воплем – орать было страшнее, чем падать, – съезжая вниз слишком быстро и теряя опору.

Когда ноги уперлись во что-то странно и непривычно ровное, он, задыхаясь и неверяще обтирая залитые потом глаза, обернулся.

«Добравшись до дна, о мой халиф, заклинаю тебя, погаси факел. Силат не терпят чужого огня. Путь тебе будут освещать природные, горные огни и свет».

Изломанный коридор действительно плыл каким-то выморочным, не то сумеречным, не то тлеющим полусветом. Холодным и серым. Шмыгнув носом последний раз, аль-Амин выпрямился на подгибающихся ногах и поковылял вперед. За стенки он хвататься опасался, потому как толком ничего не видел. Мало ли там что на стенках сидело. Но пару раз споткнулся, и его мотнуло так, что он впечатался плечом во что-то острое. Сглотнув напутствие шайтану, Мухаммад продолжил двигаться вглубь.

Доплетясь до подземной развилки, он понял, откуда сочится этот то ли полусвет, то ли полумрак. Камень над головой расходился узкой, словно ножом выведенной, щелью. И еще одной, длинной и извилистой. Под которой, требовала от него карта аль-Джунайда, он и должен был идти.

Идти пришлось долго.

Или нет? Или просто его замотало в этом сером, как время смерти, коридоре? Под ногами шуршали мелкие камни. Из щели сверху время от времени свеивался какой-то мелкий то ли песок, то ли пыль. Шшу-шшууу...

О Всевышний, наставь меня.

Шшууу... Сыпалось где-то дальше, в черноте узкого хода.

Он застыл на месте.

Нет, надо идти. Надо идти.

Шаг. Мухаммад, делай шаг.

В конце концов, он пошел. Шаг. Еще шаг.

Словно что-то его толкнуло в спину – Мухаммад почти побежал, насколько это было вообще возможно, бежать между острых сколов и торчащих – то в бок, то в скулу – выступов.

Царапая плечи о каменные ребра, аль-Амин, наконец, вломился во что-то пустое и, по эху судя, просторное. И высокое, наверное.

Где-то в глубине черной пустоты гулко капала вода.

Это зал. «Зал маджлиса».

Поди ж ты, он вышел верно. *Место.*

Остро захотелось плюхнуться прямо на землю и то ли разрыдаться, то ли просто уткнуться лицом в колени и уснуть.

Дрожащие от усталости ноги подогнулись, и он сел прямо на холодный неровный камень.

* * *

Капала вода. Чпок – и эхо.

Глаза и впрямь слипались. Но он же не спал? Или спал?..

Нет. Нет. Отдохнуть он будет потом. Надо идти. Вставай, Мухаммад. Надо идти. Туда. В темноту. Туда, где лежит...

это.

Затекшие ноги плохо слушались. По левой икре побежали огненные искры, и аль-Амин тихонько зашипел.

И тут же сжал зубы, едва не прикусив язык. Тихо, тихо. Здесь же... *спит*.

Как здесь огромно. Черно и пусто. И где их эти «природные света»? Черным-черно. Только капли падают – чпок. И эхо... Где же... *он*?

«Ближе к дальней стене».

Угу. Только стены не видно. Темно хоть глаз выколи.

Чпок. Капля падает. Ха-ха-ха – расходится эхо. Чпок. Шух-шух-шух – это он переминается с ноги на ногу.

Вытирая пот рукавом, он вдруг похолодел до того, что чуть не обмочился, – сигила! Где она? Он ведь полз вниз, потом пер вперед, потом наверняка уснул здесь – и даже не удосужился ее проверить! Судорожно захлопав ладонями по груди, аль-Амин, чуть не плача от счастья, нащупал шнурок – шнурок натягивала тяжесть. Выудив в ладонь сигилу, он крепко сжал ее.

– Слава Всевышнему...

Глаза постепенно привыкали к здешнему получернильному сумраку. Чпок – ха-ха-ха... Чпок...

Потолок подземного зала терялся в глухой черной тьме. Туда лучше было не смотреть – потому как в голову сразу начинали лезть мысли о том, кто в этой непроглядной темноте мог... гнздиться. Зато пол оказался на удивление гладким,

словно бы даже обтесанным.

У дальней стены действительно что-то размыто светлело.

Ну что ж... Идем вперед.

Шорох шагов растекался многократно повторенным шелестом.

Под ногами хрустнуло. Аль-Амина передернуло. А вдруг *разбудит...*

Тьфу ты, глупость какая... Он ведь за этим и пришел – будить. Но все равно, как-то боязно хрустеть и шуметь. Как в склепе, ей-ей...

Мухаммад пошел вперед, вытянув на всякий случай руки. Как слепой.

В общем, руками-то он и уперся – в *это*. Заорав – и тут же прикусив язык – эхо плеснуло, как из кувшина, – он тут же отдернул пальцы от чего-то мягкого и шершавого. И отпрыгнул прочь не хуже тушканчика.

Шшайтан, как страшно...

Напряженно щурясь и переплетя пальцы – казалось, они так меньше дрожат, – аль-Амин вытаращился в грязно-серый полумрак.

Чпок – ха-ха-ха...

Это действительно походило на надгробие.

Высокий – по пояс ему – плоский камень. А на нем, круглясь под длинным сереющим покровом, вытянулось тело.

Укрывавшая нерегия с ног до головы ткань оказалась простой и толстой – прямо как саван. Плотные складки спус-

кались до середины... саркофага?

Аль-Амин поднес руку к тому месту, где, похоже, была голова. Дотронулся до ткани. И тут же отдернул руку, охваченный странным... отвращением? А что там будет? Вдруг разложившийся труп?

С верхней губы стекла капелька пота. Он ее слизнул языком.

Так, надо решаться.

Нужно отвернуть покров с головы. На лбу у нерегия отпечаток сигилы. В сумке фляга с водой и кусок полотна. Смачиваем полотно водой и стираем печать, а потом...

Ой, шайтан... Ой, шайтан! Где та сумка?!

– О Всевышний, да что ж такое...

«ое...ое...ое...ое...» – эхом разошлось под черными сводами.

Чпок – ха-ха-ха...

Закусив губу – чтоб не дрожала, – аль-Амин до боли сжал сцепленные пальцы. Думай, Мухаммад, думай...

Чпок – ха-ха-ха...

Что ж мне... И тут его озарило – капля! Здесь есть вода!

Очень хорошо. А уж ткань-то он найдет.

Ну что ж. Пора.

Нужно сделать это. Отвернуть покров с головы.

Движение у него вышло резким – боялся все-таки. Взвилась туча пыли. Он тут же расчихался.

– Пчихи!.. Пчихи!.. Пчихи!..

«Чхи!.. чхи!.. чхи!..» – эхо билось, гуляло и прыгало, мячиком для чаугана отскакивая ото всех поверхностей.

Зажав себе рот и прочихавшись наконец, аль-Амин уставился на то, что открылось после оседания пыли.

И чуть не упал на спину – от отвращения. В выморочном, дурном полусумраке ему помстилось, что голову нерегия оплела паутина – серебристая и мерзкая, как пух плесени на сгнившем персике.

Приглядевшись, Мухаммад понял, что это никакая не паутина. Это еще один слой ткани. Тонкой, прозрачной, сплошь затканной серебром. Он взялся за отвернутый край толстого покрыва-савана и осторожно потянул его с груди.

Шшух!.. Дохнув пылью, полотно съехало с камня.

Прозрачная инеистая ткань покрывала тело с головы до ног, точно обрисовывая контуры. Профиль. Сложенные на груди руки. Ладони приподняты рукоятью меча. Длинный какой, ножны аж ниже колен заканчиваются. Да и нерегий – длинный.

Мухаммад взялся за плотный от вышивки край и медленно-медленно потянул ее с запрокинутого лица.

Пальцы почему-то дрожали. Он осторожно отпустил блестящую каемку – невесомая материя легко вывернулась. Нерегий лежал не в доспехах, а в белой – почему белой, кстати? ах да, конечно, Фахр ад-Даула считал себя Аббасидом, придворный цвет еще не сменился, – плотной одежде.

Ладони нерегия еще закрывала ткань, рукоять меча тор-

чала наружу – тигр, морда оскалена злобно. И впрямь можно поверить, что он живой, тигр этот. Рассказни, конечно, но выглядит страшновато.

На горле лежала полоса сложенной вдвое ткани. Белой. Без следов крови. Горло ему чуть ли не до позвонков развалили, что там теперь? Рана?.. или... заросло?..

У нерегия лицо было не как у спящего, а как у мертвого. Совсем пустое, неживое. Не дрожала ни одна жилка – ни под веком, ни на виске. Аль-Амин понял, что ясно видит эти замороженные черты потому, что кожа и волосы нерегия слегка светятся.

Над здоровенными закрытыми глазищами смоляным оттиском пропечатался пентакль в круге. Во весь лоб его приложили, однако.

Чпок – ха-ха-ха...

Время шло.

Нужно было решаться.

Надо найти эту воду. Найти, где капает.

Эхо гуляло по всей пещере, но звук, похоже, доносился слева.

Чпок – ха-ха-ха...

Лужицу он нашел, слава Всевышнему, почти сразу. В нее капало откуда-то из обморочной черноты потолка. Мухаммад окунул в колеблющееся зеркальце конец своего кушака. Отжав ледяную – аж пальцы сводило – воду с ткани, аль-Амин начал красться – не захрустеть бы снова! – обратно.

Добравшись до камня, он сжал кулаки, глубоко вздохнул, подошел к самому изголовью и осторожно заглянул в мертвенно-бледное лицо. Правая рука дрожала. Мухаммад несколько раз отдергивал ее от черного страшного круга печати Дауда.

– Во имя Всевышнего!.. – наконец прошептал он – и коснулся кончиком влажной ткани оттиска сигилы на белой-белой коже.

Чернила размазались сразу – потеками, грязными и неопрятными. Темные струйки и капли тут же залили нерегию лоб, виски, волосы и даже уши. Вот я морду-то ему разукрасил, растерянно подумал аль-Амин, отведя руку и уставившись на наделанное. Лицо оставалось неподвижным, как высеченное из мрамора, – и потеки краски на лбу казались от этого еще нелепее.

Мазнув еще пару раз, он понял – нужно снова идти к луже. Споласкивать пояс и смывать налитое. Вдруг волшебные чернила продолжают действовать, даже если сама печать стерта?

Уже отойдя прочь, он озарился удачной мыслью – белое верхнее полотно! Вот чем тереть-то удобно! Дотопал обратно, поднял, встряхнул тяжеленную тряпку пару раз. И, скомкав, чтоб не волочилось, пошел к луже.

Измочив в ней изрядно ткани, вернулся к телу. Намоченного хватило аккуратно для того, чтобы смыть все до последней капли. Другим краем он вытер – ну старался как мог –

мокрый лоб, острые торчащие уши и промокнул волосы. Все чернила в волосах у него остались, сообразил аль-Амин запоздало, но тут уж ничего не поделать.

Зато сверху все выглядело довольно чисто. Печати на лбу больше не было, грязи тоже.

Ну...

– Во имя Всевышнего, сотворившего небо и землю... – голос ему предательски отказал, и Мухаммад сухо закашлялся, – ...милостивого и прощающего, единого живого, властелина жизни и смерти, я, Мухаммад аль-Амин, волей Всевышнего халиф аш-Шарийа, приказываю тебе, Тарик, – ой, тьфу, нужно было же по-другому его назвать, настоящим нерегильским именем...

Почесав в затылке, он начал все заново:

– Во имя Всевышнего, сотворившего небо и землю, милостивого и прощающего, единого живого, властелина жизни и смерти, я, Мухаммад аль-Амин, волей Всевышнего халиф аш-Шарийа, приказываю тебе, Тарег, – вот теперь правильно, – пробудись и служи мне и Престолу!

...олу!.. олу!.. олу!.. олу!.. Он так орал, что ли?.. Вот эхоту разгулялось...

Довольно долго он вглядывался в неподвижное лицо, ожидая, что вот-вот дрогнут веки.

Потом от пристального всматривания в глаза пошли черные точки, и он сморгнул. Потом сморгнул еще. Подождал. И понял, что ничего не происходит. Нерегиль лежал, как ле-

жал до того, – мертвой мраморной статуей.

Спина и руки снова стали замерзать. Да что ж такое...

– Просыпайся, шайтанова кукла... – в отчаянии пробормотал аль-Амин.

Ничего.

– Просыпайся!!

...айся!.. айся!.. айся!..

Чпок – ха-ха-ха...

Тут он понял, что злится больше, чем боится. Схватив жесткое от шитья плечо, аль-Амин пару раз крепко потрянул лежащее тело:

– Просыпайся, чтоб тебе треснуть! Во имя Всевышнего, вставай, зараза!

В ответ на его судорожные толчки голова пару раз бесильно мотнулась.

Тогда он схватил нерегия за оба плеча и затряс еще сильнее:

– Ну же, ну же! Просыпайся, сучий сын, чтоб тебя взял иблис, зачем я сюда за тобой приперся!..

Острая бледная морда завалилась на щеку, странно повернув ухо и скулу.

Чпок – ха-ха-ха...

А может... Ой, шайтан... Ой, шайтан! Может – он мертвый? Сердце-то он, дурак, не послушал...

Бесцеремонно сдвинув вниз рукоять меча и ледяные ладони, аль-Амин положил ухо на грудь.

Слушал он долго – из упрямства. И от отчаяния, на самом-то деле.

Чпок. Ха-ха-ха...

И услышал – слабенько так. Тук. И потом, очень, очень не скоро, еще – тук.

Ффуух... Живой, зараза...

Отняв голову от груди, Мухаммад снова заметил полосу ткани на горле. Проверить рану?..

Стиснув зубы, он схватил за конец – и резко дернул. Ну?!..

Горло было белым и чистым. Ни единого следа, никакого шрама.

Так что ж ты лежишь, скотина?!..

– Что ж ты лежишь?! Вставай! Вставай, как тебя там, вставай, Тарег! Ну?!

Ничего.

И тут им овладело отчаяние. Настоящее отчаяние, такое, от которого начинает болеть в груди и хочется выть по-волчьи.

Схватившись за грудь, Мухаммад застонал и осел на пол. Прямо на мокрые, запачканные чернилами тряпки савана. Закрыв руками лицо и затих.

* * *

Тот же час на поверхности

Садун, недовольно смигивая и отворачиваясь от летящей в глаза пыли, осторожно шел к сосенке. За ним спокойно – молодец, парень! – шел Фархад. С ящиком инструментов наготове.

Оглянувшись, сабеец увидел, что за ними увязался и один айяр из Джаведовой шайки – видать, замучило любопытство: что столичным штучкам понадобилось от объединенного аждахаком тела?

Сам змей уполз. Давно. А перед тем, как уползти, долго катался по камням, взбивая тонким мерзким хвостом щбенку, выдирая когтями клочья травы. И беззвучно – для человеческого слуха – ревел от раздражающей челюсти боли. Сейчас аждахак должен был отлеживаться где-нибудь глубоко в пещере. Переваривать съеденное и восстанавливаться от ран.

– Что скажешь, мой мальчик? – холодно поинтересовался Садун, разглядывая лежавшие у деревца останки.

Разбойник за их спиной тихо помянул Предвечный огонь. Можно подумать, мелькнуло у Садуна в голове, с соседней скалы он не видел, что сделал змей с невольником-ханеттой.

От любимца аль-Амина и впрямь мало что осталось. Присев на корточки, лекарь присмотрелся к развороченной грудной клетке. Часть ребер торчала наружу. Голова оставалась на плечах – впрочем, головой это можно было назвать довольно условно: все покрывала красновато-желтая слизь из желудка змея. В отвратительном месиве холодно поблески-

вал металл ошейника с амулетом – Птица Варагн. Не такая сильная печать, как сигила Дауда, но аждахака обожгла сильно. Второй кругляш вместе с цепочкой провалился в разодранные легкие.

– В трахее застрял, господин, – мягко подсказал Фархад.

Садун присмотрелся и довольно улыбнулся – хороший, смышленный парнишка. Молодец.

Вооружившись ланцетом и щипцами, Садун осторожно поддел искомое – желтый неправильный костяной треугольник. И брякнул извлеченное в подставленный Фархадом тазик.

Разбойника бурно тошнило. Он стоял на четвереньках, мотал бритой головой и жалостно блевал в кусты.

На дне медного тазика поблескивал слизью длинный зуб аждахака. Садун с удовлетворением кивнул – острый. Не стертый еще. Вон даже каналыцы не забились пакостью. Хороший зуб.

– Амулеты снять, господин? – все так же невозмутимо поинтересовался Фархад.

– Да, детка, – улыбнулся Садун. – Но будь осторожен – желчь и кровь аждахака ядовиты и вызывают ожоги при попадании на кожу.

– Я буду внимателен, господин, – мягко ответил юноша и забренчал инструментами.

Садун снова присмотрелся к телу и приказал:

– Слева что-то золотое блестит. Наверное, серьга. Сними

ее тоже.

– Да, господин, – спокойно отозвался Фархад.

И вдруг спросил:

– Это ты сам придумал, господин?

– Как добыть зуб? – рассеянно отозвался сабеец. – Нет, мой мальчик. Парсам хорошо знакомы повадки змеев, их маги пользовались этой уловкой задолго до рождения ашшаритского пророка. В прошлые времена за зуб аждахака давали сто белых рабов, сто черных рабов, сто девственниц и сто коней.

Фархад покивал, не прекращая работать.

– А сейчас?

– А сейчас обладателя этого могущественного предмета ашшариты сжигают заживо, – тонко улыбнулся Садун.

Юноша не успел ответить – почва под ногами содрогнулась. Со скалы над головами градом посыпались камешки.

Проблевавшийся разбойник тоненько заверещал:

– Землю трясет! Уходим!

Каменное нутро Мухсина вздрогнуло снова – и Садун тем же слухом, что слышал рев аждахака, уловил – низкий-низкий гул. словно мир сминался круговыми, мелкими складками, стремясь прочь от некоего огромного, жуткого, невыносимо мощного источника силы.

– Это землетрясение? – спросил Фархад, косясь на осыпь.

– Нет, – жестко ответил Садун. – Это Страж. Похоже, он все-таки проснулся.

Под скалой, это же самое время

Видимо, аль-Амин просидел так долго. Очень долго.
Капало с потолка.

Чпок – ха-ха-ха...

Возможно, впрочем, все это ему снилось.

Что ж теперь делать?

А что делать? Теперь все. Теперь матушка его убьет. Разорется и прогонит с глаз долой. Так опозориться... Как он покажется на глаза матери без этого гребаного нерегиля?!..

– Никуда я не пойду, – тихо проговорил он в темный воздух над темной водой.

Чпок – ха-ха-ха...

Тишина.

Чпок. Ха-ха-ха...

Шур-шур-шур... шшур. Что такое? Он же вроде тихо сидел, не шевелился...

Перед его лицом вниз по камню съезжала серебряная ки-сея. Шшур. Шелестя шитьем, ткань свалилась вся – по всей длине камня. И застыла маленькой блестящей волной.

Шур-шур-шур. Звяк.

И вздох.

Аль-Амин почувствовал, как у него шевелятся под чал-

мой волосы.

Сверху снова отчетливо брякнуло и зашуршало.

– Ааах!.. – словно кто-то набрал в грудь воздуха перед прыжком в воду.

Заледенев руками и ногами, Мухаммад обреченно поднял голову.

Наверху, на камне, уже не лежали. Там сидели.

– ...Ааах! Ах! Ах!.. – и, похоже, заново учились дышать.

Как у него получилось встать, аль-Амин не помнил – пот заливал глаза, в груди колотилось.

Нерегиль и впрямь держался обеими руками за горло и хватал ртом воздух, как рыба:

– Ах... ах...

Огромные светящиеся глазищи таращились в пустоту, рот кривился и никак не мог толком ни открыться, ни закрыться, пальцы судорожно цеплялись за жесткий негнущийся ворот. Завороженный этим зрелищем, Мухаммад стоял, разинув рот и тоже вытаращившись.

Наконец, самийа справился с новообретенным дыханием, и его грудь перестала ходить ходуном. Глаза сморгнули. Рот закрылся. Пальцы разжались – и стали совершенно сознательно ощупывать горло. Глаза снова сморгнули, и в них появилось осмысленное выражение – беспокойство. По тому, как нерегиль изгибает спину и водит лопатками, аль-Амин понял – проверяет. Там ведь тоже была рана.

– Ффуухх... – Существо совсем по-человечески облегчен-

но вздохнуло.

Расслабив руки, Тарик уперся ими в камень своего... надгробия?.. и помотал головой. А потом поднял лицо и – увидел аль-Амина.

Сморгнул. Медленно повернулся всем телом и спустил ноги с камня. Мухаммад заметил, что обуви на нерегиле нет. Тот встал. Выпрямился.

Аль-Амин непроизвольно попятился. И, почему-то погрозив пальцем, крикнул:

– Я, Мухаммад аль-Амин, волей Всевышнего халиф аш-Шарийа!..

А дальше – дальше все вспыхнуло. Режущим, белым, как молния, светом, от которого смерклось в голове.

Падая в черноту, аль-Амин успел в ужасе увидеть, что нависшее над ним существо раскрывает огромные, невозможные, пылающие крылья – и скалит острые мелкие зубы.

Последним воспоминанием стало пронзительное чувство унижения – он все-таки пустил в штанину струю. И снова ужас, хотя испугаться еще сильнее было невозможно.

Существо вперилось в него жутким, нездешним взглядом, по-змеиному прошипело: *Прочь!!!* – и исчезло. В обморочной, гулкой тьме, в которую аль-Амин провалился с жалобным, горестным воплем.

Тот же самый час на поверхности

Когда камень вздрогнул и страшно скрежетнул в первый раз, Джавед подумал – неужто так змей лезет? Какая махина, вот нажрал брюхо, Мухсин трясется!

Скалы гулко встряхнулись снова. Черное, неровное по краям жерло пещеры оставалось безжизненным.

Привязанные к столбам пленники бесполезно, глупо держались в веревках и орали на разные голоса. Двое ханьцев, кипчак и ханетта голосили на своих наречиях. Ничего не разобрать, конечно – ни фарси, ни ашшари невольники не знали. Вон, один даже ноги сумел выпростать – так пятками колотился об дерево. А баба, кстати, стояла молча – только в небо смотрела. Мокрое лицо блестело под скудным солнцем. Обычно, кстати, бабы орали до хрипоты, крутили патлатыми башками и пытались в ночь перед жертвоприношением залучить кого-нибудь между ног – все надеялись, что попользуют и пощадят. Молодцы пользовали их нещадно, но Джавед таких игр не одобрял – аждахаку, по обычаю, вообще девственников положено приводить. Целку достать, конечно, не получалось – но все равно, надо же иметь уважение и к змею, и к жертве. Незачем макать свое в чужое – назначили аждахаку, так пусть он и получает все в целости и сохранно-

сти.

Эта баба, кстати, ночью никого к себе не подпустила. Молча лежала, только губы кусала. Ревела, конечно, но молчала. Храбрая. Ее из Фейсалы привели – с караваном, который неделю назад ушел на юг, в Хань.

И тут опять тряхнуло – сильнее прежнего! Над головой зашуршала осыпь, Джавед прикрыл ладонями голову от мелких камней и потому не сразу увидел показавшего морду змея.

Низко мотающаяся башка почти касалась брылями камня. Аждахак поморгал длинными, желтыми зенками и неспешно полез наружу.

А вот дальше Джавед помнил не все.

Сначала ударил ветер – да так, что их чуть с камня не сдуло. А с ветром донесся тихий крик. Потом, правда, парс понял – не тихий. Наоборот, оглушающий, но очень тонкий. Как иголка, которую загоняют под ногти. Как стон, тихий, но страшный.

Крик ударил в уши, как ветер, а потом неровные камни, столбы, рогатую башку змея и устье пещеры залило синюшным, потусторонним светом.

Перед почерневшими, изглоданными столбами опустилось ослепительное существо в белых одеждах – с длинным, горящим мечом в руке.

Держась из последних сил, Джавед успел понять, что меч – живой. Тигр на рукояти разевал острозубую пасть и кри-

чал – тем самым неслышным, страшным криком. Развевалась белая шерсть волшебного зверя, плыли в воздухе черные волосы существа, летели за спиной белые одежды...

В последний оглушающий, кошмарный миг белый воин взмахнул клинком – и половина морды ревущего, бьющего хвостом аждахака съехала на сторону. Веером полетели черные блестящие брызги. Змей конвульсивно дернулся, задрал обкорнанное, зияющее живым мясом рыло – и рванул вперед. Белый отпорхнул в сторону и невесомо отмахнул клинком.

С тяжелым, глухим стуком башка змея обрушилась на камень.

Джавед хрюкнул от страха и побежал прочь – как никогда еще в жизни не бегал.

* * *

Караван аль-Амина, некоторое время спустя

Очнулся аль-Амин от боли между глаз. Очень сильной боли. Попытавшись открыть глаза, обнаружил, что глаза тоже режет – нестерпимо. Кругом посвистывало и подвывало. Спине было очень жестко. Сморгнув слезы, он все-таки увидел – бархатное, с кисеей верховых ночных облаков, утыканное звездами небо. Пахло чабрецом, потом, верблюдами и бараниной.

– О мой повелитель! – засутились вокруг голоса.

И тут же заботливые руки подняли его, и помогли сесть, и насовали под спину подушек и валиков. В глазах плыло.

– О мой халиф, ты жив и в добром здравии!

«Убью, сука», – мрачно подумал аль-Амин. За «доброе здравие». Голова болела так, что глаза слезились.

– Где... – Язык еле ворочался во рту.

– Да, мой халиф?

Тьфу. Это он так теперь будет хрипеть, вместо того чтобы говорить? Вместо человеческих лиц вокруг все еще расплылся туман.

– Где...

– О мой халиф... Ой!

Удар кулака, видно, пришелся куда надо, потому что раб вякнул и замолчал. Туман вокруг него почтительно притих.

– Где...

Почтительное молчание.

Заливаясь слезами боли, аль-Амин потер виски. Собрался с волей. И все-таки выдавил из себя:

– Г...где... эта га...гадина?

Молчание.

– Гы... где?..

Голос все так же срывался, но его, похоже, поняли. Кто-то вкрадчиво – ага, явились, выкормыши гадские, – проговорил:

– Он... поблизости, мой повелитель.

Что?! В какой еще такой «поблизости»? Сейчас он покажет подлой твари такую близость!..

– Г-где?!..

– Они... доставили тебя сюда, о мой халиф. И вернулись. «Они»? Какие еще «они»?

– О...они?..

В глазах прояснялось, и склоненная чалма с висящим кончиком белела все явственней и явственней.

– *Они*, мой халиф, – с нажимом повторил Джунайдов мюрид.

И поднял взгляд.

С мгновение посмотрев в спокойные холодные глаза, аль-Амин раздумал переспрашивать.

Конечно, *они*. Джинны. Джинны из-под скалы.

Мюрид тонко улыбнулся и снова почтительно опустил взгляд. И мягко добавил:

– Скорее всего, Тарик прибудет сразу в Фейсалу, о мой халиф. Завтра мы сможем тронуться в обратный путь.

Страх сменился жгучей яростью, словно забитый фонтан прорвало.

Ах, он «прибудет». Прибудет он. Он, Мухаммад, ему так прибудет, так прибудет... аль-Амина аж затрясло от злости.

Своевольная злобная сволочь, ни в грош его ни ставит. Небось с халифом Аммаром нерегиль бы такого себе не позволил! А над ним гадская тварь издевается! Ни поклона, ни приветствия! «Прочь!» Сверху плюнул и усвистел!

Но ничего, мы тебя проучим. Как следует проучим – будешь уважать меня и слушаться будешь, будешь-будешь, гадина...

Он, аль-Амин, читал «Путешествие на Запад» Яхьи ибн Саида. Читал-читал. «Сила Стража огромна. Но благодаря мудрости и справедливому устройению Всевышнего, милостивого, милосердного, мощь свирепого существа связывается единым словом эмира верующих. Однако халифу следует помнить наставления отцов и не натягивать веревку с излишней силой, дабы не возбуждать вражды и ненависти Стража...»

Ну-ну.

Впрочем, ладно. Месть могла подождать до Фейсалы. Ну а сейчас...

– Д-джа?..

Почтительное покашливание. Суки, якобы вы не понимаете, ну да.

– Джа...жамиль?..

Попробуйте только меня не понять, я вас...

И, тем не менее, ответом ему стало молчание. И покашливание.

Ах, так?!

– Гыы...где Джамиль, сс-су...суки?!

Джунайдов мюрид, не поднимая глаз, тихо ответил:

– О мой повелитель! Прости меня, ради Всевышнего, милостивого, милосердного, за дурную весть! Твой гулям, о

мой халиф, по глупости и неразумию далеко отошел от лагеря и затерялся в скалах. Мы искали его все четыре дня, что ты провел под скалой, о мой повелитель, – но тщетно... Видно, такова его судьба и воля Всевышнего о его судьбе...

И юноша, а с ним все остальные провели ладонями по лицу и склонили головы.

Четыре дня? Он провел под скалой *четыре дня*? Да как это могло случиться? Он был на месте сегодня утром!..

На месте... постойте-ка... на месте... что там бормотали голоса в его сне? А может, это был не сон?!

«Вяжите его, крепче, крепче, рот заткните тоже, до места еще далеко...»... «он слабый, глупый, он может не выжить... зачем давать лишнего...»

У Мухаммада кровь отлила от лица, а ладони разом вспотели. Надеюсь, что ужас не слишком отчетливо проступил у него в глазах, аль-Амин оглядел стоявших перед ним людей. Парсы. Сплошные парсы. И двое колдовских выкормышей страшного шейха. «Силат его не хотят...»

Ни одного верного человека. Он один в этом страшном лабиринте, окруженный жадными до смертной крови джинами и ненавидящими своих завоевателей парсами. А верховодят всеми два ученика чародея, которые только что без сожаления скормили силат его бедного Джамиля.

«Он слабый, глупый, он может не выжить...»

О нет, они ошибаются. Он выживет. Выживет и выйдет из этого лабиринта.

А как только он доедет до Фейсалы, они у него все попляшут. Ох, попляшут...

И аль-Амин улыбнулся. И сказал:

– Что ж, воистину человек не волен ни в жизни своей, ни в смерти. Ибо жизнь его в воле Создателя...

И тоже провел ладонями по лицу.

Город огней

Фейсала, два дня спустя

С Башни Наместника открывался головокружительный вид на вечернее небо и скальный лабиринт. И на южную дорогу, уползающую в сиренево-серые камни Мухсина. И на толпу, которая все прибывала и прибывала. Люди выскакивали из Пряничных ворот, бежали дальше, подпрыгивали, пытаясь заглянуть за плечи впереди стоящим, орали – и поднимали над головами свечи и плоски с огоньками.

– Та-рик! Та-рик! Та-рик! – мерно колыхаясь, выкрикивала огромная толпа.

Улицы города – на обоих холмах – тоже наверняка запружены народом. И в каждом доме горят огни – множество огней. На стенах тоже не протолкнуться – страже пришлось поработать копьями, отпихивая лишних. Не ровен час, сорвутся в толчее и попадают, кому это надо...

– Дракон мертв! Славьте победителя дракона! – орали голозадые мальчишки – и с хохотом бросались подбирать сыпавшуюся мелочь.

Наконец, напряженный, ждущий, как женщина в хариме, город взорвался оглушающей волной крика:

– Еде-еееет!

И тут же, восхищенное:

– Везу-уууут!!!

На дороге показался белый крохотный всадник – а за ним упряжка, запряженная волами. В арбе, подпрыгивая на рытвинах, ехал страшный и вожделенный груз – огромная, на две части раскромсанная башка аждахака.

Наместник вцепился в каменную резьбу окна так, что побелели пальцы.

Его в очередной раз охватило желание просто шагнуть с мирадора вниз. В ветреную пустоту под башней. Как два столетия назад поступила его прапрабабка. Когда в город вошли ашшариты, царевна Омид надела свадебное платье, взяла на руки годовалого сына и бросилась с башни. Других сестер и дочерей шаха халиф правоверных раздарил своим воинам. А прапрапрадед – сдался. Прямо на поле боя под Фейсалой. Бедуинскому роду бану микал. Принял веру Али – для виду, конечно. И стал *мавла* – вольноотпущенником ашшаритов.

И вот теперь наместник Фейсалы Шамс ибн Микал стоял у самого края законной пропасти и думал, что прадед был трусом и предателем. А он, Шамс ибн Микал, – истин-

ный потомок труса и предателя, не сумевшего пасть смертью храбрых.

Белый всадник на сером коне и упряжка медленно продвигались к воротам города. Тарика осыпали розовыми лепестками, люди вопили и вскидывали светильники и свечи.

– Что же нам делать, что же делать, господи-ииин... – в очередной раз заскулил скорчившийся у туфель наместника Джавед. – Он же ж враз все почует в мы-ыысля-яяяях...

Дать этому глупцу пинка – и вылетит Джавед-бей в окно. И не станет такого неудобного свидетеля...

Но что проку тешить себя глупыми надеждами. Шамс ибн Микал прекрасно понимал: ледяные, волчьи глаза Стража увидят в его трусливой душе всю правду – и не понадобится Тарику захлебывающееся бормотание Джаведа, который ведь поползет, поползет вымаливать у Стража прощение...

– Тарик безжалостен, – усмехнулся наместник. – Заговоришь – умрем вместе, под одной перекладиной. И то если нам очень повезет. Знаешь, что по ашшаритским законам положено за принесение человека в жертву?

И по тому, как разбойник сжался под парадным халатом, понял – ага, старина Джавед уже прикидывал, кому и как лучше сдать покровителя.

В очередной раз вспыхнув гневом, Шамс с силой напудил разбойнику под ребра:

– Ишак! Куда ты смотрел! Как получилось, что среди жертв оказалась ашшаритская баба?! Да еще и не невольни-

ца, а свободная?!

«К столбам» – так называли этот вид пошлины в Фейсале – отдавали только чужаков. Большею частью – невольников без роду и племени, не знающих местного языка. Степняки пригоняли таких во множестве. Шедшие с севера караваны избавлялись от заболевших и ленивых рабов.

Все были довольны – и аждахак сыт, и купцы целы. Джаведу исправно платили звонкой монетой, и тот делился с наместником – тоже хорошо. Также все довольны. Торговля процветала, налоги поступали в казну бесперебойно, люди богатели и радовались!

И надо же было такому случиться, что Джаведу отдали какую-то бабу из здешнего квартала медников! Оказалось, вдова сильно мешала брату покойного супруга – тот зарился на дом и участок. Ее с двумя детьми ночью выкрали и свели к покидавшему город каравану. Детей ханыцы оставили при себе, а бабу отдали Джаведу в уплату пошлины.

– Ишак! Осел! Шакал и сын шакала! – Наместник в сердцах принялся отвешивать разбойнику пендель за пенделем.

Джавед утирал роскошным парчовым рукавом сопли и жалостно голосил:

– А я же не знал, господин, я же не знал! Если бы я знал, да я бы ни за что такого не сделал! Но их же как отдают-то, с ротом заткнутым, а то и вовсе в мешке, да и на ней же не написано было, что она честная вдова и свободная женщина, господин, помилосердствуйте!..

Шамс плюнул на бритый коричневый затылок:

– Она ж тебя опознает, ишачина! Опознает! Деверя ее с сыновьями уже взяли и прямо на воротах дома повесили! Видел?! Кади примерно как для хлопка в ладоши времени понадобилось, чтоб им приговор вынести! Во всех мечетях орут, что надо досконально выяснить дело и положить конец бесчинствам! Сегодня после молитвы я лично поклялся Всевышним наказать разбойников, обращающих свободных людей в продажные! Ты хоть понимаешь, что это значит?!

Запыхавшись, наместник озадаченно сморщился, прислушиваясь к приветственным кликам толпы:

– И как у нее, интересно, получилось оказаться дома вчера вечером? Страж еще в город не вошел, а она с тремя оборванцами уже верещала на весь квартал...

– С помощью тех же сил, что завтра доставят в город ее детей, – прозвучал от стены жесткий новый голос.

Шамс обернулся, как ужаленный. Обычно у стены сидели невольники – подай-принеси. Но не в этот раз. Сейчас на голом плиточном полу расположился пожилой благообразный зиммий в джуббе цвета меда, перепоясанной веревочным поясом. А рядом с ним, скрестив ноги и привалившись к стенной росписи спиной, сидел юноша в такой же одежде.

Джавед повис на его руке, прежде чем он успел крикнуть стражу.

– Это почтеннейший Садун ибн Айяш, господин, – угодливо пробормотал разбойник. – Тот самый святой человек,

что обещал избавить нас от бедствий.

Шамс брезгливо стряхнул с запястья унизанные перстнями пальцы с черными грязными ногтями. И тихо спросил:

– И какие же это силы, почтеннейший?

– Джинны, – безмятежно улыбнулся поименованный Садун зиммий. – Силат. Они служат Тарику. Джинны перенесли спасенную от дракона вдову в город. Хотя... – тут ибн Айяш криво усмехнулся, – не стоит забывать о самой главной Силе. У госпожи Амадуллы – счастливое имя. Ее искренняя вера и молитва не остались без награды бога Али – и побудили Стража к действию...

При упоминании Всевышнего и Стража наместник и разбойник одинаково поежились. Занавес на вечернем окне приподнял ветер, и его порыв донес отголоски ликующих возгласов.

– Я вижу, ты воистину человек осведомленный и сведущий, о Садун. Если ты посоветуешь, как поступить в этом деле, не останешься без награды, – тихо сказал Шамс ибн Микал. – Чего бы ты хотел в уплату за совет?

– Я бы желал беспрепятственно покинуть город после отъезда эмира верующих, – безмятежно улыбнулся Садун. – Живым, здоровым и с имуществом, к которому не протянулась бы рука человека хищного и жестокого.

Наместник довольно осклабился – мол, тебя не проведешь. И тихо сказал:

– На голове и на глазах, о Садун. Так что же присовету-

ешь?

– Для начала, – тихо сказал старик в желтой джуббе, – ты, почтеннейший Шамс, скажешься больным и встречать Стража не выйдешь. Все необходимые почести Тарику окажет твоя сиятельная супруга, госпожа Марида.

Наместник медленно кивнул.

– А когда завтра в город въедет халиф, ты выздоровеешь, о Шамс. И не преминешь пожаловаться эмиру верующих на неразумие простого народа, воздавшему царские почести неверному колдуну-сумеречнику, – от какового неразумия ты и укрывался во внутренних комнатах дворца, исполняя долг.

Шамс сжал зубы.

– Но это еще не все. Встречать эмира верующих вышлешь Мусу ибн Дурайда, своего наставника. Пусть тот услаждает халифа беседой во время пути. Язык Мусы метет как помело, он расскажет эмиру верующих все, что видел и знает. А среди того, что он видел и знает, будет история сегодняшнего въезда Тарика в город.

Наместник опустил голову. Садун безжалостно продолжил:

– Как только халиф расположится в комнатах и отдохнет, ты приведешь меня и Джаведа к нему. И уж мы найдем что сказать нашему повелителю, чтобы ты не остался в опасности.

– К чему ты клонишь, о Садун?

– Подожди – и увидишь, о Шамс, – улыбнулся старик.

– Думаешь одолеть Стража? – усмехнулся наместник.

Джавед жалобно заскулил:

– Я его видел, видел, господин хороший, до чего ж страшен, и меч у него – вполчеловека точно, о горе нам, горе!..

Сабеец насмешливо отозвался:

– Ты видел его на Мухсине, о Джавед. Скалы джиннов – место силы. Здесь, в городе, силы нет. Страж будет выглядеть и действовать как обычный сумеречник. Нерегиль. Он всего лишь нерегиль. Чернявый белокожий сумеречник навряд ауранныца.

Джавед недоверчиво зыркнул, но возражать не стал.

– К тому же я не собираюсь выходить на поединок, – продолжил Садун. – Слава звездному богу, на шее Тарика лежит рука эмира верующих. Вот к халифу-то мы и прибегнем, прося заступничества...

Наместник помолчал. И наконец тихо проговорил:

– Страж спас Фейсалу от нашествия степняков. Тарик – дух-хранитель нашего города. Как я могу предать его? Как я могу запятнать себя и своих потомков неблагодарностью, отвергающей покровительство?

Ибн Айяш криво улыбнулся:

– А когда ты спускаешься в подземное святилище Ахурамазды, о Шамс, не боишься ли ты ревности бога Али, имя которого возглашаешь в мечети? Ты двоебожник – так неужели испугаешься покинуть прежнего господина и поклониться

ся сильнейшему?

Наместник молча отвернулся к закатному окну.

Садун жестко сказал:

– Тарик – безжалостен. Ты сам это сказал. Страж заглянет тебе в глаза – и велит повесить рядом с деверем госпожи Аматуллы. Тебя и твоих сыновей. А если рассердится совсем сильно – сожжет Фейсалу. Как сжег Нишапур, Самлаган и Нису до того. Или ты, Шамс, забыл рассказы о взятии Нишапура? Забыл о трех холмах из голов? Первый – из мужских, второй – из женских, третий – из детских. Смотри, Тарик взмахнет рукавом, и подвластные ему джунгары из степей сделают то же самое с Фейсалой!

Наместник прикрыл глаза. И тихо сказал:

– Что ж, видно, так предопределено судьбой. Против предначертанного звездами человек несомненно бессилен. Действуй, о Садун.

* * *

Следующий день

Двугорбая, подобно бактрианскому верблюду, Фейсала полыхала праздничными огнями. В густеющей темноте раннего вечера холм цитадели, холм дворца и пригород между ними светились так ярко, что аль-Амин решил сначала, что город объят пожаром.

– Парсы украшают дома горящими плошками, празднуя и веселясь, – пояснил ему всезнайка ибн Дурайд через горб несшего обоих верблюда.

– Хотел бы я знать, тушат ли они огни потом, – мрачно усмехнулся в ответ халиф.

Его собеседник благоразумно прикусил язык.

Конечно, нет. Да и зажигают эти плошки с запахом камфары и алоэ не от обычного трута или свечки. Старый аль-Асмаи показывал Мухаммаду списки «Авесты» – и слово «Хварна» Мухаммад запомнил. Священный огонь. Божественный, невидимый, чуждый материи и материю пронизывающий, в храмовой чаше имеющий зримое воплощение...

– О мой халиф, взгляните на ведущую во дворец дорогу! – льстиво встрял ибн Дурайд. – Наместник установил пять арок, украшенных цветами и огнями, знаменующих столпы веры, сиречь милостыню, хадж, намаз, почитание пророка – и охранителя веры! На первой написано – «Да благословит Всевышний эмира верующих, да ниспошлет ему мир и благоволение»... – соловьем разливался ученый знаток ашшари и грамматики.

Еще бы тебе не разливаться соловьем, снова зло усмехнулся аль-Амин.

Философ, поэт, филолог, грамматист, критик и писатель Муса ибн Дурайд служил могущественному парсидскому клану Бану Микал и получал жалованье как учитель сына наместника. Так что ибн Дурайд, как говорится, выльет на бо-

роду аль-Амина целую меру мускуса – и все за деньги хитрюги-парса, правящего Фейсалой. Конечно, старый лизоблюд не станет привлекать внимание эмира верующих к тому, что некоторые его подданные время от времени забывают, что они теперь ашшаритам братья по вере. Зато очень хорошо помнят, как ашшариты вторглись в их земли, на остриях копий принеся веру во Всевышнего и его посланника, заставив местных вельмож и простолюдинов либо принять истину, либо получить печать на затылок и платить подушный налог зиммия.

– Кругом одни огнепоклонники... – мрачно пробормотал аль-Амин.

– Воистину твой язык, о мой халиф, сообщает лишь истину! – вдруг воодушевился грамматист. – В сердце парсы – язычники, и поклоняются колдунам и неверным! Вчера вечером в город вступил нерегиль халифа Аммара – и что же? Его встречали от самых скал, с огнями в руках! Осыпали розовыми лепестками, подносили для благословения детей, стелили под копыта коня одежды! Орали всю ночь до утра, не давая твоему преданному рабу сомкнуть глаз! Можно подумать, нерегиль – эмир или халиф! Как они смели воздавать ему царские почести? Или Тарик не раб из рабов эмира верующих?

Аль-Амин почувствовал прилив удушающей, дикой злости. Вот как, значит. Царские почести. И ликующая толпа. Которую ведь никто силком не сгонял – сами вышли! По-

чему? За что они любят это жуткое существо? Тарик убил дракона, рассказал ибн Дурайд. Ну да, убил дракона! А что, он, аль-Амин, мало делает для подданных? Он жизнью рисковал, чтобы нерегия разбудить, между прочим! Убил бы Тарик дракона, если бы не он, аль-Амин? Нет! Так почему же его никто не выходит встречать от самых скал?!

Неожиданно свело живот – скверная здешняя вода после плохо прожаренной баранины давала себя знать. Натянув узду, халиф остановил верблюда и палкой заставил опуститься на колени. Тот, поревывая, лег посреди тропы.

Аль-Амин отошел на пару шагов, спустил штаны и присел облегчиться. Мучаясь газами, он задрал лицо к небу: уже окончательно стемнело, в серой ветреной мгле над головой посвистывало, качались сухие лохмы полыни на краю скального выступа.

Наконец все получилось. Забираясь обратно в плетеную корзину носилок, Мухаммад почувствовал знакомое першение в горле, в груди заворочалось и заскреблось. Он сухо раскашлялся, но отхаркнуться не смог. Аль-Амин продолжил упрямо перхать – пока не почувствовал в гортани выбитый изнутри комок слизи. Сплюнув за край плетеной стенки, он пихнул верблюда, чтобы тот поднялся. Вздыхающаяся на вихлястые конечности скотина тряхнула кеджав. Аль-Амин прикрыл глаза, борясь с накатившим головокружением и тошнотой. Какой же отвратительный здесь климат...

...Когда позванивание колоколец и шарканье ног стихло

далеко впереди, из незаметного глазу прохода – да что там прохода, щелки, змее впору – вынырнули две закутанные в серое фигуры. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что вовсе и не в серое, а в желтое.

Тот, что был поменьше и потоньше, поманил своего спутника к сухому отнорку под нависшей скалой. И показал на оставленное аль-Амином:

– Вот, господин! Он сидел здесь!

Садун ибн Айяш – а это был, конечно же, он – присел над испражнениями халифа и поднес к ним свет небольшой масляной лампы. Сидел он довольно долго, не обращая внимания на невыносимое зловоние. Наконец, сабеец поднялся, придерживая рукав.

И сказал:

– Это оставил человек, одной ногой уже стоящий в царстве смерти. Радуйся, дитя мое. Звезды благоприятствуют нашему делу.

* * *

Приближение халифского каравана произвело невыносимый грохот и шум: принялись бить в большие барабаны-табл, которыми обычно созывали верующих на молитву, а помимо барабанов заколотили еще и в литавры. Со стен надсадно ревели трубы, медный звон и низкий гул таблов долбились в уши, а где-то в лабиринте городских улиц зали-

валась зурна и мелкой дробью рассыпалась дойра.

Придерживая чалму, аль-Амин попытался разглядеть расцветенные ханьскими фонариками арки – верблюды мерно колыхался под ним, словно бы баюкая седока, и это хоть как-то успокаивало среди мерзкого шума. У него опять заболела голова, и бьющий по слуху грохот литавр терзал заставляемые жаркой паутиной глаза.

Ту-ру-ту-ту-т-ту, ту-ру-ту-ту-т-ту – захлебывался высокий голос зурны.

– ...Малик-аль-малика!.. Царь царей! – ревела сбившаяся вдоль обочины толпа.

Лицемеры. Знаю я, кому вы это орали не далее чем вчера вечером...

– Дорогу халифу! – орали стражники, то и дело отвешивая удары толстыми палками.

Толпа раздавалась в стороны, уступая, казалось, не ударам, а рассекающему ее, как корабль килем рассекает море, верблюду. Верблюд поревывал и пытался запрокинуть голову – орущие люди его пугали, и невольники то и дело повидали на узде.

– Царь царей!.. Да благословит тебя Всевышний! О царь царей!

Льстивые ублюдки, на брюхе готовы ползать за любую подачку...

Ту-ру-ту-ту-т-ту, ту-ру-ту-ту-т-ту – гуу! гуу! Это снова заревели с высоты стен буги. Глаза закрывались от невыноси-

мой головной боли.

Над аль-Амином вдруг сомкнулась холодная глухая тьма – шлеп, топ, топ, шур-шур-шур, слышалось лишь, как идут верблюды и цокают мулы да шаркают ногами усталые люди. Караван вошел под арки надвратных башен. Впереди загрохотало – это подтягивали решетку на выходе из черного коридора. Выныривая все в тот же дикий ор и грохот, аль-Амин попытался разлепить измученные глаза.

Во дворе пылали высокие костры, на них жарили угольно-черные бараньи туши с жалобно распяленными ногами. Тысячи глоток – люди облепили даже уходящие на стены лестницы – орали приветствия. В упрямой темноте – ее не могли разогнать даже факелы, сотни, сотни факелов, ламп, качающихся под ветром длинных шестов с горящей паклей на навершии, – рвалось вверх и гудело пламя. Огонь. Огонь был везде – бился в железных чашах на треногах, посверкивал в драгоценных тканях.

В голове что-то разорвалось и дернуло в стороны. Затылок вдруг свело болью – и перед глазами погасло.

– ...О мой повелитель! О горе нам, горе!.. О мой халиф!..

– Скорее, скорее, врача, скорее, он потерял сознание!.. Госпожа! Госпожа!

Мухаммад открыл глаза – и ничего не увидел. В открытых глазах было совершенно темно.

– Ааа... – сипло выдавил он из сведенного ужасом горла.

Он что, ослеп?! Нет, нет, не может быть... Аль-Амин

крепко зажмурился. Снова открыл глаза – ффуух... По изнанке века ползали какие-то тонкие волосины, все плыло – но он видел. Видел. Ффуухх...

– Где Садун? Где лекарь? – зло прошипел над ухом женский голос.

Видимо, супруга наместника – у парсов женщины вели себя гораздо свободнее, чем позволяли приличия...

Ей ответили – торопливым пуганым шепотком. Свистящая ярость в голосе госпожи Марида скребла слух, как ноготь – шершавую поверхность камня:

– Найти этого сабейца – немедленно... А не то...

Шепоток испарился.

Откуда-то потянуло влажной землей и тиной. Он что, в саду? В глазах заболело от ярких красок потолочной росписи. Аль-Амин понял, что мутная тошнота, с которой он безуспешно борется последние несколько мгновений, – это на самом деле все та же головная боль. Теперь дергало между ушами, словно в голове, как казненному преступнику, из уха в ухо протянули веревку. И подвесили среди этих шепотков, тихих разговоров, трелей птиц и невыносимой красноты там, сверху, на штукатурке свода...

...Шагов он не услышал. Но понял, что кто-то подошел совсем близко, – по насторожившейся тишине вокруг. Зашелестело, зашуршало, дохнуло странным каким-то, предгрозовым запахом. Очень свежим.

– Не нужно открывать глаза.

Это ему мягко посоветовал новый голос – тоже странный. Какой-то... неживой. Звякающий, как металлическая пластина панциря. Но очень твердый – как у Джунайдовых мюридов, подумалось аль-Амину. Такого голоса хотелось слушаться.

Под затылок осторожно просунулись пальцы. Вторая ладонь накрыла лоб. Мухаммад почувствовал, как кожа под волосами начинает расслабляться в блаженном тепле – его отпускало. Губы почти против воли сложились в улыбку. Боль уходила – явственно. Прояснялось и светлело даже под закрытыми веками. Какое же счастье...

Странный голос негромко прозвенел:

– Никакого вина в ближайшие... месяцы. Ни капли.

Аль-Амин едва не кивнул, запоздало сообразив, что голос обращается не к нему. Госпожа Марида над головой почти-тельно бормотала:

– Да, господин... Как прикажешь, господин...

– И хаммам не должен быть горячим. Очень щадящий пар – и никаких чередований холодной и горячей воды. Равномерное мягкое тепло.

– Да, сейид...

– И не надо пить много чая – разве что только темный ханьский. Острая пища, специи – это тоже пока не для него.

– Как прикажешь, господин...

– И лучше поместить его в покои, где нет ярких красок, с приглушенным светом.

– Да, сейид...

– Ну и, конечно, пока – никаких... излишеств.

– Я поняла, сейид.

Верхняя ладонь – оказалось, она все еще лежала у него на лбу – мягко отнялась от кожи. Затем осторожно, почти не тревожа ткань чалмы, выдвинулась из-под затылка нижняя.

А потом над ухом легко вздохнули – и тихо-тихо, лишь для него, аль-Амина, сказали:

– Я прошу прощения за то, что произошло в пещере. Зов пришел... неожиданно. Я не хотел тебя пугать, Мухаммад.

Аль-Амин сначала не понял – как-как? Как его называли? Он все еще блаженно улыбался, радуясь избавлению от мучений. Потом медленно открыл глаза. Цвета потолочной росписи – ярко-синий, красный, зеленый, слепящая, режущая глаз охра – тут же прыгнули в разум:

– Ой!

– Я же сказал – не надо пока открывать глаза.

Снова зашелестело, зашуршало. Нерегиль поднимался на ноги.

Шагов Мухаммад не расслышал. Зато услышал, как шуршат другие ткани и брякает железо о камень. Аль-Амин понял, что происходит.

Так шелестит и звякает, когда множество людей преклоняют колена. Повернув голову набок, он все-таки раскрыл глаза.

Среди простершихся в земных поклонах людей удалялся

высокий белый силуэт. Этот белый приятно холодил глаза среди мучительного разноцветья и блеска одежды уткнувшихся в пол парсов.

Аль-Амин блаженно закрыл глаза и уснул как ребенок.

* * *

Утро следующего дня

– ...Ублюдки!!! Ненавижу!!! Это что, по-вашему, суп?!..

Глупые бабы тупо толклись вокруг лежанки, пытаясь прибрать осколки драгоценного ханьского фарфора среди суповой лужи. Впрочем, отвратительная жидкость – пресное, безвкусное варево с кусками порея и моркови – стремительно впитывалась в ярко-малиновый хорасанский ковер.

– Уберите отсюда этих дур! – рявкнул аль-Амин на безобразного черного евнуха. – Где Йакут? Исмаил? Где мои гулямы, задери вас шайтан?!

Тряся брылями, смотритель дворцовых покоев заколотился лбом об пол:

– О повелитель! Повелитель! Смилуйся!..

– Где мои гулямы, твари?! Всех посажу на кол, гиеновы отродья!

Евнух трясся, колыхая залежи жира на обнаженных ручищах и шее:

– Смилуйся, о мой халиф!

– Вина мне! Плов несите – жирный, уроды, жирный плов с мясом молодого барашка! И к нему острый круглый перец в уксусе! И моченый кизил! И соленых огурцов, и фуль несите, ублюдки!

Евнух продолжал безответно трястись на заперченном су-пом ковре.

– Где мои гулямы, я спрашиваю?!..

– О мой халиф, – зажмурившись, выдавил из себя смотритель. – Тарик распорядился отослать их в Харат...

Те несколько мгновений, пока оцепеневший от ярости халиф глотал ртом воздух, явно показались бедняге последними в его жизни. Черная кожа несчастного кастрата посерела от страха, как от холода.

Наконец аль-Амин справился с приступом злобы и выдавил:

– Распорядился?.. Тарик – распорядился?..

В душной теплой комнате, казалось, вместо воздуха загустело пахнущее потом и страхом желе. Женщины сжались в комки, залепив лица платками.

– Распорядился, значит...

Слуги едва дышали.

В пуганой тишине громко зашелестели входные занавеси.

– Живи десять тысяч лет, о мой халиф! Да буду я жертвой за тебя, о солнце аш-Шарийа! – замурлыкал льстивый, приторный голос наместника.

Аль-Амин медленно обернулся к вошедшим – и понял,

что стоит на лежанке босиком, в одних штанах и длинной рубаше.

Впрочем, на простершихся перед ним людях было наде-то самое простое платье. Даже наместник вырядился в какую-то холщовую хламиду. А то мы не знаем, как у ибн Микалов получается прикарманивать налоги, конечно-конечно. На лежавшем рядом с ним бритом смуглом парсе и вовсе топорщился драной ватой грязный халат. На остальных отливали болезненной желтизной кафтаны неверных. У одного из кафиров на спине и вовсе чернела дерюжная заплат-ромб – мало того что неверный, так еще и раб неверного. Любопытно, любопытно, кого привел хитрюга-парс...

– Кто это с тобой, о Шамс? – смягчаясь, поинтересовался аль-Амин.

И плюхнулся обратно на лежанку.

Наместник, не разгибаясь, подполз к суфу, поймал его руку и принялся истово лобызать ее:

– Мой повелитель! Мой господин! Прости ничтожного раба!

– За что это? – удивился аль-Амин, брезгливо утягивая руку обратно.

– Я не смог удержать народ! Жители города темны, глупы и подвержены предрассудкам! Они называют Тарика живым богом и воздают ему языческие почести!

Наместник закрылся рукавом хламиды и пустил слезу из прижмуренных глаз. Наверняка луковица в кулаке припрят-

тана – ишь как на щеки брызжет.

– А супружница твоя зачем перед ним расстилалась? – гаркнул аль-Амин, откидываясь на подушки.

Ему нравилось возить провинившихся чиновников мордой – особенно если те врали и пытались оправдываться. Вот, к примеру, с главным вазиром очень приятно было отводить душу. Сделать с ними, детьми собаки, ничего не сделаешь – все равно будут воровать и кусать руку. А так хоть в собственную блевотину пса ткнешь – и то удовольствие...

– Ну-уу? Отвечай, сын падшей женщины!

Наместник затрясся и снова упал лицом в ковер.

И глухо прошептал:

– Тарику служат страшные силы, о мой халиф. Наши жизни дозволены для нерегия, а он, клянусь Милостивым, из существ жестокошеих, преграждающих дороги и отнимающих жизни!..

Аль-Амин неуютно поежился. И тихонько спросил:

– Это ты про кого, Шамс? Мы же в городе! Разве стены Фейсалы не хранят жителей от джиннов из скал?

К наместнику на четвереньках подполз оборванец и стукнулся лбом об ковры:

– О солнце и надежда верующих!

Аль-Амин узнал просителя – давешний проводник-парс, якобы не знающий ашшари.

– Дозволь рассказать тебе страшную и правдивую историю!

Халиф сглотнул и кивнул.

– Я простой проводник при караванах, тяжким трудом зарабатывающий на жизнь. Да буду я жертвой за тебя, о мой халиф, но, когда в прошлый раз ты изволил спрашивать меня о деревьях на дороге, я не мог тебе ответить из опасения за свою жалкую жизнь...

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай, – пробормотал аль-Амин и, ежась, натянул на плечи одеяло.

– У этих деревьев нечестивые язычники приносят жертвы джиннам-силат. Клянусь Всевышним, да отсохнет мой язык, если я лгу! – И парс ударил себя кулаком в рваную грудь. – А я – из верующих ашшаритов, о мой халиф! Моя стойкость в благочестии известна всему городу! Не так ли, о благородный потомок Бану Микал?

Наместник усиленно закивал.

– Так вот, о мой халиф, в последние дни отродья тьмы распоясались совершенно! Позавчера женщина Аматулла, известная как колдунья и ворожея, перенеслась в свой дом прямо на спинах джиннов! Двое верблюжатников из моих рабов обличили ее, а сегодня по приказу Тарика несчастных схватили и повесили на площади перед Пятничной ма-сджид! А меня свирепый нерегиль приказал отыскать и тоже вздернуть! Нас обвиняют в разбое, но благородный наместник подтвердит – я честный человек, правоверный и преданный халифу!

Ибн Микал снова закивал головой.

– Защити меня от колдунов и тварей из скал, о солнце веры! К твоему справедливому суду и защите прибегает бедный Джавед, не скопивший за всю жизнь и трех ашрафи! Всевышний знает, сколько я раздаю по пятницам милостыни!

И парс, заливаясь слезами, снова ударил себя в грудь кулаком.

– Ужас какой у вас здесь творится, – ошалело пробормотал аль-Амин. – Сначала мне говорят, что нерегиль убил аждахака! Более того, привез голову дракона и выставил на базарной площади! А теперь я узнаю, что здесь живут колдуны, летающие на джиннах! Чего только не услышишь в окраинных, пограничных землях...

И подскочил на месте:

– Ну и что же мне делать?

– Защити нас, о халиф! Иначе всех нас сожрут ненасытные джинны! К тому же позавчера, как раз когда колдунья вернулась в город, мы нашли в скалах растерзанное тело юноши. Верблюжатники спрашивали людей знающих, рассудительных – а они ответили, что это наверняка невольник из твоего каравана, о мой халиф!

Аль-Амин почувствовал, как у него отливает от лица кровь и немеют губы:

– Ч-что?..

Один из коленопреклоненных неверных – благообразный старец с седой бородой – подполз поближе и, глядя в пол,

почтительно проговорил:

– Я лекарь, о повелитель, но даже мне страшно было глядеть на изуродованное тело – некогда прекрасное и дарившее наслаждение взглядам. Джинны растерзали несчастного на мелкие части, но мне удалось найти вот это, о мой халиф. Возможно, ты узнаешь эту вещь...

И дрожащая старческая ладонь поднялась вверх. На ней лежала рубиновая серьга. Та самая, которую он, Мухаммад, вынул из своего уха и вдел в ухо Джамилю – в их первый вечер.

Аль-Амин охнул и медленно прикрыл лицо рукавами.

Вокруг сдержанно всхлипывали.

– Спаси нас, о повелитель! – застонал кто-то.

Халиф сжал зубы, шмыгнул носом и снова поднялся на ноги.

– Ну что ж, – процедил он. – Раз так... Раз так...

И резко отмахнул рукой:

– Колдунью со всем семейством схватить и казнить!

Наместник поманил пальцем, из-под занавеси тут же выполз катиб с чернильницей на запястье, бумагой и каламом в руке. И принялся быстро-быстро писать.

– Человеку по имени Джавед выдать двести динаров награды за храбрость и преданность! А также выписать охранную грамоту-аман, возвещающую, что он и его люди находятся под покровительством эмира верующих!

Парс разрыдался и благодарно заколотился лбом об пол.

Аль-Амин возбужденно потоптался и вскинул руку:

– Вот еще что! Передайте знатым людям Фейсалы, что сегодня вечером я позволю подданным лицезреть меня! Шамс! – рывкнул он на наместника, и тот покорно рухнул вниз лицом. – За ужином я желаю есть... *пищу*!!! – Это слово аль-Амин проревел, да так, что за окном перестали чирикать глупые птицы.

Переведя дух и с удовольствием оглядев склоненные затылки, халиф продолжил:

– Я сказал, заметьте, пищу – а не отвратительные помои, которыми вы тут меня пичкали. И я желаю пить вино. Много вина. Да, вот еще. Шамс, подбери мне виночерпия. Посмазливей...

Издевательски ухмыльнувшись, аль-Амин потер ладонью о ладонь. И, кривясь от злости, – в груди сладко посасывало, он уже предвкушал вечернюю расправу, долго лелеемую, выпестованную в холодные ночи месть, – халиф завершил свою победную речь:

– А... нерегилю... – от ненависти даже голос сорвался, – нерегилю передайте, чтобы не покидал покоев и ждал моих распоряжений. Возможно, я захочу его увидеть... во время ужина.

И аль-Амин не смог удержать сияющей ненавистью, злой ухмылки.

Вечер того же дня

– ...Мой повелитель – зеркало мудрости и свет добродетели, – улыбаясь, точил мед ибн Дурайд, – но пусть он не прогневается на своего дурного раба за совет: в отношении нерегия здесь, в Фейсале, было бы благоразумно проявить осторожность...

Аль-Амин лишь презрительно хмыкнул, подставляя стоявшему за спиной кравчему большую чашку.

Вино ударило в полукруглое дно пиалы тугой струей и вишнево вспенилось. Шамс ибн Микал приставил к халифу собственного виночерпия, и аль-Амин, поглядывая на разругавшегося мальчика, чувствовал – его гнев тает, как шербет под лучами солнца. Воистину, наместник Фейсалы заслуживал прощения, и даже награды – ибо щедрость похвальна между людьми и угодна Всевышнему.

Юный невольник поймал взгляд Мухаммада и зарделся еще больше. Мальчика звали Экбал – что на фарси значило «счастье». Аль-Амин не сомневался, что его счастье близко, а имя пахнущего розовым маслом красавца обещает ему роскошную ночь.

– Воистину, этой ночью эмиру верующих не понадобится жаровня, – расплываясь в сахарнейшей из улыбок, закивал

наместник со своей подушки.

Аль-Амин кивнул Шамсу – и милостиво улыбнулся.

Тот просиял.

И умело скрыл вздох облегчения – парсидский шельмец чувствовал, что халиф все еще не в духе. И правильно чувствовал! Я тебе покажу, кто здесь настоящий хозяин, лизоблюд ты парсидский.

Отхлебнув из чаши, аль-Амин снова повернулся к своему надиму:

– Ты говоришь туманными намеками, о Шамс. Объясни же мне, чем так опасен нерегиль именно в Фейсале?

Ибн Дурайд замялся – и стрельнул хитрыми глазенками в сторону Шамса, развалившегося на ковре среди подушек. Их разделяло не менее пяти шагов, но аль-Амин понял намек и склонил голову поближе.

– Здешние жители боготворят Тарика, – заговорщически придвигаясь к уху халифа, забормотал знаток ашшари.

– Хм, – протянул аль-Амин.

Похоже, грамматист собирался поведать ему черствые новости.

Ибн Дурайд был уже в изрядном подпитии – впрочем, Мухаммад тоже. Но все равно старика следовало послушать – мало ли, может, выяснится еще что-нибудь.

– Так что ж ты мне плел, что хорасанцы его ненавидят? – громко ответил он на дурацкий шепот надима.

– Хорасанец хорасанцу рознь, – важно поднял палец ибн

Дурайд. – Нерегиль сжег и разорил Нису и Харат, но Фейсалу он спас от джунгарского набега!

– Тьфу ты пропасть, – начал сердиться аль-Амин. – Ты путаешь меня, о Шамс! Кто как не джунгары шли в его войске?

– Это потом! – отмахнулся рукавом старый грамматист. – А сначала он защитил Хорасан от их набега – а главное сражение случилось как раз у стен Фейсалы!

– Тьфу на вас и вашу путаную историю, – зевнул аль-Амин. – Ну так и что с того?

– Ну как же, о мой халиф, – всплеснул руками ибн Дурайд. – Они теперь называют его спасителем города, – и, понизив голос, добавил: – И беспрекословно исполняют все его приказы.

– Угу... – прищурился халиф.

– А еще... – Тут ибн Дурайд и вовсе перешел на шепот. – ...Они называют его новым Афшином.

– Кем? – округлил глаза аль-Амин.

Вот это новости!

– Афшином. Афшином ибн Кавусом. Парсы шепчутся, что в нерегиле возродился его дух. Мстительный, о мой халиф...

И старый грамматист сделал страшные глаза и прикрыл ладонью морщинистый рот.

Ах, вот оно что... Мстительный дух Афшина. Что ж, это имя Мухаммад знал. Знал очень хорошо. Да и поискать нужно было человека в халифате, который ничего не знал бы о

величайшем из полководцев аш-Шарийа – и о том, как закатилась звезда его славной – и страшной – судьбы. Воистину, правильно сказал поэт:

Никто не властен спастись от того, что будет:
Смерть и днем придет, и ночью разбудит.⁶

Со дня смерти Афшина прошло больше века, но его помнили – и каждый раз, когда его имя начинало передаваться из уст в уста, это было сродни явлению кометы на окровавленном небе.

Говорили, что халиф Умар ибн Фарис – да будет доволен им Всевышний! – казнил Афшина по ложному обвинению: князь Ушрусана не участвовал в заговоре принца Аббаса. И уж тем более не изменял истинной вере – потому что был и оставался язычником. Еще говорили, что, умирая в темнице – Афшина по приказу халифа уморили голодом, – полководец проклял своих палачей, и то проклятие десятилетиями тяготело над Аббасидами, пока последний из них не сошел в могилу. Рассказывали, что при дворе халифов имя Афшина находилось под запретом – знать, не хотели будить спящее лихо... Впрочем, эти предосторожности не слишком Аббасидам помогли.

И вот теперь призрак из темного прошлого вновь тревожит покой верующих. А ведь они и впрямь похожи – нере-

⁶ Рассказывают, что эти стихи произнес Джафар Бармакид в ночь перед казнью.

гиль и Афшин. И тот и другой язычники, чужаки для всех. И так же, как Афшин, нерегиль либо плетет заговор – либо превращается в орудие заговорщиков: уж больно парсы вокруг него суеются. А парсам лишь дай волю – они тут же отыграются за все прошлые обиды. В Ушрусане до сих пор ашшариты не селятся – после казни Афшина местные такие погромы устраивали, что пришлось армию посылать. А последний бунт – кстати, горцы подняли мятеж под кличем «Смерть убийцам!» – и вовсе удалось подавить всего несколько десятилетий назад, причем ценой большой крови...

Но как бы там ни было, даже если никакого заговора нет и в помине, нерегиль заслужил наказание по другой причине – причем по той же, что и Афшин. И тот и другой взяли слишком много воли и... слишком много власти. А такая власть может быть только у эмира верующих. Как правильно говорят парсы, «иль шах убивает – иль сам он убит».

– Новый Афшин, говоришь... – усмехнулся аль-Амин, поглаживая бородку.

Ибн Дурайд скорбно покивал – мол, такие языки у здешних твоих подданных, о мой халиф, метут как помело, незнано что говорят и Всевышнего не боятся...

Ну что ж, настало время проучить гадину. Аль-Амин хлопнул в ладоши:

– Эй, Буга!

Начальник отряда его охраны, огромный тюрк по клич-

ке Бык, двинулся в широкие двери зала. Разговоры стихли. Гости заерзали на подушках, испуганно поглядывая то в сторону аль-Амина, то на чудовищных размеров тушу гуляма.

Буга, красуясь, сложил на груди здоровенные, бугрящиеся мускулами ручки.

– Приведите сюда Тарика, – сладко улыбнувшись, приказал аль-Амин.

– На голове и на глазах! – проревел гигант, неловко склоняя толстенную шею.

На самом деле шея у Буги не гнулась – слишком коротка была для поклона – и тюрку пришлось нелепо присесть. Махнув рукой воинам, он выпятился из дверей.

В пиршественном зале стало очень тихо. Даже певички съежились и сидели испуганной стайкой, прижимая к себе лютни.

Аль-Амин с удовлетворением оглядел умолкших гостей. Люди отводили глаза, неловко поигрывая чашками или концами поясов. Шамс ибн Микал сидел теперь прямо, очень прямо, опустив враз осунувшееся лицо и ни на кого не глядя. Ага, боитесь, суки... Боии-иитесь... И правильно делаете. Он им сейчас покажет «господина». Он им сейчас покажет, кого они должны слушаться, чьи приказы исполнять.

И заодно покажет, что совсем не боится! Не боится чудовища, от одного имени которого они обмирают!

– Играйте! – крикнул он лютнистам.

Те испуганно застреляли густо подведенными глазами.

Жалобно тренькнула случайно задетая струна.

– Я сказал, играйте! – рявкнул аль-Амин.

Музыкантши робко потянулись к инструментам.

Тут со стороны галереи раздался топот подкованных сапог. Певички пискнули и сбились в пеструю кучку.

Буга вперся в арку, наполовину заполнив ее собой:

– Исполнено, мой повелитель!

И сдвинулся в сторону. Нерегиль стоял у него за спиной, в длинной белой накидке-биште, безоружный и на вид совершенно спокойный. Он смотрел прямо перед собой – и ни на кого в отдельности. Даже на него, аль-Амина, не смотрел. Ну-ну...

– Подойди, – аль-Амин придал голосу суровость и легонько пошевелил пальцами, словно бы подманивая нерегилья к себе.

Не дойдя до ковра, на котором сидел халиф, пяти этикетных шагов, Страж опустился на пол и склонил голову в полном церемониальном поклоне.

Развалившись на подушках, Мухаммад снова лениво пошевелил перстнями:

– Я смотрю, тебе нужно особое приглашение, Тарик. Что ж, разве не возникло у тебя желания почтить нас своим присутствием?

Нерегиль молчал, все так же не отнимая лба от пола и положив на мрамор обе ладони. Впрочем, а что ему было отвечать? Что он, аль-Амин, сам приказал ему не покидать ком-

нат и ждать приказаний? Глупое вышло бы оправдание, что уж тут говорить.

– Что молчишь, Тарик? Тебя спрашивает твой господин – отвечай!

Нерегиль молчал, не поднимая головы и оставаясь совершенно неподвижным. Широкие белые рукава и длинный «хвост» бишта лежали на полу, и ни единая складка не шевелилась.

– Я смотрю, ты не расположен с нами разговаривать сегодня вечером, Тарик, – лениво потянулся аль-Амин, не переставая улыбаться.

И резко встал с подушек. В голове чуть-чуть плеснуло му-
тостью – но боль не прорезалась. Хмель приятно кружил голову, наступало излюбленное состояние – куража, веселья и бесшабашных выходов.

Обойдя низкий столик, аль-Амин прошел по ковру. И через пять шагов остановился прямо перед склоненной черно-волосой головой.

Постукивая загнутым носком изящного башмака, он некоторое время смотрел на застывшее у его ног существо. Мрамор по-зимнему охлаждал подошвы ног сквозь тонкую ткань туфель.

Аль-Амин поднял ногу и легонько пихнул нерегиля в белое плечо:

– Почему ты надел одежды этого цвета, о нечестивец? Тебе что, неизвестно, что перед халифом положено являться

в цветах его дома и рода? Цвет Умейя – черный, слышишь, ты, подлая, наглая тварь!

В зале висела мертвая тишина, только фонтан шлепал струями где-то в ночном дворе.

– Отвечай, когда тебя спрашивают, ты, неверная собака!

Откуда-то справа все-таки донесся тихий вздох ужаса. Аль-Амин улыбнулся еще шире и снова пихнул нерегиля ногой – уже почувствительнее.

И тихо проговорил:

– За то, что ты сделал в... пещере, еще заплатишь. А это тебе за заботу о моем хрупком здоровье, сволочь. И за то, что в городе похозяйничал без моего дозволения. Я тебе покажу-ууу...

И во всеуслышание объявил:

– Подобное нарушений приличий неслыханно!

Простертый у его ног нерегиль сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

Гости сидели, не шевелясь и даже не дыша. Торжествующе обедая глазами застывший в ужасе зал, аль-Амин с показным вздохом смирения покачал головой:

– Но так и быть, Тарик, я прощу тебя – на первый раз. Хотя, по совести, тебя следовало бы наказать палками за подобную наглость.

Ему показалось, что белые-белые руки под белой-белой тканью задрожали. Подожди, это еще не все, сучий сын.

И аль-Амин пододвинул расшитую золотом туфлю к са-

мому лбу самийа. И громко объявил:

– Во имя Всевышнего, милостивого, прощающего, я извиню тебе эту оплошность. Целуй в благодарность туфлю, Тарик.

Он не ошибся – нерегия трясло, и весьма ощутимо.

– Целуй туфлю, сволочь... – прошептал аль-Амин, глядя на униженно расprostертую на полу, дрожащую от бессильной злобы тварь. – Я приказываю, Тарик, – ласково улыбнулся он – и снова легонько пихнул белое костлявое плечо. – Ну?..

С довольной улыбкой он пронаблюдал, как нерегия оторвал лоб от пола. Крупная дрожь била его с ног до головы, намертво сжавшиеся кулаки пристукивали о мрамор. Аль-Амин спокойно ждал, улыбаясь.

Тарик немного подался вперед – и черные волосы накрыли сафьян чуть выставленной вперед туфли халифа. Почувствовав, как к затянутой в тонкую ткань ступне прикоснулось что-то ледяное, аль-Амин вздрогнул и едва не отдернул ногу – тьфу ты, гадость какая, у него губы холоднее, чем у покойника... Ш-шайтан...

Нерегия тем временем снова уткнулся лбом в мрамор. Злорадно ухмыльнувшись, аль-Амин сказал:

– Хватит тебе бездельничать в Фейсале. Отправляйся заниматься делом, ради которого тебя разбудили, ты, старый ленивый кот. Думай, как разбить нечестивых карматов. Поезжай в Харат – там тебя будут ждать военачальники. Че-

рез месяц мы туда поjalуем сами, и ты отчитаешься во всех предпринятых действиях! Ты понял меня, самийа?

Тарик, не поднимая головы, кивнул. Аль-Амин, хмыкнув, снова пихнул его ногой в плечо:

– А теперь – вон отсюда, сволочь. Не хватало мне на пиру твоей гадкой бледной морды!..

Зал отозвался тихим стоном. Аль-Амин заметил, что некоторые из гостей отвернулись и закрыли ладонями лица. Крутанувшись на каблуках, халиф повернулся и пошел на свое место. Когда он, плюхнувшись на подушку, снова посмотрел на голый серый мрамор перед коврами, там уже никого не было.

– Играйте! – рявкнул аль-Амин лютнистам. – Или вы не рады, что эмир верующих сидит с вами в собрании?!

Спавшие с лица рабыни схватились за инструменты. Зазвучала музыка – и через несколько мгновений зал оттаял. Люди встряхнулись, как ото сна, потянулись к блюдам и к вину, зашушукались.

Аль-Амин удовлетворенно улыбнулся. Вот так, сукины дети. Вот кто у вас господин, понятно? Встретившись взглядом с Шамсом ибн Микалом, Мухаммад прищурился. Наместник тут же ныркнул глазами в блюдо с пловом. Ему все было понятно. Ну и прекрасно.

Фонтана на площади у Ибрагимовых ворот почти не было видно: праздничные огни погасили, и город ушел во тьму, как в черный омут.

Только с высоты замкового утеса что-то помигивало – там еще дергались под ветром огоньки факелов. Гулкие порывы доносили нежные звуки кануна. Халиф-пропойца все никак не унимался – ему и невдомек было, почему приветственные огни затушили. Впрочем, он этого наверняка не заметил – слишком занят был либо вином, либо мальчишками.

А горожане заливали водой костры, сливали горящее масло из ковшей, опрокидывали жаровни, задували и прихватывали пальцами фитильки ламп и свечей – все до единого. Сейчас Фейсала тонула в ночи, показывая скалам джинов и пустыне, что получила страшное известие: варвар, ашшаритское отродье, оскорбил бессмертного. Прогнал и унизил духа-хранителя, оплатив черной неблагодарностью за помощь и верную службу. И словно этого было мало – приказал схватить и казнить невинные души, чудом вырванные из пасти аждахака, – об этом только что объявили на площади. Воистину, над городом смыкалась ночь Ахримана, ночь духа тьмы и злобы.

На площадь перед Ибрагимовыми воротами выходили белеными фасадами десятки домишек – но за частыми решет-

ками балконов глухо чернели ставни.

Часто и несуразно громко булькал фонтан. За хлопанием ветра и плеском струи почти не слышно было других звуков – тех, что производили некие... существа, приткнувшиеся к вымерзшему парапету фонтанной чаши.

– Ну давай, давай, поплачь еще, как кухонная рабыня, которую побил хозяин, – подзуживал один – хриплым низким голосом.

– Вином, вином надо было губы-то споласкивать, а не водой, – ласково мурлыкал другой. – Как вы там на западе делали? В рот вина набрать, да и плюнуть потом на порог...

– Ну и какой прок руку в воду пихать? – не унимался сипло урчащий первый голос. – Дай облизнуть ладонь-то, не жадничай, дай лизнуть, немножко хоть дай...

– Ну и что такого? – снова вступил мурлыка. – Что такого произошло, чего ты раньше не видел? Просвещенный старец, пока вез, сколько раз тебя палкой лупил? И как лупил – один раз об спину обломал, два ребра рассадил. И что? Страдал ты? Нет! Ты орал и кусался. Ну так что ж за мучения на нас сейчас навалились, а?

В ответ долгое время слышны были лишь шлепки зачерпываемой – и расплескиваемой обратно воды. Наконец третий голос, сдавленный и злой, ответил:

– Видишь ли, Имруулькайс, когда орешь и кусаешься, палка переносится легче. А тут – я бы с удовольствием укусил выродка, но, увы, Клятва за горло придержала...

Тут голос придушенно сошел на нет – и сорвался в надсадный кашель.

Дождавшись, пока кашель закончится, и собеседник переведет дух, мурлыкающий голос заметил:

– А мы говорили тебе, предупреждали – тебе, княже, просто повезло с первым... хм... владельцем. Он тебя лишь раз за волосы оттащал – всего-то делов. А эти смертные здешние твари таковы, что лучше к ним в руки не попадать – измываться будут, сил и изобретательности не жалея. Мы же предлагали – ну давай хоть этого гаденыша мы придавим, всего-то делов. Он и так еле дышит, у него в легких вот-вот по дырке образуется, а вместо сосудов в голове уже трубочки жесткие, стеклянные, передавленные. Так нет же, ты решил быть благородным, ты же у нас кня-азь...

В ответ снова раскашлялись – сухо и мучительно.

– Ох, извини, извини... Я совсем забыл, – примирительно мурлыкнул голос, – ты не можешь желать зла своему хозяину, извини...

– Замолчи, Имруулькайс, горлу больно, – выдавил из себя, наконец, нерегиль – ибо это был, конечно же, он. – И благородство тут совершенно ни при чем, – добавил он, отдышавшись. – Я лишь выполнял Договор, и ты это прекрасно знаешь.

В ответ джинн, расхаживавший по широкому парапету в облике черной кошки, повернул голову:

– Братец его, говорят, поприличнее будет. Чуть-чуть тебе

осталось потерпеть, Тарег. А то – давай?..

Нерегиль опять перегнулся пополам, кашляя и судорожно цепляясь за распахнутый ворот – словно ему и впрямь перехватили тетивой горло.

– Ну хватит, сказано же тебе! – рыкнул сиплый голос.

И тут же просительно заканючил:

– Хозяин, ну хоть капельку лизнуть, ну пожалуйста!

– Н-на, – все еще держась одной рукой за шею, в сердцах ответил Тарег.

И протянул ладонь к рукояти лежавшего на парапете меча. Тигр Митамы радостно осклабился и извернулся на спину. Стальное тело вылезло из ножен, золотые лапы прихватили ладонь, а морда с сопением приникла к следам ногтей – те еще сочились сукровицей.

– Щекотно, – фыркнул нерегиль.

И тут же, почувствовав острые клыки, прикрикнул:

– Не кусаться! Ты просил лизнуть, не укусить!

– Прощения просим, – заурчали из-под ладони.

Джинн сел на забрызганный водой мрамор и обмотал хвост вокруг передних лап. Светлое пятнышко носа жадно подергивалось – Имруулькайс тоже принюхивался к запаху крови Тарега. Наконец, с усилием оторвав глаза от кормящегося тигра, кот проговорил:

– Будь осторожнее, Тарег. Особенно в Харате. Это тебе не Фейсала. Там нас не любят – одни ашшаритские переселенцы в городе, почитай что, живут.

– Да, Имру, там бы тебе не миску с молоком выставили, а сразу сигилу на задницу припечатали, – оторвавшись от вылизывания ладони, злорадно пророкотал тигр.

И с блаженным урчанием разинул пасть пошире.

– Эй! – вскрикнул нерегиль, дернувшись всем телом. – Не смей ку... Ах ты ж...

Шипя от боли, Тарег выдернул руку. И в сердцах шлепнул Митаму рукавом по морде. Тигр обиженно вякнул, нерегиль шлепнул еще.

Потом холодно сказал коту:

– Подлец ты, Имру. Я бы даже сказал – негодяй. И трус к тому же.

Джинн свирепо вздыбил шерсть на лопатках:

– Но-но-но! Попрошу без оскорблений!

– Кто нагло врал мне в лицо, что на Мухсине больше нет аждахаков? – ледяным голосом осведомился Тарег.

Кот поник головой:

– Прости, Полдореа. Буду должен.

– Будешь должен, Имруулькайс, – безжалостно подтвердил нерегиль. – Зачем врал, дурень? Я все равно узнал бы!

Кот обиженно мяукнул:

– Полдореа! Это ты у нас князь! Бесстрашный и храбрый! А я джинн! Мне дорога моя шкура! Выслеживать змеюку – себе дороже, Полдореа, аждахак – тварь серьезная, я даже маленькому, который сейчас под камнями отлеживается, все равно что муха, на один зуб только! Пастью клацнет – и нет

поэта! Я даже стихи по этому поводу написал...

– Не надо, – строго выставил ладонь Тарег. – Я не в на-
строении слушать мувашшахи, извини.

– Это касыда, – еще больше оскорбился кот.

– Все равно не надо, – отрезал нерегиль.

Тут под аркой Ибрагимовых ворот зацокали копыта:

– Господин! Сейид! – жалобно выкликнул женский голос.

Эхо от ударов множества копыт вырвалось на площадь.

В черном проеме замелькали желтые огоньки.

Кот прижал уши и текуче спрыгнул в чернильный сумрак
под парпетом. И оттуда прошипел:

– Подлюки, сучье племя предателей, чтоб им пусто было,
ублюдкам... Мало ты их убивал, Полдореа, надо больше, как
тараканов их морить надо, мразей...

Тарег зло скривился, взял меч и поднялся на ноги.

– О господин! Мы вас ищем по всему городу! – Цокот ко-
пыт сменился шелканьем каблучков по булыжнику.

С мулов, шелестя шепотками и ахая, слезали женщины в
белой длинной одежде. У каждой в руке теплился маленький
огонек – у кого в каганце, у кого на прикрываемой раковин-
кой ладони свечке.

– Мой супруг умоляет вас о прощении, сейид...

Высокая полноватая женщина – тоже в белом, но в золоти-
стой головной повязке верховной жрицы Ахура-мазды – под-
няла длинную остроносую лампу. Госпожа Марида, супруга
наместника Фейсалы, напряженно всматривалась в темноту.

Слабо светящийся силуэт у фонтана внушал ей страх.

– Шамсу ибн Микалу не хватило храбрости прийти самому, и он посылает женщин, – спокойно отозвался Тарег.

Женщины переглянулись и опустились на колени. Супруга наместника поставила лампу на булыжник и отдала земной поклон:

– О князь сумерек! Прошу тебя, заberi жизнь моего супруга, но пощади город. Жители Фейсалы благодарны тебе за избавление от дракона, господин.

Тарег молчал.

– Господин... – пробормотала женщина, все еще не решаясь поднять глаза. – Мы...

– Поздно, – холодно ответил нерегиль. – Все прощается, но предательство не прощается никогда. Над этим городом более нет моего покровительства. Твой супруг, женщина, погибнет одним из первых – не сомневайся.

Госпожа Марида разрыдалась. Следом принялись всхлипывать женщины ее свиты.

– Что же нам делать... Что же нам делать... – бормотала она, глотая слезы.

Из темноты раздалось хихиканье, и к свету вышел Имрулькайс – злорадно скалясь и сверкая глазищами.

Женщины поперхнулись всхлипами и прижались друг к другу.

Кот злобно рывкнул:

– Теперь вы в нашей власти! Все, все до единого! От мала

до велика! Твой муж, о женщина, оклеветал силат! Глупец! Сказал, что мы убиваем людей в скалах, а вы приносите нам кровавые жертвы! Ха! Я засуну Шамсу в рот его собственное сердце!!!

Женщина скорбно закрыла лицо рукавом:

– Я не знала об этом, о джинн. Прошу тебя, о благородный дух огня, не простирай свою ненависть на моих детей! Они не имеют части в злодеяниях отца...

– Хорошо, – сверкнул глазами джинн. – Хорошо. Я не убью твоих детей, о женщина. Не убью – при одном условии!

Госпожа Марида испуганно вскинулась:

– Каком, о благородный господин?

– Та женщина, которую спас князь, а также ее дети – они не должны пострадать!

– Это меньшее, что мы можем сделать ради искупления нашей вины перед князем сумерек! – закланялась женщина, ломая руки.

Имруулькайс рывкнул:

– Дура! Как смеешь говорить об искуплении! То, что я делаю, я делаю ради чести князя, обещавшего женщине безопасность!

А Тарег холодно сказал:

– Вы переправите женщину Аматуллу в безопасное место, снабдите всем необходимым и будете содержать ее и ее потомство до конца жизни. Тогда, возможно, твои дети не пострадают.

Госпожа Марида покорно склонила голову. Нерегиль продолжил:

– Я поручил ваш город новому хранителю. Отныне над вами власть духа реки Герируд – почтеннейшего мирзы Масту-Хумара. Хотя, по справедливости, следовало оставить вас на милость аждахака, уцелевшего в скалах.

– Господин, о милостивый господин, мы несказанно благодарны тебе, господин... – Женщина поползла по булыжнику, пытаясь ухватить Тарега за край накидки.

Нерегиль безгласно отодвинулся, и тут все дружно задрали головы. Над площадью послышался свист очень больших крыльев, а рассветное небо на миг перекрыла здоровенная извивающаяся тень.

Пригибая большую рогатую голову, почтеннейший мирза Масту-Хумар приземлился на все четыре мощные лапы – длинные когти металлически брякнули о булыжник.

С шумом выпустив из ноздрей воздух, водяной дракон сел и подвернул хвост. И начал вытягивать длинную шею по направлению к фонтану.

Женщины задрожали и упали на свои лица.

– Дрянные у тебя подданные, Тарег, – сурово заметил господин Масту-Хумар.

– Теперь это твои подданные, почтенный мирза, – усмехнулся нерегиль.

Дух Герируда поднял пушистую башку к самому верху фонтанного столбика и принялся жадно лакать воду. Длин-

ные как кинжалы зубы взблескивали и разбивали струю.

Джинн почтительно сидел у ног Тарега. Жрицы тоже сохраняли испуганное молчание все то время, пока старый седой дракон пил воду. Оторвавшись, наконец, от тугой струйки, господин Масту-Хумар повернулся в их сторону. Большие голубые глаза с поперечным зрачком моргнули.

Дракон сказал:

– Глупые смертные! Ждите новолуния. В ночь убывающей луны я приду на эту площадь, и вы поднесете мне дары и поклонитесь как духу-покровителю города.

– На голове и на глазах, господин! – согласно выдохнули женщины.

Потом дух развернулся к Тарегу:

– Я решил, что сам отвезу тебя в Харат.

– Не стоит беспокоиться, почтеннейший, – вежливо поклонился нерегиль.

– Не спорь со мной, о юноша, – сердито отозвался господин Масту-Хумар.

Тарег снова поклонился – на этот раз молча.

– Нечего тебе пылить по дорогам, когда выше по течению у меня есть дела, – степенно покивал громадной головой дракон. – Плотину они вздумали ставить на одном из притоков, поди ж ты... Жадные, безмозглые глупцы!

И с шумом выпустил воздух из ноздрей.

... Через несколько мгновений над площадью свистнуло, и рассветное небо на миг темнело – как будто в этот миг боги

вернули на землю ночь.

Женщины в белом не решались распрямиться и лежали лицами вниз, пока силуэт дракона не превратился в крохотную точку на небесах. Черный кот проводил ее задумчивым взглядом.

Из-за темных оконных ставен так никто и не выглянул.

Джинн огляделся, бодро заперебирал лапами к фонтану и, добежав, мягко вскинул хвостатое тело на бортик. Оглядевшись еще раз, он рявкнул:

– Ну что, дурищи! Время и нам посмеяться, не находите?!

Женщины испуганно повскакивали на ноги, а джинн выдал в темноту протяжную кошачью руладу.

Через мгновение площадь и ближайшие проулки отозвались мяуканьем, пронзительным воем и визгом. На зов Имруулькайса собралось не менее дюжины котов-джиннов – они хихикали и разглядывали сбившихся в стайку жриц.

Золотистая кошечка примостилась рядом с Имруулькайсом и принялась вылизывать лапку.

– Что скажешь, Умейма? – ласково боднул ее в плечо черный котяра.

– Ну хоть встряхнулся немного наш князь, – степенно ответствовала она – и сменила облизываемую лапу. – А то все сидел и в стенку глядел, смотреть было противно. Он бы еще слезу пустил... И ведь было бы из-за чего! – И она снова выпустила розовый, лодочкой сложенный язык.

– Любо-овь, – мечтательно отозвался Имруулькайс, потя-

гивая и перекатывая спинной хребет.

– К человечке... – с невероятным презрением выплюнула, как комок шерсти, джинния. – Эта Айша не стоила его мизинца! Предательница, чтоб ей огонь после смерти не светил! Смертная, что с нее взять... – Голос Умеймы просто сочился ядом.

– А он все страдаа-аает... – ехидно мурлыкнул черный кот. – И попомни мои слова, еще наворотит дел! Наш князь сейчас хуже быка по весне, прет мимо борозды, рогами упершись, клянусь Хварной...

Вокруг захихикали.

Наконец, Имруулькайс закончил потягиваться – и принял боевую стойку на влажном мраморе фонтана.

– Эй, вы! Настало время глупцов и шутов! Выходите из домов, предатели! – во всю глотку заорал джинн на хорошем фарси.

Над ним хлопнула ставня, и в окно сунулась заспанная и широкая, как дыня, рожа:

– А ну брысь отседова, это тебе не Мухсин, я тебе покажу, как позорить почтенных граждан древнего царства Хосрова!

Тут рожа рассмотрела, кто стоит на площади в окружении кошек, – и тихо охнула. Госпожа Марида и женщины закрыли голые лица рукавами.

А кошки разразились нестерпимым пронзительным мявом. «Аааа!» – верещали они, вздыбливая шерсть и скаля задранные морды, мяаааа!!!..

– А ну-ка, подавайте сюда ваших музыкантов, предатели священного огня! – рявкнул поверх общего воя Имруулькайс.

– Неправда! – заорала рожа, неожиданно являя мужество. – Мы честные огнепоклонники!

«Вяаааа!!» – грянули кошки на площади. Злобно сгорбившись и встопорщив шерсть на загривке, Имруулькайс выкрикнул в ответ:

– Честные?! Вы по подвалам, трусы толстые, дрожите! Деньги считаете, двоедушники, лицемеры! Налог как зимнии платить не желаете, правоверными для виду заделались! Хварну не почитают из-под полы, вы, позорники и предатели! Отступники! Кошелек и ашрафи вы почитаете, а не священный огонь!!! А ваш наместник – оклеветал силат и предал Тарика! Тарик от вас отказался, мерзавцы! А мы, джинны, будем взыскивать с вас долг! Вылезайте, твари, я спою для вас песню!!!

– Вот ужас-то, – обреченно пробормотала рожа и улезла за ставни.

Вскоре на площадь, позевывая и потягиваясь, потянулись люди в наспех запоясанных халатах: кто с наем, кто с дарабуккой. Они проходили сквозь волнующийся ковер кошачьих спин и задранных хвостов – а коты, надо сказать, все прибывали, пестрой рекой втекая в город через раззявленные ворота, – кланялись важно сидевшим на бортике Имруулькайсу с Умеймой и становились рядом с растерянными

жрицами. Когда музыкантов набралось не меньше десятка, джинн поднял морду к небу и заорал:

– Начинаем!

Зазудел най, застучали барабанчики. Мелодия кружилась, как на свадебных торжествах, – люууу, люууу, слушайте, люди, слушайте. И Имруулькайс принялся декламировать:

Халифат был развален злым вазира гением,
Фадлом ибн Раби – имя запомним надолго!..

Даааа! – мощным хором отзывались коты.

Имама Амина распущенностью и ленью,
Невежеством Бакра-советника без чувства долга!
Фадл и Бакр хотели того, что смертельно халифу,
Но заблуждения – наихудшая из дорог!..

Даааа! – заулюлюкало кошачье воинство.

Мужеложство халифа – грязь и опасные рифы,
Но продажность Фадла в делах – наихудший порок!
Один мужеложец другого трясет, и лишь в этом —
Разница между двумя содомитами!

Уууууу! – верещали на тысячу голосов джинны.

Но оба мужчины, скрываясь, друг друга лелеют,
Не развлекаясь перед глазами чужими.

С егнухом связь у Амина, в него он ныряет,
Его ж самого два осла постоянно имеют —
Вот что на свете, представьте, открыто бывает!

Ууууу, йаааа! – бесновались коты.

Господь справедливый, возьми их к себе поскорее!
Ты накажи их огнем очищающим ада,
Чтоб судьба Фадла была для потомков примером,
И на мостах через Тиджр раскидай эту пададь:
Лишь укрепляет возмездие правую веру!⁷

Даааа!! – грянула последняя кошачья здравица – и джин-
ны бросились врассыпную.

Занимающийся над Фейсалой день был базарным. Имру-
улькайс, восторженно созерцавший роскошные желто-мали-
новые перья рассветных облаков, знал: к вечеру весь город
узнает страшные новости, а его стишок будут распевать все –
и горожане, и возвращающиеся в долину феллахи с опустев-
шими тележками.

А еще через пару недель его беспощадные бейты зазвелят
там, куда он и метил, – в столице, у ворот Баб-аз-Захаба, по-
среди растянутой канители на рынке прядильщиков, да и на
всех других столичных рынках тоже. А потом – и в самом

⁷ Эти стихи действительно декламировали на багдадских рынках во времена царствования исторического халифа аль-Амина. Имени автора, к сожалению, история не сохранила, а русский перевод цитируется по книге Кеннеди «Двор халифов».

халифском дворце. Там как раз проживал его племянник...

* * *

Фархад, приложив ладонь ко лбу, проводил взглядом свистнувшую в рассветном небе тень.

– Что это, господин?

Садун чуть пригубил вина и посмотрел на город – красивый вид, слуги не вдали. Жизнь на высоте, в башне, имеет свои преимущества... хотя ноги ныли после каждого марша бесконечных ступенек.

Пригубив еще, сабеец ответил:

– Какая-то тварь с гор или из долины. Теперь в Фейсале их будет много. Я бы сказал – не протолкнуться от них будет в городе. Хорошо, что мы уезжаем.

– А мы уезжаем? – улыбнулся юноша и подлил хозяину еще вина.

– Да, дитя мое. Здесь у нас осталось лишь одно дело.

И Садун развернул платок.

На ярком фиолетовом шелке лежала кукла – в золотом халате и золотой чалме халифа. Фархад улыбнулся, узнав творение своих рук – он сам сшил тряпичное тельце, приметал круглую голову и колбаски ручек-ножек. В детстве часто приходилось мастерить куклы для сестренки. Сестренки, да... Как они там?..

В крохотном северном городке зимним трудно прокор-

мить семью – а уж уплата огромного подушного налога, накладываемого на неверных, давно превратилась в неподъемное дело. Семья Фархада всегда почитала звездного бога Сина и отказывалась принимать веру ашшаритов. Пять лет назад случилась засуха, денег на налог собрать не получилось – и сборщики забрали сестру. На следующий год засуха вернулась – и сборщики увели его, Фархада. Недавно отец писал, что у них получилось выплатить огромный – в целый динар золотом! – долг, и Майна вернулась домой. Правда, беременная от хозяина-ашшарита, но все равно вернулась. А вот сына у родителей никак не получалось выкупить. Майну забирали в залог, на время, – а Фархада, поскольку отец считался злостным неплательщиком и в долг ему не верили, продали по-настоящему, на большом рынке в Ширазе. За пять динаров золотом. Таких денег в семье не видел никто. Достался Фархад купцу из местных – помогать садовнику, как сказал управляющий. Купец, господин Мехмед-оглы, два раза в неделю, по вторникам и по четвергам, водил его в баню и... в общем, так продолжалось около года. Потом купец разорился на рискованной сделке, стал распродавать имущество – и Фархада снова отвели на рынок. Посредник так расхваливал красоту мальчика, что поднял цену аж до десяти золотых монет. Отец приехал прощаться, и они долго плакали, обнимаясь. «Я тебя выкуплю, клянусь звездами, я тебя верну домой, сынок!» – бормотал отец, утираясь рваным рукавом. Потом торговцы взяли и повезли Фархада – далеко-далеко от Ширазе.

за, далеко-далеко от родного Артада, на юг, в Самарру. Там за пятнадцать динаров его купил какой-то пройдоха, хозяин притона, промышляющий, помимо всего прочего, оскотлением мальчиков. Фархаду повезло – его не стали делать евнухом. Белокожий стройный отрок пользовался большим спросом «и спереди и сзади», как говорили клиенты. «У тебя умные руки» – это ему впервые сказал хозяин дома наслаждений. Домой Фархад писал, что работает подавальщиком чая и копит деньги на выкуп. Юноше и впрямь удалось скопить несколько десятков дирхемов. Через год Фархада приобрел постоянный клиент. За бешеную для семьи юноши сумму в двадцать динаров. Господин Мубарек со временем перебрался в столицу, перевез туда харим – и Фархада. Жена господина ревновала давно, а тут представился удобный случай: мол, жизнь в столице дорогая, а мальчишка для утех может стоить хороших денег. Супруг согласился – правда, юноша подозревал, что по другой причине. Господин давно заглядывался на молоденького евнуха в доме старого друга. Когда Фархад снова оказался на рынке и увидел сумму на купчей, он понял, что семью больше не увидит. Господин Мубарек передал его торговцам за пятьдесят – пятьдесят! – динаров. А дальше едва не случилось страшное: купец пару раз выставил его на торги, не продал и задумался: а не рискнуть ли оскотлением? За евнуха можно было выручить сотни три, не меньше. Да, возраст не очень подходящий – четырнадцать лет, надо было раньше резать. Но...

Так и случилось, что Фархада привели к господину Садуну – ашшаритский лекарь холостить людей и животных не мог, вера запрещала. Пророк Али гневно порицал этот обычай и запрещал верующим ему следовать. Поэтому евнухов для благочестивых ашшаритов поставляли врачи-неверные. Господина Садуну попросили осмотреть отрока и высказаться в смысле возможных последствий оскотления. Узнав, что господин лекарь – единоведец, Фархад бросился ему в ноги. И взмолился, умоляя купить его. Он пообещал господину Садуну все. Совершенно все. Душу, жизнь, преданность, согласие исполнить любое поручение. Лишь бы избежать ножа. Старый лекарь улыбнулся – и согласился. На купчей стояла цена – восемьдесят. Восемьдесят динаров.

Над последним письмом из дома – «говорят, у сестры твоей будет мальчик, Майна передает привет и благопожелания, да хранит тебя Син» – Фархад плакал. А потом поклялся, что в сердце его никогда не угаснет ненависть к ашшаритам и их лицемерной вере.

Поэтому юноша улыбался, когда господин сделал разрез, вложил в сердце куклы волосы халифа – и зашил ткань над ними.

Улыбался Фархад и сейчас. Господин лекарь раскрыл ларец тикового дерева и извлек оттуда очищенный, блестящий зуб аждахака.

Полюбовался им в рассветных лучах.

И с размаху всадил в грудь куклы в золотой одежде.

Фархад выдохнул и заломил пальцы от волнения.

– Теперь змей сожрет халифа, о господин? – прошептал он.

– Нет, мой мальчик, – улыбнулся в седую бороду Садун. – Все будет гораздо интереснее. Змей поползет за халифом. А когда тот будет охотиться вне стен города, нападет и укусит. И глупый сын Зубейды провалится в сон наяву, из которого ему не будет исхода. Днем он будет безумствовать, а по ночам кричать от кошмарных снов. И так, не приходя в рассудок, умрет. Или покончит жизнь самоубийством. Или его убьют подлые псы-подданные.

– Прекрасно, – улыбнулся Фархад.

– Я тоже так думаю, – кивнул сабеец.

– Еще я читал в «Авесте», что змей может вселиться в царя...

– Ты читал «Авесту», дитя мое... – одобрительно улыбнулся Садун.

Фархад покраснел и скромно опустил голову.

– Аль-Амин слишком слаб, чтобы стать вместилищем для демона, – усмехнулся Садун. – Зубейдин мальчишка просто умрет в муках.

Улыбнулся еще раз и переложил пробитую зубом куклу в ларец.

– Это нужно отвезти в Нишапур, – пробормотал Садун.

– Господин, доверьте это дело мне! – воскликнул Фархад.

– Нет, мой мальчик, – покачал седой головой лекарь. –

Нет. Сначала я и вправду думал послать тебя, ибо покупал именно с этой целью, – но потом изменил первоначальное намерение. Ты поедешь со мной в Харат. Не все мои планы осуществились, и нам придется наверстывать упущенное...

– А что мы будем там делать, господин? – полюбопытствовал Фархад.

В ответ Садун лишь поднес палец к губам:

– Шшшш, дитя мое. Не задавай лишних вопросов. А то я могу передумать и отправить тебя в Нишапур!

Фархад улыбнулся и спросил:

– А кто же тогда поедет?

– Джавед, – расплылся в улыбке старый сабеец.

Юноша лишь пожал плечами.

Садун не стал ему ничего объяснять. О госпоже Мараджил лучше было не упоминать вслух. Джаведу он объяснит, как переправить в Шадях новости и ларец. Даже даст ему денег на обратный путь. Да, как ни грустно, придется оплатить старому разбойнику дорогу в оба конца – чтобы не вызвать у Джаведа подозрений. Жаль. Потому что все динары из кошелька разбойника достанутся айярам госпожи Мараджил – когда те будут топить парса в самом глубоком омуте Сагна-верчая. Госпожа не любит оставлять свидетелей, это истинная правда.

А Фархад – хороший, смысленный мальчик. Незачем его попусту губить.

И Садун радостно улыбнулся рассветному солнцу.

Возмутитель спокойствия

Харатский оазис, день спустя

– ...Ну и долго мы так будем сидеть?..

Сидели – а точнее, лежали – они под барбарисовым кустом в вымятой прогалине среди высоченного, в рост человека пырея. Лес колосков колыхался над головами, зудели цикады. Во влажном, набегающем волнами воздухе мелко дрожали листочки на соседнем шиповнике. Зеленые завязи соцветий обещали вот-вот распуститься розоватыми цветами с венчиком желтых тычинок.

– Хозяя-а-иин... Ну я же хочу-ууу... хочу есть, купаться... Хозяя-аа-иииин!..

Митама сопел и копошился в ножнах. Тарег, спиной к нему, спал – причем спал крепко, судя по тому, что даже не шевелил ушами.

Отчаявшись разбудить господина, тигр зевнул во всю

пасть.

– Жаа-аарко...

Проканючив последнюю жалобу – уже более для порядка, нежели надеясь на что-либо, – Митама закрыл глаза, зевнул еще раз – и тоже задремал.

Где-то совсем неподалеку, над самой рекой, кричала цапля. С Герируда прилетел ветерок, колоски на тонких длинных стеблях закачались. Зудение цикад налетало, как и ветер, волнами. Еще ветер доносил отдельные возгласы и обрывки человеческой речи – но ни тигру, ни спящему нерегилу до них не было никакого дела.

* * *

Впрочем, тем, кто собрался на берегу Герируда, также не было никакого дела до спящих в высокой траве демона с самийа. Феллахи Шахына, крошечного вилаята в холмах над рекой, голосили и размахивали руками. И теснили конных айяров и четырех добротнo одетых мужчин верхом на мулах:

– Нет такого закона, чтобы отбирать нашу воду! Перегородите Кешеф-руд – чем мы будем жить?! Нет такого закона!

– У меня разрешение наместника! Бумага у меня! Купчая! Я откупил этот вилайт, вместе с участком под мельницу!.. – не оставался в долгу и тоже орал крепкий дядька со смуглым лицом ашшарита.

Он размахивал над головой здоровенным листом бумаги.

Документ колыхал хвостами шнуров под печатями – алого халифского и зеленого хорасанского цветов. Из-под куфии рекой тек пот, человек скалился и злился, не успевая утираться свободной рукой:

– Вы, невежественные скоты, будете оспаривать волю светлейшего эмира?! Вот его печать! Вот! Вот!..

– Иди к дивам со своей печатью! – вылетела из толпы молодая растрепанная женщина. – Ты поставишь мельницу, вся вода в запруду уйдет, а мы что будем делать? Детей есть? А?!..

– Молчи, ты, женщина! – заорал в ответ спутник обладателя печатей – в таком же сером халате и черно-белой куфии. – Где твой отец? Где твой муж? Как он позволяет тебе ходить в таком виде? И почему ты разговариваешь с чужими мужчинами, о бесстыжая! Почему у тебя не закрыто лицо, о падшая женщина?!

Толпа феллахов отозвалась возмущенными воплями, а женщина затопала ногами:

– Я сама себе госпожа, надо будет заиметь мужа, так позову сваху с машшате!⁸ Не смей мне указывать, ты, ашшаритский выскочка, убирайся к себе за горы!

Вопли нарастали, и к обиженной стали проталкиваться другие женщины деревни – в таких же пышных юбочках поверх узких брюк и белых рубашках в зеленый и красный горох.

⁸ Женщина, наряжающая невесту к свадьбе.

– Эй! Эй!.. Сына моего ты сиськой покормишь?! Где твой эмир? Он в Балхе сидит, а нам тут с голоду подыхать?!.. – Женщины размахивали руками и напирали на мула, который мотал головой и звенел кольцами трензеля.

Распахнутые жилетки и ворота рубашек не скрывали шеи, над кожаными чувьями сверкали смуглые щиколотки. Разглядев все это, ашшарит заорал, потрясая плетью и тыча в ближайшую женщину:

– Харам! Харам! Волосы показываешь, ноги показываешь, шею показываешь! Тебя надо плеткой драть, камнями в тебя кидать надо, о развратница!

Над его головой свистнул камень. Айяры дали шенкелей и придвинулись ближе – положив руки на рукояти сабель:

– А ну, кого железом погладить?! – рявкнул старший, подкручивая длинный ус.

– Парсы... – усмехнулся молчавший до того сухопарый ашшарит на сером крупном муле. – За женщинами своими прячутся, трусы жалкие...

И, поддав стремянами, выехал вперед:

– Эй, ты, ханта! – окликнул и поманил он ту, что начала кричать первой.

На пальце сверкнуло большое кольцо с бирюзой.

– Где твой отец? Сколько он хочет за тебя выкупа? Я тебя возьму в харим, мне нравятся горячие! – Ашшарит одобрительно скалился, взглядом поглаживая щиколотки и поднимающие рубашку выпуклые груди. – Эй, куда ты, я дам за

тебя вот это кольцо, эй!

Запахивая обеими руками жилет и вжимая голову в плечи, женщина попятилась. Айяры зареготали и надвинулись на жалкую толпу. Похлопывая нагайками по стремянам, они шарили похотливыми глазами и тыкали пальцами:

– А у этой ножки ничего! Эй, ты, подь сюда, я тебе подарю кой-чего! Ха-ха-ха! Эй, куда ты, я дам твоему отцу откупное! Ты, язычница! Ашшарит честь оказывает, имея с тобой дело! Клянусь Всевышним, вот эта стройненькая – моя! Эй, эй, не уходи, я тебя все равно найду, эй!

Женщины пятились и жались, кто-то успел юркнуть за спину жалко дрожавших мужчин. Те прятали глаза – айяры поддавали коням шенкелей, разворачивая здоровенных жеребцов боком и пихаясь стремянами. Феллахи отступали. Никому не хотелось получить нагайкой – или того хуже, саблей. К тому же айяры говорили чистую правду: они могли забрать женщин, бросив на порог дома пару монет «откупного», и никто бы не вступился – в деревне жили огнепоклонники. Кади в городе всегда рассудит в пользу правоверного, это феллахи Шахына знали не понаслышке.

– Эй, короткоштаные, чего сникли? – расхохотался старший над наемниками.

Местные носили штаны длиной чуть ниже колена, приматывая длинные чулки веревками от башмаков. Феллахи опускали головы – и пятились, пятились.

– Гоните своих баб по домам, вы, мазандаранские дур-

ни! – гаркнул айяр. – Где кедхуда? Где староста, спрашиваю? В повелении светлейшего эмира – да продлит его дни Всевышний! – сказано, что господину Ахмету ибн Салаху ибн аль-Аббаду надлежит оказывать всяческое содействие в делах и начинаниях! Вы теперь принадлежите ему – со всем имуществом! Завтра придете к минарету на берегу с кирками и лопатами! И чтобы не отлынивали, а то познакомлю с нагайкой! Где староста, я ему первому всыплю!

Порыв ветра взметнул его куфию так, что край чуть не перекинулся на лицо. Отбившись от хлопающей ткани, айяр, поминая шайтана, снова вскинул плеть:

– Где...

– Я здесь, почтеннейший, – отозвался дребезжащий старческий голос откуда-то слева.

– Иди сюда! – крикнул айяр, вертя головой. – Ну-ка выходи!

Опираясь на посох, старик в белой рубашке и черном жилете мазандаранского крестьянина вышел из-за кустов шиповника. Кряхтя и тяжело приваливаясь на палку, он пошел к сбившимся в стайку феллахам.

– Тащись живее, ты, старый хрыч! – рявкнул ободренный успехом почтеннейший Ахмет ибн Салах ибн аль-Аббад, одобрительно кивая айярам.

Поддав по бокам мулу, он выехал вперед, победно поднимая истрепанный ветром документ.

Старик, которому мул уперся мордой в лицо, вдруг под-

нял глаза и тихо сказал:

– Вам лучше уйти, почтеннейший. Сюда идет уважаемый мирза Масту-Хумар.

– Чего?.. – презрительно скривился ашшарит. – Это кто еще такой? Да как ты смеешь! Вот откупная на вашу деревню! Вы мои, вместе с пожитками! Захочу – продам, захочу – налог драть буду!

Бормоча и оглядываясь, крестьяне слиплись за спиной старика в шепчущийся и шуршащий человеческий комок.

– Согласно закону, второй раз предупреждаю, – так же тихо сказал староста. – Уходите отсюда, уважаемые. Сюда идет почтенный мирза Масту-Хумар.

– А ну взять его! – нетерпеливо крикнул Ахмет ибн Салах. – Какой такой мирза? Я был у чиновника вашего округа в Харате, он лично подписал и скрепил печатью мой договор об откупе налогов и строительстве мельницы!

Двое айяров соскочили с коней, схватили старика за локти и поставили на колени.

– А ну погладьте его нагайкой! – презрительно бросил ашшарит. – Я покажу этому неверному, кто здесь мирза и хозяин!

Айяр сверкнул зубами и с размаху полоснул старика через спину. Староста охнул и повалился лицом в пыль.

– Ну что? – расхохотался Ахмет ибн Салах. – Теперь понял? Эй, молодцы! Вы уже присмотрели себе женщин? Дарю приглянувшихся!

Айяры ответили дружным гоготом. Феллахи все так же молча дрожали, сбившись в кучу. Один из наемников тронул коня, взрезался в толпу, сдернул с женщины покрывало и выдернул за волосы. И с хохотом пустил коня рысью, наматывая на кулак косы голосащей, бьющейся парсиянки.

– Сураё! – заорал, затолкался кто-то в толпе. – Отпустите мою жену!

– Стоять! – заорали айяры, пихая людей стремями. – Не бойсь, пастух, кади даст твоей жене развод! Рафи сделает из нее хорошую ашшаритку! Прямо сегодня ночью, после вечерней молитвы, ха-ха!

Женщина извивалась и кричала. Айяр остановил коня, взял ее под мышки и под общий хохот перекинул через седло. Висевшая вниз лицом парсиянка сучила ногами и пыталась колотить кулаками стремя, попону и ногу лошади. Жеребец злобно заржал. Наемник перетянул женщину плетью. Та вскрикнула – и затихла. Айяр удовлетворенно похлопал ее по задку.

– Горе тебе, Рафи, ты удешевил ее, попортив кожу! – хохотали наемники.

– Я несильно – как шарийа велит! – смеялся в ответ Рафи. В толпе феллахов плакали и молились.

Староста поднял от земли потемневшее от грязи и пота лицо. И все так же упрямо, тихо, проговорил:

– Третий раз говорю верные слова. Уходите отсюда, Шахын не ваш. Сюда идет уважаемый мирза Масту-Хумар.

– Ты издеваешься?! – заорал вконец потерявший терпение ашшарит и крест-накрест перетянул старика плеткой.

Староста вскрикнул, втянул голову в плечи, но не двинулся с места.

Ахмет ибн Салах снова замахнулся – и раздумал бить.

По тропинке от реки подымался еще один старик. С длинной седой бородой и такими же длинными седыми волосами, в серой шерстяной аба и высоком войлочном колпаке на манер дервишского, только без чалмы вокруг. Под локти его поддерживали двое юношей в снежно-белых длинных рубахах и таких же штанах. Они, как ни странно, шли с непокрытыми головами. Каштановые волосы пышно курчавились, поблескивая на ярком послеполуденном солнце, босые ноги медленно переступали в пыли. Старик шел, выпрямившись, с совершенно неподвижным лицом.

Озадаченные ашшариты, хмурясь, всматривались в странного гостя. Феллахи стояли – молча. Даже молитвы и плач стихли.

Когда старик подошел ближе, стало понятно, зачем ему двое невольников, – он был слеп. Подняв голову и не открывая глаз – как это делают лишенные зрения, – он нацелился бородатым подбородком на Ахмета ибн Салаха:

– Мир тебе, пришелец, – мягко выговорил он на фарси. – Я мирза Масту-Хумар, хозяин этой земли.

– Во имя Всевышнего, мир тебе, шейх, – поздоровался, все еще хмурясь, Ахмет – на ашшари.

– Тебя ввели в заблуждение, о человек, – старик перешел на ашшари – классический и певучий.

И улыбнулся, погладив бороду. Юноши у него по бокам застыли как каменные – тоже почему-то прикрыв глаза.

– Что ты хочешь этим сказать, шейх? – сердито спросил Ахмет ибн Салах.

И добавил:

– Вот у меня бумага, скрепленная всеми надлежащими печатями ведомства хараджа округа Мазандаран. Согласно этому документу, мне отдаются на откуп налоги с этого вилаята, а также передается в собственность участок выше по течению Кешефруда, на котором я поставлю мельницу. Сукновальную мельницу, почтеннейший! Я устрою там прядильную мастерскую!

– Хм, – все так же поглаживая бороду, отозвался старик в серой аба.

– Так что же ты хотел мне сказать, о шейх? – нетерпеливо спросил Ахмет ибн Салах.

– Тебя ввели в заблуждение, – все с той же мягкой улыбкой отозвался старик. – Налоги не моя печаль. А вот мельницу нельзя строить. Она перегородит реку, лишив этих людей ее воды – а также лишив воды Герируд. Если все будут ставить на притоках мельницы, воду реки разберут до капли, и до Харата и окрестных вилаятов не дотечет ни единого ручейка...

– А вы кто такой будете, почтеннейший? – вмешался подь-

ехавший поближе сухопарый ашшарит с бирюзовым перстнем. – Мое имя – Васиф аль-Газни, я чиновник ведомства хараджа этого округа, и мне неведомы ни твое имя, шейх, ни закон, запрещающий строить здесь мельницы.

– Я уже ответил тебе, о Васиф. Я – мирза Масту-Хумар, хозяин этой земли, – улыбнулся старик, разворачивая к нему слепое лицо.

Опущенные веки оставались совершенно неподвижными. Юноши тоже, казалось, оцепенели, одинаково свесив курчавые головы.

– Твой род из Газны, о Васиф? – уточнил слепой. – Тогда странно, что ты не знаешь этого закона. Люди из Газны тоже жертвовали на строительство башни на берегу Кешеф-руда.

– Из Газны не из Газны, какая разница, – сморщился сухопарый. – Мой отец поселился в Газне, вот меня так и прозвали. Повторяю – мы знать не знаем ни о каком владельце этих мест! Участок выше по течению записан в ведомостях как свободный! И при чем здесь альминар, почтеннейший?

Улыбка старика стала еще более лучистой:

– О! Почтеннейшие не слышали историю башни Кешеф-руда?

– Послушайте, уважаемый, – нетерпеливо прервал его катиб. – Мы здесь не для того, чтобы слушать истории о стародавних временах!..

– Не спеши, о юноша, – вкрадчиво проговорил старик.

Ашшарит осекся. И вдруг понял, что феллахи давно стоят

на коленях, уткнувшись лбами в желтую каменистую землю. А у странных неподвижных юношей на босых ногах нет и следа пыли. И на белоснежных рубахах тоже.

Старик безмятежно улыбался. В воздухе висел звон цикад.

– Поверь, о юноша, тебе лучше знать эту историю, – мягко сказал слепец – но его улыбка уже не была доброй.

Наемник, поймавший женщину, заозирался и спустил ее с седла. Та метнулась к остальным феллахам и простерлась в земном поклоне.

Оглянувшись на притихших айяров и на своих спутников – они тоже выглядели несколько смущенными, – Васиф пожал плечами:

– Ну что ж, почтеннейший, расскажите нам, как это было.

– Случилось так, – певуче заговорил старик, кивая сам себе седой головой, – что на том самом месте, где сейчас стоит башня, раньше была мельница. Ее хозяином был див – могущественный и злой...

Ашшариты за спиной катиба стали переглядываться, строя обреченно-терпеливые гримасы. Ахмет ибн Салах сморщился и махнул рукавом – мол, дайте ему договорить, с нас не убудет от еще одной парсидской сказки.

– ...И против этого дива вышел сам Рустам, и победил его, и убил, отпустив реку на волю. С тех пор никто не осмеливался притеснять ни реку, ни окрестных жителей. Но вот с севера пришли племена смуглых людей, людей, поклоняю-

щихся черному камню в пустыне, и подвиг Рустама был забыт, и огни перестали пылать в священных чашах...

Васиф вовремя схватил товарища за рукав и вскинул руку с перстнем – молчи, мол. Ему становилось как-то не по себе. Юноши-поводыри все больше казались ему неживыми. А что, если это джинны?.. «Во имя Всевышнего...» – подумал он про себя.

Старик на мгновение запнулся. Васифу помстилось, что он вот-вот откроет глаза – веки дрогнули. Но этого не случилось.

– ...и на месте смерти дива снова построили мельницу. Но однажды люди пришли к мельнице с зерном и деньгами – а хозяин из новых господ, из смуглых людей, брал с них много, очень много, – смотрят – а вся семья мельника лежит мертвая, и нет в доме ни одного целого тела. И люди поняли: это родичи дива, что прежде владел здесь мельницей, отомстили новым хозяевам и убили их всех. И тогда люди похоронили мельника и его домашних, и собрали денег, и воздвигли на проклятом месте башню – высокую, стройную, издалека видную. И решили: пусть эта башня стоит здесь напоминанием о том, что река должна течь вольно, а подвиг Рустама прославляться в веках!..

За спиной Васифа раздалось красноречивое покашливание. Катиб снова вскинул руку:

– Да благословит тебя Всевышний за твой рассказ, о шейх!..

Старик вздрогнул – и скривил рот в очень злобной гримасе. Васиф добавил:

– Во имя Всевышнего и его возлюбленного посланника... – старик весь сморщился, как сухой лимон, – скажи нам, о шейх, где же здесь речь о законе? Разве решение этих благочестивых жертвователей записано в книгах факихов аш-Шарийа? Или его вынес кади?

– Это не закон кади, – тихо проговорил старик. – Это всеобщий закон. Рустам пролил кровь, и пролитой кровью эта земля выкуплена – навечно. Здесь нельзя ничего строить... человек.

Последнее слово старик прошипел. Причем с такой ненавистью, что Васиф подался назад в седле. И тут Ахмет ибн Салах рывкнул у него за спиной:

– А ну хватит! Мне надоело слушать языческие бредни! Прочь отсюда! Я здесь теперь хозяин!

Старик злобно процедил:

– Неужто, о Ахмет?

Ашшарит поддал по бокам мулу, выехал вперед и гордо сказал:

– Да! Я ашшарит из рода сподвижников Пророка! На этих землях теперь власть веры Пророка! А ты, язычник, – подчинись!

Старик тонко улыбнулся:

– Я согласен с тобой, о Ахмет. Но разве ты следуешь вере Али?

– Что-ooo? Ты назвал меня кафиром? Ответишь перед кади в Харате за такое оскорбление!

Но старик безмятежно улыбнулся:

– Разве вера Али позволяет наносить побои без решения кади, обижать стариков и силой уводить чужих женщин? Ты трижды преступил законы шарийа, о Ахмет. Али не защитит тебя. Уходи. Мы еще можем решить дело миром.

Ахмет ибн Салах раздулся, как бурдюк с забродившим молоком, – и заорал:

– Взять его! Взять и дать палок, чтоб не смел оскорблять верующих ашшаритов, подлый самозванец!

Айяры не успели даже дернуться.

Старик оскалился – и все отшатнулись, увидев острые, одинаковой длины зубы. А потом мирза Масту-Хумар распахнул глаза.

Люди с проклятиями шарахнулись в сторону: жуткие зенки лупали поперечным зрачком, от этого рябило и слезилось в глазах. Юноши-поводыри тоже подняли лица – между веками у них переливалось сплошное зеленое сияние, без радужки и белка.

В следующий миг на месте старика вспыхнуло алым – и из алого развернулись огромные кожистые крылья. Взблеснули изогнутые, длинные, как кинжалы, зубы – и тут же сомкнулись над плечами Ахмета ибн Салаха.

Вокруг орали как резанные люди, ржали и вставляли на дыбы кони.

Безголовое тело, фонтанирующее из шеи красным, некоторое время держалось в седле – а потом завалилось набок. Мул мчался прочь, взбрыкивая и размахивая хвостом, безголовый труп застрял в стремях ногой и волочился сзади, мелко колотясь плечами о камни.

Юноши полыхнули зеленым, и на их месте возникли рогатые водяные драконы – молоденькие и очень злые.

– Заберите жизни чужаков, они дозволены! – трубно проревел мирза Масту-Хумар.

Селяне взорвались радостными криками и схватились за палки и камни.

– Коней, коней берегите! – задребезжал голос старосты. – На чем пахать будем, коней не пораньте!

Лошади под айярами бесились и свечили, наемники вылетали из седел. Удержавшихся стаскивали с коней и забивали палками. Кого-то в прыжке сбросил с седла двурогий чешуйчатый дракончик. И принялся с рычанием полосовать когтями, раскидывая в стороны обрывки кишок.

– Пропустите! Пропустите меня! – Пронзительный женский крик еле слышался в общем гвалте.

– Дайте подойти Сураё! – поддержали общие вопли. – Вон он, женщина! Держите его!

– Держите его! – кричала Сураё. – Держи его крепко, муженек! И ты, Дакла, держи его с той стороны!

Высоко подняв в руке окровавленный острый камень, женщина протолкалась к растянутому на земле айяру. Улыб-

нулась в перекошенное, залитое кровью лицо мужчины – и пронзительно, радостно расхохоталась.

– Держите его крепко! – рывкнула она.

Сураё уселась на распяленного человека сверху – поддавая бедрами и постанывая, словно совокупляясь с лежащим. Селяне хохотали, айяр что-то орал – вероятно, просил пощады.

– Что, хорошо тебе, орел? – взвизгнула Сураё. – Горячая я женщина, а?!

И с размаху ударила камнем в лицо мужчины:

– Н-на!

И принялась с силой молотить булыжником – морщась от усилий, сдувая с лица волосы и смахивая кровавые брызги:

– Н-на! Н-на!

...Через некоторое время на берегу реки не осталось ни одного живого ашшарита.

Старый дракон с удовлетворением оглядел разметанные по траве и песку останки, не очень походящие на человеческие. Феллахи с арканами и длинными камышинами гонялись за перепуганными лошадьми и мулами, ловили их, спутывали и уводили прочь.

Почтительно кланяясь, подошел староста:

– Что прикажете делать с телами, о наилучший господин?

Дракон сморгнул и перетек в облик старца:

– Заройте, как обычно, на старом кладбище. Сверху ничего не ставьте – эти глупцы не заслуживают посмертного

имени.

Староста поклонился и широким жестом указал на лепившиеся по склону холма домишки:

– Прошу пожаловать в мое скромное жилище, о Царь Реки. Отведай нашего угощения! Трех буйволов забьем в твою честь, о царь!

Дракон стоял, не двигаясь с места.

– Ах ты ж моя старая глупая голова! И ваших сыновей тоже приглашаем, господин, – спохватившись, угодливо прокудахтал староста. – Матушка их давно не видела, сидит – льет слезы наша Гульбахар: как там мои мальчики, вот уж шесть лет не видала я моих близнецов!

Масту-Хумар прищурился:

– Уговор помнишь?

– Конечно-конечно, – заулыбался феллах. – Сыновьям вашим уже подобрали хороших девушек! Высокогрудые, с тонкой талией! Нетронутые – как снег поутру зимой! Одна – моя дочка, другая – дочка Даклы-шорника! Красавицы, при виде которых луна скажет: я скроюсь, мне стыдно! Девушки ждут не дождутся женихов, для них такая честь возлечь с сыновьями Царя Реки!

Дракон благосклонно улыбнулся и пошел вперед. Староста угодливо забежал то слева, то справа, лепеча льстивые слова. И поинтересовался:

– Господин кого-нибудь себе присмотрел?

– Пока нет, – важно ответил Масту-Хумар, вышагивая

вперед и поглаживая бороду. – Приведете всех молоденьких, я выберу женщину. Хотя... У этой Сураё уже были дети?

– О да, наилучший господин! И как удачно – два мальчика! – радовался староста и семенил следом.

– Передайте женщине Сураё, что она будет прислуживать мне за ужином. Пусть вымоется и приготовится для меня.

– Оооо! Конечно-конечно! Вот уж машшате расстарается! Такой почет семье, благодарствуем, наилучший господин! Да родятся у Царя лишь сыновья, да будут плодовитыми его женщины!..

* * *

Харат, месяц с небольшим спустя

С тоской поглядывая на уходящую в небо громаду мавзид, Муса ибн аль-Джассис, градоначальник Харата, вздыхал и перебирал четки.

Иногда ему казалось, что лучше бы он оставался ювелиром – и не водил дружбы с всесильным военачальником Джариром ибн Тулуном Хумаравайхом. Не становился его сотрапезником, а продолжал сидеть в своей лавке на большом базаре Васита и тихо пить любимое вино *ширави*. Ах, ширави, ширави, за твой вкус я отдам свое место в раю, но тебя, о царица вин, нынче так редко привозят из Лаона...

И надо же было случиться такому, что ибн Тулуна отпра-

вили в Васит с войском ради защиты города, а могущественный джунгар оказался любителем царственного, пурпурного – и крепчайшего – лаонского вина. Конечно, после сорока ратлей такого напитка его сотрапезники и собутыльники уже валялись пьяные по коврам, а ибн Тулун отчаянно скучал в одиночестве. А кому такое понравится, позвольте вас спросить? Вот вам бы понравилось, что вы еще готовы продолжать беседу и даже читать стихи, а кругом храпят, да еще и вповалку? Тогда Джарир ибн Тулун Хумаравайх послал невольников на поиски людей, столь же выносливых к вину, как и он.

А им показали на него, Мусу, – на кого же еще им было показывать, позвольте вас спросить? Все на базаре Васита знали, что ибн аль-Джассиса не перепить ни тюрку, ни даже сумеречнику – тягались, знаем. Впрочем, с сумеречником – веселый ему попался айютаец, купец говорил, но, какие из айютайцев купцы, мы знаем, шпион небось, или наемный убийца, или и то, и другое, и третье, да еще и наверняка работоровец в придачу, но веселый такой, ничего не скажешь, – так вот, с айютайцем, правда, они свалились разом. Зато после сорок третьего ратля.

Ну так вот, ибн Тулун позвал его к себе во дворец, и они принялись пить. И так хорошо они сошлись за трапезой, что сначала Хумаравайх принялся заказывать у него драгоценности, а потом сделал его управляющим делами. Ну а теперь, когда дочку его вот-вот возьмут в харим эмира верующих

– вот почет выпал человеку, вот уважение! Самому халифу предложил свою дочку Хумаравайх и получил согласие на женитьбу! – так вот, когда халиф – да продлит его дни Всевышний! – вот-вот введет в свой харим его дочку, ибн Тулун выхлопотал для любимца место градоначальника в Харате. А то с кем же мне там пить, вздыхал Хумаравайх. А он уж давно прикупил в здешней долине поместье, собирался уйти от дел и провести там остаток жизни. А что – сорок семь лет стукнуло человеку, преклонный возраст уже, пора поблагодарить Всевышнего за милость и удалиться на покой, в сады, к рабынькам и певицам.

И вот уж с самого лета он, ибн аль-Джассис, сидит в Харате градоначальником и каждую пятницу пьет с ибн Тулуном в его усадьбе. И все бы ничего, но эмир верующих – да продлит его дни Всевышний, да благословит его и его потомство! – приказал военачальникам аш-Шарийа собраться и держать совет в его, аль-Джассиса, городе. Как будто от Харата до проклятой карматской пустыни ближе, чем от Васита! Или Куфы! Как раз наоборот! Но наше дело маленькое: ткнул эмир верующих пальцем в карту – туда все и съехались.

А все почему? Потому что халиф решил справлять свадьбу не в столице, а в Харате, поближе к невестиному дому. Ибн Тулуну хорошо – отправка каравана с приданым в Мадинат-аль-Заура могла разорить даже его: мало ли, дожди пойдут, все помочат, разбойники нападут, карматы, опять

же, могут пограбить поклажу, они теперь, говорят, чуть ли не по всей аль-Джазире шастают. А вот ему, ибн аль-Джассису, – плохо! Плохо ему!

Потому что свадьба – это раз. Военачальников маджлис – это два.

Ну и нерегиль. Это три. Нет, это не только три! Это три, четыре, пять, шесть – и все остальное, до самой тысячи! Нет, тысячи тысяч! Миллиона!

Сначала через Харат проехал эмир верующих – когда держал путь в Фейсалу, этого самого нерегиля будить.

Ох, все и набегались. Ибн аль-Джассис с писцами три ночи кряду не спали! А сколько всего: ковров, да подушек, да циновок – пришлось перетряхнуть да повыбить! Прислуги накупать! Мальчишек пару штук посмазливее у торговцев найти! Да-сс, из-под полы, тут вам не Фарс и не Нишапур, где все можно, по закону за такие дела могут отрезать то, что между ног болтается, – вон с надежным иснадом рассказывают, что в Ятрибе кади за мужеложство велел живьем человека сжечь, между прочим купца, и не последнего, и все за то, что позволял другим мужчинам овладевать собой сзади, подобно женщине. Ну а про вкусы нашего повелителя все ведь известно... Ибн Тулун, кстати, вздыхает: мол, бедная моя доченька, достанется ли ей попробовать от мужа, а не от купленного невольника, но делать нечего, главный вазир велел предложить дочку халифу – как тут откажешься?

Одним словом, набегались все так, что, когда караван ха-

лифа проследовал дальше в Фейсалу, уж не чаяли в живых остаться, так намаялись.

Ну а потом из Фейсалы прилетел голубь барида: ждите, мол, нерегия. Едет он к вам, значится, и следом за ним придут другие славные воины аш-Шарийа, их тоже ждите. Купцы и катибы, знать и простолюдины, как им про то объявили, зарыдали в голос.

Визит эмира верующих! Свадьба! Теперь вот и это! Военачальники! Внимание халифа нас разорит, причитали горожане, и ибн аль-Джассис вместе со всеми, ибо после всех торжеств и приветственных церемоний при въезде аль-Амина в город его состояние изрядно уменьшилось.

И не успели все отплакаться, как явился нерегиль. Да.

Только он не ехал! Если бы он ехал, то он ехал бы две недели, как положено главнокомандующему! С караваном, со свитой, с луноликими невольниками и полногрудыми рабынями! Правда, ибн Тулуну нужные люди шепнули, что нерегиль в опале и выслан в Харат в одном легком кафтане на хребте, и хорошо если со сменной лошастью, какая уж там свита с караваном. Но опять же, если бы этот неверный ехал, как и положено двуногому, верхом, он бы ехал неделю!

Но нерегиль – не ехал. Не ехал!

Как же он прибыл в Харат, спросите вы?

А вы поверите, когда вам ответят? Вы правда поверите? Честное слово? Ну хорошо, мы вам скажем тогда.

В самое людное время, как раз после утренней молитвы,

со стороны реки – как загудит! Заревет! И ветром – так и хлещет, так и хлещет! И рев стоит! Ну про рев уже говорили, но ужас этого не передадут никакие слова! И небо – как смеркнется! Ужас! Люди бросали поклажу и товары, верховых животных и женщин и бросались на землю, моля Всевышнего отложить конец света и День суда и отделения праведных!

И аккурат перед двойными башнями Нисских ворот – как смерч завертится! Как закружит! Все с дороги разбежались, конечно, а кто не разбежался, тот стал цветом как та дорога, потому что все засыпало пылью. И из ревущей тьмы на изнывающих от ужаса верующих пало с небес – чудище! Дракон!

Что, не верите? Вы же обещали!

В общем, говорили, было на что поглядеть: ослики ревут, лошади бьют копытами, верблюды тоже ревут, перекинутые арбы колесами крутят, люди голосят! А посреди всего этого раздрызга и вопля сидит здоровенный дракон с бородой и рожищами, на шее у него нерегиль, сидит, за роги держится и любопытно озирается – мол, что это все так раскричались, с чего бы это, никак в толк не возьму...

Ага, и это чудище – нет, не дракон, дракон сразу обратно к реке улетел, прям с размаху в воду кинулся, такой бурун поднял, что все лодки закачались, – чудище, которое нерегиль чудище, так вот этот неверный еще возмущался на следующее утро: что это у вас в городе так беспокойно, всю ночь орут и грохот стоит невыразимый, непорядок у вас в горо-

де, надо бы тут все запорядочить... тьфу, короче, как-то по-другому он сказал, но понятно, что порядка нет, а надо бы навести, вот так.

А что дракон его верховой рогатый с бородищей переполошил правоверных так, что у всех душа подошла к носу, и спугнул караван верблюдов, груженный стеклянной лаонской посудой, и вся эта посуда побилась, то его нерегильскому высокому уму в толк не взять. А купцы, между прочим, пришли к нему, аль-Джассису, и принялись орать с целью возместить убытки, потому как он, ибн аль-Джассис, есть наместник Харата и тутошняя власть халифа, а верблюдов спугнул халифов слуга, ну и получается, что отвечать харатской казне! И они так лаялись до самой ночной молитвы, а после ночной молитвы лаялись до самой утренней молитвы, а к утру уже пришлось вызвать стражу-харас, и она-то всех разогнала палками по караван-сараям, потому что иначе на полуденную молитву никто бы и не попал. Острословы потом зубоскалили, что ежели бы то был караван не со стеклом, а с шамахинской медью и ханьским фарфором, то грохоту и крику было бы в три раза больше.

Но он, ибн аль-Джассис, таким шуткам не смеялся, потому как ему больше хотелось плакать – что он и сделал сегоднешним утром.

Да, именно так: он, Муса ибн аль-Джассис, пришел задолго до призыва муаззина на двор масджид, расстелил молитвенный коврик в галерее и расплакался. Утираясь краем чал-

мы, он сказал такие слова:

– Воистину, нет мощи и силы, кроме как у Всевышнего, высокого, великого! Подай же мне руку помощи, о Милостивый!

И так он говорил много и много раз, пока двор не стал заполняться верующими. И люди собирались вокруг почтенных шейхов, и садились, свесив босые ноги из арок галереи, и занимали места на ступенях, и все поглядывали на закрытые ставнями окна второго этажа – там ли их жены и дочери.

Люди почтительно делали вид, что не видят своего градоначальника, одиноко приткнувшегося у самой стены, – раз надо человеку помолиться в одиночестве, значит, надо. А ибн аль-Джассису было не до людей – он молился и плакал. А что ему оставалось делать, хотелось бы вас спросить?

Нерегиль, этот враг Всевышнего, снова отказался от вооруженной охраны. И как отказался, проклятый! «Если ты не урежешь свои речи, о человек, я урежу тебе язык!» Какова награда за заботу и труды, воистину за такие слова этот неверный достоин лишиться защиты Всевышнего... тьфу.

Тут ибн аль-Джассис заплакал снова – потому что именно защиты Всевышнего он пришел просить для этого сына прелюбодеяния. Ну и для себя тоже – потому что, если этого врага веры все-таки зарежут на базаре или под воротами, ему, Мусе ибн аль-Джассису, придется ответить головой. И его жены и дети останутся нищими и без пристанища, потому что имущество провинившегося перед халифом намест-

ника конфискуется, и дочери его лишатся приданого и защиты, а сыновья хорошо если уцелеют, потому что неудачников судьба не прощает, а превратности ее ожидают всякого человека...

И тут с высоты утреннего неба сильный голос муаззина пропел: «Велик Всевышний, велик, и нет Бога, кроме него...» – и все склонились ниц и приступили к омовению. И ибн аль-Джассис со вздохом последовал за остальными правоверными: малыми и великими, добрыми и злыми, ищущими прибежища и находящими его – ибо так говорит Книга.

* * *

Над харатским базаром поднимался громкий крик продавца плова, зазывавшего покупателей:

– А вот кому пилав, пилав с бараниной, с чечевицей, с тыквой, лучший мазандеранский пилав, подходите, правоверные, покупайте пилав, два даника чашка малая, три даника большая, а вот берите хорошие, большие листья платана, на них высыпается чашка, вах, вот это пилав!..

– Почтеннейший, и это ты называешь пилавом? Где зира, где гранат и почему мясо с тыквой лежат отдельно на этом пустом рисе?..

– Вах, что говоришь, слушай себя, что говоришь ты, враг Всевышнего, в этот рис я положил пыльцу с сотни цветков лучшего хорасанского шафрана!

– Ты сам враг Всевышнего, чтоб мне не сесть на лошадь, за такой пилав у нас в Мерве тебя бы погнали с базара тумакми, палками бы погнали, что ты продаешь?!

– Да у вас в Мерве пилав не умеют готовить – все пихаете подряд!..

– У нас в Мерве не умеют готовить пилав?!..

– Куркуму сыплете!!!.. Ты попробуй, попробуй, чем отличается благородный шафран, царь специй, от куркума, тьфу, на, враг Всевышнего, на, сын гордости и ифрита, попробуй эту большую чашку даром и не говори никому на этом базаре, что Халид Бу Али не умеет готовить пилав!

Наголо бритый – только чубчик на голове топорщился – плосколицый степняк махнул нагайкой – убедил, мол. И соскочил со своего низкорослого конька. Утерев с лица пот, принял лист с горкой риса и чечевицы и принялся кидать его пригоршнями в рот. Перепоясанный грязным изаром базарного повара Халид размахивал руками и кричал:

– А? Что? Вкусно? А что я говорил? О, сын греха, ты еще не пробовал свадебный пилав Халида! У тебя есть дочь? Позови меня, я приготовлю ей на свадьбу такой пилав, что в вашем Мерве его будут вспоминать до следующего Рамазза!

Джунгар посмеивался в усы и отправлял в рот щепотку за щепоткой. А потом вытер жирные губы и захохотал в голос:

– Ну давай мне еще, плачу шесть даник, и никому не говори, что Ахмед Алтан-батур, хорчин Галдан-Цэрэна, ел пилав на базаре даром и в одолжение!..

Мальчишки-попрошайки, подныривая под брюхо лошади, дергали за стремяна, степняк смеялся, подкидывал им мяса, побирушки начинали крикливую свалку среди ошметков и тростниковых стеблей – не хуже воробьев, долбивших клювиками по крышкам чашек с пловом. На катающихся и вопящих мальчишек наступали люди, толпа гомонила, толкалась, тыкала пальцами, торговалась, бритый затылок жуящего джунгара блестел, Халид зазывно орал и размахивал ладонями, направо от него замотанная в черную абайю тетка торговала дровами, сучковатые тощие вязанки уходили одна за одной, рядом с ней на обрывке ковра сучил ножками младенец и тоже орал...

– Сейид?..

От неожиданности Тарег поперхнулся абрикосом – вот это да, его застали врасплох, хорош маг, нечего сказать...

Молодой парень со смуглой кожей ашшарита и узкими глазами степняка весело скалил ровные белые зубы. Одет он был также на ашшаритский манер – черно-белая куфия с черным же икалем, белая длинная рубаха до колен и прекрасный бурый бишт из дорогой тонкой шерсти. На ногах туфли, а не сандалии слуги.

А самое интересное, парень, разглядевший его сквозь *покрывало*, держал Гюлькара за повод. Крепко так, уверенно. И, запрокинув лицо, доброжелательно улыбался. Во все тридцать два зуба.

Слизнув подтекающий сок, Тарег снова откусил от абри-

коса. Вынув из завернутого подола фараджии еще один, жестом предложил остроглазому незнакомцу – будете, почтеннейший?..

Тот заулыбался еще сильнее, кивнул и поймал абрикос. Глядя Тарегу в глаза, надкусил и – все так же не отводя взгляда – прожевал кусок. Затем вынул и бросил наземь косточку.

– Благодарю, сейид. Хороший абрикос, я не знал, что уже торгуют такими.

– Надо знать, где брать, – усмехнулся нерегиль. – Лучший рынок в пригороде – в медину привозят только самое дорогое, и только те, у кого есть чем заплатить пошлину. А среди дуканов торгуют лучше и дешевле.

– Хорошо, что я не смотритель рынка, – притворно нахмурившись, погрозился пальцем бесстрашный полуашшарит. – За торговлю не обложенным пошлиной товаром налагают взыскание и на торговца, и на покупателя, сейид...

И, посмотрев на чуть выдвинутый из ножен меч – Тарег держал большой палец на оковке гарды, готовясь выщелкнуть клинок сильнее, – добродушно заметил:

– Вы зря беспокоитесь, сейид. Насчет меня, я хотел сказать...

Глаза его враз потемнели, словно стягивая с лица улыбку:

– А так бы я на вашем месте сильно побеспокоился...

Тарег снял руку с меча и полез за следующим абрикосом.

Не дождавшись ни поднятых в удивлении бровей, ни вопроса, юноша продолжил – не отпуская, кстати, повода со-

вершенно не беспокоящегося Гюлькара. Что за пропасть, же-
ребец даже конюхов покусывал, не то что незнакомцев...

– А кого, если это, конечно, не тайна, видела та торговка
в квартале аль-Зайдийа?

– Да кого-то похожего на шпиона вроде вас, почтенней-
ший, – сплюнув косточку, любезно ответил Тарег.

– Конь слишком хорош, – усмехнулся юноша. – К тому же
здешние повесы в этот час дня предпочитают мулов – голова
гудит после попойки. И меч ваш, сейид, блестит, прямо-та-
ки ослепляя. Даже второе зрение слепнет, сейид, – до того
блестит.

Глаза его, кстати, так и не повеселели.

– У вас в роду были сумеречники? – осведомился Тарег. –
Я не знал, что в барид набирают потомков *маджус*.

– Я не из людей барида, – снова заулыбался полуашша-
рит. – К тому же я чистокровный человек.

Тарег наконец-то поднял брови в удивлении.

– Шаманы, несколько поколений. Да и прадед мой был
непрост... А уж прапрадедушка – ох... – Юноша только ру-
кавом махнул, показывая в улыбке безупречные зубы.

– Вы... скорее... тюрк?

– Скорее джунгар.

– Ах, вот как...

Тарег предложил собеседнику еще один абрикос. Тот не
отказался.

– Так о чем мне нужно беспокоиться?

Юноша помахал рукой – повод, кстати, при этом отпустил – прося подождать, пока прожует. Дожевав, сказал:

– В Харате вас очень хорошо помнят, сейид. Все местные жители – а также те, кто переехал сюда из Нисы.

– А что, там осталось кому переезжать? – искренне удивился нерегиль.

– Несколько сотен человек набралось – по арыкам прятались, говорят, по сточным канавам, опять же по подвалам, – покивал его собеседник. – Кстати, соседний с аль-Зайдийа квартал – их. Так и называется, аль-Нисайр.

– А что, город не стали отстраивать заново? – вежливо поинтересовался Тарег.

– Отстроили, но не на прежнем месте, – так же вежливо ответил молодой человек. – И надо сказать, сейид, жители Харата не особо признательны вам за то, что пришлось собирать деньги на новый михраб в Пятничной масджид и на новые списки Книги для учеников медресе. Следует добавить, что это – не самая главная и важная причина, по которой местные жители на вас... эээ... сердиты.

– То есть, если бы я поступил с ними как с жителями Нисы, они были бы мне больше благодарны, – прищурился нерегиль.

Молодой человек вздохнул:

– Градоначальник, начальник гарнизона, кади и сборщик податей, а также большинство гвардейцев, охранявших цитадель Харата во время мятежа аль-Валида, происходили из

местных уважаемых – и крайне многочисленных, сейид, – семейств.

– Вот как... – отозвался Тарег, изображая преувеличенное внимание.

А юноша вдруг обернулся и показал куда-то в сторону – туда, где под пыльными навесами галдели торговцы фруктами:

– Гору пустых корзин видите, сейид?..

Пустых корзин в той стороне наблюдалось предостаточно – время было послеобеденное, многие отторговались. Феллахи сворачивали циновки и заводили осликов в оглобли тележек. Определенно большая куча пустых корзин высилась рядом с лотком, над которым надрывался зеленщик.

– Ну?..

– Зеленщика?

– Даа-а...

– Человека с яблоками?

– В чалме с длинным хвостом?

– Нет, в одной шапочке. У кого куча яблок поменьше. И сидит он не за лотком, а на циновке.

– Вижу такого человека. И что?

– Его зовут Адхам ибн Ирар. У них в роду так принято называть старших сыновей: то Ирар, то Адхам. Старый род, между прочим, сейид, мединский, по материнской линии ансары, сподвижники...

– ...я понял.

– Вы повесили его деда, сейид.

– Я помню.

– Он тоже.

Помолчав и посмотрев на сидевшего и перебиравшего яблоки человека в грубой аба, Тарег извлек еще один абрикос – для собеседника:

– Я признателен вам за сведения, но полагаю, что на этом базаре каждый второй на меня за что-то обижен. Или даже каждый первый. Что же, мне не выезжать в город?

Презрительно фыркнув, он подобрал поводья. Однако Гюлькар сосредоточенно жевал половинку абрикоса, предложенную потомком джунгарских шаманов, и решил не отвлекаться на движения хозяина.

– Дело даже не в том, что вы повесили его деда, сейид, – продолжил, как ни в чем не бывало, молодой человек. – Дело, скорее, в том, что вы запретили хоронить тела казненных...

– Это ваши законы!

– Конечно, сейид, простите, я не хотел показаться грубым. Но, так или иначе, род ибн Ираров заплатил тысячи и тысячи динаров за возможность достойно похоронить отца семейства. И, люди говорят, разорился, собирая эти деньги. К тому же у них конфисковали поместья, земли, сыновей взяли в тюрьму и пытали, пока они не отписали все имущество новому градоначальнику...

– Я знаю, как у вас все происходит при смене власти!

– Да-да, сейид, я понимаю... так вот, теперь ибн Ирар сидит на циновке и продает яблоки. Говорят, торговля идет не так уж бойко. У него две незамужние дочери, а их никто не сватает. Все боятся родниться с опальным семейством. Печально, не правда ли?

– И? – Тарег собрал поводья в горсть и вздернул недовольно всхрапнувшему Гюлькару морду.

– Шуу, шууу... – полуджунгар-полуашшарит ласково хлопал коня по шее и снова поймал повод.

А потом взглянул нерегилю прямо в глаза:

– Ибн Раббяхи – это родичи начальника гвардейской стражи – переехали в поместье, им пришлось продать то, что уцелело из имущества. Ибн Халликаны – это...

– ...сборщик податей. Я...

– ...я тоже понял, что вы помните, сейид. А вот они живут, как жили, над каналом Нашраван. И ибн Умары, которые...

– ...кади...

– ...да, они живут в том же квартале. До сих пор. Как вы думаете, сейид, у них хватит денег скинуться и нанять кого-нибудь с... мнэ... острым зрением?

– Что ж, тогда желающим убить Тарега Полдореа придется постоять в очереди, – нерегиль дернул плечом. – Меня это не интересует.

Он поддал Гюлькару стремянами и натянул правый повод, разворачивая сиглави. Конь недовольно храпнул и закивал мордой, пытаясь поддать задом.

– В вас всадят нож.

– Меня нельзя убить, – прорычал Тарег, борясь с храпящей скотиной.

– Тем хуже, – прищурился полуджунгар, складывая руки на груди. – Потому что, если горло перерезать обычному человеку, он умирает. А вы будете мучиться, сейид. Как в прошлый раз.

Разъяренный Тарег дал шенкелей, Гюлькар долбанул копытом по ящику, на котором лежали амулеты-пятерни. Медные ладошки посыпались, кругом заорали. *Покрывало* спало. Потомок шаманов расплылся в улыбке.

– Какой шайтан послал вас, почтеннейший?!.. – рявкнул Тарег и увидел десятки повернутых к нему ошалелых лиц.

Толпа завопила с новой силой. Люди, увидев, *кто* сидит на хорошем сиглави посреди базара, испуганно ахали и показывали пальцами. Где-то заверещала женщина. Беспокоящийся Гюлькар ржанул – и поддал задними копытами. За спиной взметнулась стена воя, спереди началась давка.

– Чтоб вам провалиться! – заорал Тарег. – Хватит с меня ваших рассказов! Ну-ка, выкладывайте, кто ваш отец, о котором вы все время думаете!

Вокруг вопили: «Аль-Кариа, вон он, воистину это аль-Кариа, спасайтесь, правоверные!» – кто-то пер от него, кто-то к нему, продавец пилава стоял с раззявленным ртом, мальчишки-попрошайки восторженно завывали.

– Мой батюшка, Джарир ибн Тулун...

Возбужденный воплями Гюлькар попытался встать в свечку.

– Короче!..

– ...Тулун приходился сыном...

Пихаясь как самый умный, кто-то все-таки опрокинул чашки с пилавом – и мир взорвался.

Тарег рывкнул:

– Еще короче!..

– ...сыном Архаю! Сыну Арагана! Сыну Эсена!

– Тьфу на вас, почтеннейший! Вы бы сразу сказали, чей вы правнук!.. Садитесь сзади!

– Батюшка ждет вас в поместье! Сказал, привези Повелителя, в ноги упади, но привези!..

– Тьфу на вас снова! Меня еще ни разу не приглашали на ужин, угрожая убийством! Дорогу! Дорогу, вонючие обезьяны, я не знаю, что с вами сделаю! Дорогу!..

* * *

Из арки за спиной зеленщика открывался прекрасный обзор.

Вот раскиданный сельдерей и стебли лука, которые пытается собрать верещащий продавец. Вот разъехавшаяся куча корзин и мелькающие над головами корзины, которыми правоверные уже начали мутузить друг друга.

А вот напряженная спина Адхама ибн Ирара, позабывше-

го про свои фрукты. Потомок некогда славного рода стоял, намертво вцепившись в рукоять ханджара. И смотрел на исчезающего в толчее базара нерегия.

Впрочем, смотреть было уже особо не на что: всадник в белой фараджийе и вцепившийся ему в плечи паренек уже скрылись за покосившимся навесом из яркой лоскутной ткани.

На месте, где неожиданно, словно из ниоткуда, возник нерегиль, среди расколотых черепков и рассыпавшегося риса кипела обычная базарная драка. Бритый степняк в грязном халате прыгал одной ногой в стремени, его стаскивали за пояс двое детин с такими же бритыми башками, детин охаживали кулаками невольники продавца пилава, а сам Халид Бу Али держал лошадь под уздцы и, надсадно вопя, призывал Всевышнего в свидетели разбойничьего нападения на гостя.

Адхам ибн Ирар отпустил, наконец, рукоять фамильного кинжала и рухнул на циновку, в отчаянии закрыв лицо руками.

За происходящим внимательно наблюдали двое пожилых людей, попивавших чай в тени арки за спиной зеленщика.

В одном из них без труда опознавался евнух – это был пухлый брыластый человечек с тяжелыми подглазьями и безволосым дряблым подбородком.

– Похоже, вас опередили, почтеннейший, – отхлебнув чаю из тонкостенного стаканчика, злорадно сказал он своему со-

беседнику. – Вашим молодцам придется обождать другого удобного случая...

И, не скрывая злобного торжества, поправил дорожную чалму голубого шелка.

Его собеседник скривился и, оторвавшись от созерцания дерущейся толпы, неодобрительно оглядел пышный наряд евнуха: парчовый халат, многослойный кушак, сверкающие драгоценными камнями – по новой столичной моде – туфли.

Сам-то он был одет куда скромнее: скромный тюрбан золотистого цвета и такого же цвета – цвета иноверцев – джубба. Туфли ему, согласно последним указам халифа, носить возбранялось. Поэтому личному лекарю матери аль-Мамуна – а это, конечно же, был он – несмотря на размеры состояния, приходилось надевать презренные сандалии.

Однако неодобрение Садуна ибн Айяша вызывалось отнюдь не ревностью и не обидой на запреты. У себя дома сабеец надевал такие туфли и снимал туфли с таких рабынь – кстати, верующих ашшариток, – что главному евнуху Бишру оставалось бы только завидовать и выщипывать скудные волосенки, росшие вместо бороды. Так вот, неодобрение лекаря вызывалось совсем другими причинами.

Крикливая роскошь, с которой одевался главный евнух, могла привлечь нежелательное внимание. А господина Бишра позвали в этот домик на Малом базаре Харата по такому делу, что нежелательного внимания стоило бы не привлекать совсем.

Но не зря говорят: мужчина, лишенный естественных удовольствий, будет искать им замены в собирании предметов и устраивании пакостей. Вот и почтеннейший Бишр развлекался как умел – его страсть к редким камням вошла в разговорку. Про пакости тоже многое рассказывали.

А кроме того, случившееся на базаре не добавляло лекарю хорошего настроения. Джунгарский юнец оставил их с носом, и столь тщательно подготовленный план действий можно было забыть как небывший.

Но к делу:

– Джамшид, позови Бехзада, – приказал Садун одному из айяров, сидевших на корточках у двери лавки.

Тот сплюнул комочек гашиша и скользнул в обвисшие старые двери.

А евнух тем временем допил чай, наморщил желтоватое личико и проскрипел:

– Кто этот достойнейший молодой человек, столь не вовремя встретивший нашего... эээ... гостя?

– Это Элбег, сын Джарира ибн Тулуна Хумаравайха, – сухо отозвался Садун ибн Айяш.

– Элбег?.. – наморщился смотритель халифского харима.

– Когда он приходит в масджид, он называется Абдаллахом. Или Убайдаллахом. Или еще как-нибудь... правильно... – тонко и злобно усмехнулся лекарь.

Евнух залился высоким козлячьим смехом:

– Ха-ха-ха... правильно... ха-ха-хххааа... А вам лучше не

попадаться на язык, почтеннейший!.. ха-ха-ха!..

Садун ибн Айяш, однако, не выказывал никакой веселости. Дождавшись, пока его собеседник отсмеется, он тихо проговорил, задумчиво поглаживая бороду:

– Если эту тварь перехватили, значит, люди ибн Тулуна давно за ней следят. Возможно, судьба не отвернулась от нас, а напротив, помогла не совершить опрометчивый шаг...

– Опрометчивый?.. – усмехнулся евнух. – Вы называете убийство среди бела дня «опрометчивым шагом»?

– Это... существо... – рот Садуна брезгливо скривился, – нельзя убить простым оружием. Возможно, его нельзя убить даже особым оружием.

– Неважно, – обрюзглое личико капризно сморщилось. – И мне также совершенно неважно, зачем госпожа приказала мне прибыть сюда и сидеть с вами на грязном базаре, глядя на то, как ваши наемные убийцы...

Голос досточтимого Бишра сорвался в шипение. А лекарь, напротив, просиял и улыбнулся:

– А я готов объяснить, почтеннейший! Госпожа, так же как и я, не верит клятвам ашшаритов, которые вы даете нам, неверным.

Евнух сморщился, как снятая лимонная кожура.

– Ну-ну, почтеннейший, мы же с вами не дети... «Клятва, принесенная кафиру, ни к чему не обязывает, и жизнь того, кому поклялись, не запретна для вас» – мой любимый хадис вашего пророка, – продолжал ласково улыбаться Садун.

Евнух, все так же скривившись, молчал. Только холёные пальцы продолжали перебирать подвески огромной пряжки, скреплявшей пояс. А лекарь потянулся к чайнику и подлил в свой стаканчик:

— Лучшая печать на договоре — кровь. А ещё лучше — свидетельство над этой кровью произнесенное. Заметьте, вам бы почти не пришлось лгать под присягой: Адхам ибн Ирар был бы благодарен, если бы в суде вы назвали его убийцей. Над ним насмехается весь город: казнивший его деда нерегиль месяц как в Харате, а Адхам даже пальцем не пошевелил, чтобы отомстить. Объявив ибн Ирара зачинщиком нападения, вы бы оказали бедняге услугу!

И Садун, хлопнув себя по колену, от души расхохотался, расплескивая только что налитый чай. Базарный шум и крики драки — кстати, стража уже присоединилась к побоищу и растаскивала дерущихся, орудия палками, — отгораживали от толпы не хуже самых плотных дверей. Евнух молчал, отвернувшись.

Лекарь, прищурившись, вздохнул и оценивающе посмотрел на темные подглазья почтеннейшего Бишра — печень. Скопцу не хватит времени насладиться камнями, что прислала ему в подарок госпожа Мараджил. И на должности смотрителя харима нового халифа ему не бывать — печень отравит устату Бишру жизнь гораздо скорее, чем осуществятся замыслы госпожи. Но пока старый кастрат мог оказаться очень полезен...

Размышления Садуна прервал молодой зычный голос:
– Звали, дядюшка? Пора?..

Сабеец мгновенно обернулся к молодому красавцу с пышными черными, по парсидской моде подкрученными усами. И, оценив то, как тот поправляет завязку штанов, зашипел:
– Пусть тебя заберут дивы, Бехзад!.. Что ты орешь? И что ты делал со своими шальварами, о сын греха! Я прибью эту шлюху! Она должна оставаться девственницей! Где Джамшид?!..

Бехзад и айяры за его спиной согласно заржали:

– А она девственница, дядюшка! Га-га-га! Мы там – ни-ни!.. Га-га-га!

– Где Джамшид?! – свирепо рявкнул Садун.

– Она умоляла закончить с ней! – держался за живот Бехзад. – Она ж такая горячая, сучка, ей все мало! Можете быть уверены, почтеннейший, – сквозь смех молодой парс обратился к жующему тонкие губы евнуху, – мы ее обучаем только хорошему – как доставить удовольствие нашему повелителю наилучшим способом!

И перегнулся от хохота пополам. Айяры вытирали слезы рукавами.

– Молчать!.. – зашипел Садун, зеленея.

Смех оборвался.

– О ком речь? – тихо переспросил Бишр.

– Госпожа в своей мудрости предусмотрела несколько путей к цели, – мягко улыбнулся Садун. – Раз самый прямой и

надежный оказался для нас закрытым, мы прибегнем к другому совету блистательной ханум...

Айяры тем временем негромко рассказывали Бехзаду о случившемся – мол, нерегия перехватили, и все отменяется. Красавчик подкрутил ус:

– Эх, жаль... Я б его... – и свирепо прищурился, кладя ладонь на рукоять джамбии.

– Замолчи, дурень, – мрачно оборвал его Садун. – Лучше благодари богов, что Джариров сынишка нас опередил: еще неизвестно, кто бы кого первым поддел – ты его или он тебя.

– Я, дядюшка, в сказки больше не верю! – радостно заржал красавчик, и айяры его громогласно поддержали.

Лекарь лишь отмахнулся. И приказал:

– Отдай кольцо, племянничек. Сегодня оно тебе не понадобится.

Несколько смутившись, молодой парс посерьезнел лицом. Но все-таки сделал то, о чем просил лекарь: снял с большого пальца здоровенный, безобразный на вид перстень – толстый, железный, с плоским дорожным камнем в грубой оправе. Внимательный глаз разглядел бы гравировку: воин в длинной кольчуге с обнаженным мечом в руке. Человек осведомленный сразу бы понял, что камень и оправка весят одинаково – с точностью до кирата. Таковы были требования книги «Гийят аль-Хикам» к изготовлению талисмана, придающего сражающемуся мужество, отвагу, а также дарующему его оружию удачу.

Вернув кольцо, молодой человек как-то сник, отошел к рассевшимся у стены айярам и принялся жевать гашиш.

Старый сабеец удовлетворенно кивнул. И, поднимаясь, жестом поманил евнуха: прошу, мол, за мной в комнаты. Драка уже сошла на нет: среди рассыпавшихся риса, фруктов и черепков копошились маленькие оборвыши, торопливо выбирая из мусора остатки пищи, их пихали под зад подметальщики – ругаясь, они пытались сгрести в кучи потерянные туфли, носовые платки и обрывки одежды.

Окинув взглядом пустеющий базар, Садун ибн Айяш повернулся и вошел в лавку: в Харате эти щербатые двери с облупившейся краской хорошо знали покупатели иноземных духов, притираний, мазей, а также евнухи и сводни. Приказчика в городе за глаза звали «Оживляющим мертвых» – ибо он вернул молодость несчетному количеству поникших зеббов. А также помог многим юношам приворожить понравившихся девушек, а сердца многих молодых людей обратить к ждущим их любви женщинам.

Шаркая туфлями, евнух прошел за ним через переднюю. Вместо дворика Бишр увидел еще одну комнату, без окон, сплошь заставленную ящиками и сундуками. Свет в нее едва попадал из соседнего помещения. В полу черным кругом зияла дыра. Опасливо подойдя, евнух увидел, что в дыру уводят ступени спиральной лестницы. Внизу, похоже, горела лампа или свеча – ступени можно было различить, не напрягая глаз.

Спускаясь по скрипучей разошедшейся лестнице, смотритель харима различил привычные уху звуки – тяжелое дыхание и постанывания совокупающихся мужчины и женщины.

Парочка умостила в углу: оба лицом к нему, мужчина сидел прямо на полу, женщина, расставив полусогнутые, бесстыдно голые ноги, извивалась у него на коленях, запрокидывала голову и разевала широкий полногубый рот. Запустив руку под платье, айяр мял ей груди. Оба ахали и скреблись туфлями по неровному каменному полу.

Скептически поджав губы, главный евнух оценивающе осмотрел насаженную на крепкий рог айяра женщину. Точнее, совсем молоденькую девчонку. Ей было не больше тринадцати – судя по тому, что груди еще не оформились: загребающей в горсть жадной ладони айяра нечего было прихватить. Ноги и бедра тоже не набрали нужной округлости и жирка.

– Хм, – наконец, произнес он, отрывая взгляд от ладони, которой женщина то и дело натягивала платье у себя между ног.

И, обернувшись к Садуну, продолжил:

– Худовата... Ни груди, ни бедер...

Лекарь растянул губы в улыбке:

– Так ее и зовут Кабиха.

– М-да, действительно уродина.

– Зато похожа на мальчика, не правда ли, почтеннейший?

Пожав плечами, евнух кивнул огромной чалмой:

– Похожа, это правда. Ну и что?

– Матушка халифа, ясноликая Умм Мухаммад, приказала купить для харима своего сына невольниц, походящих более на юношей, нежели на девушек, не правда ли? – разворачиваясь обратно, пояснил харранец.

– Но у меня их уже дюжина, этих гуламиyat, – капризно протянул евнух. – Зачем мне еще одна худосочная коза, да еще с таким именем?

– Затем, – добродушно пояснил Садун, – чтобы вы, почтеннейший, получили ту же должность при дворе... нового халифа. Ну и, конечно, рубины из Ханатты. Редкого зеленого оттенка. Буквально на прошлой неделе пришли с караваном – я попросил купца придержать. Ну так как?

Бишр наморщился.

Айяр вдруг вцепился девчонке в бедра и, несмотря на ее жалобные стоны, выпростался. Оказалось, он просто решил сменить позу: поставил Кабиху на четвереньки лицом к стене, пристроился сзади и принялся быстро дергать задом. Девчонка заахала, заохала и уперлась ладонями в камень. Руки то и дело съезжали, Кабиха вскрикивала, айяр сопел и долбил все быстрее и быстрее.

– И все же, зачем вам эта коза? Что вы собираетесь ей поручить? – пожевал евнух губами.

– А вам лучше этого не знать, – усмехнулся Садун.

Господин Бишр стрельнул глазками:

– Не доверяете, почтеннейший?

– Если на нас донесут, вас, наставник Бишр, возьмут на пытки. А я хочу быть уверенным в вашем молчании, – безмятежно ответил сабеец.

Евнух скривился – но кивнул.

Садун тихо сказал:

– Рубины ваши, почтеннейший. Должность тоже.

Уже поднимаясь по лестнице, они слышали, как мужчина задышал, как пес, часто-часто, – и следом охнул и облегченно застонал, словно ему из раны вынули оружие.

* * *

Солнце уже садилось, когда Фархад вернулся в лавку – и сразу шмыгнул в заднюю комнату, где хранились лекарские инструменты, ступки для растирания трав и пучки растений.

Евнух отвез Кабиху во дворец – за это ему приплатили отдельно. По закону-то невольницу должны были отвести в дом к уважаемой женщине и там осмотреть, удостоверившись в чистоте девушки либо взломанности печати. Если девушка утратила чистоту, ее положено было оставить в доме уважаемой ашшаритки на месяц – до наступления месячных. Однако господин Садун выписал евноху документ, удостоверяющий, что он, лекарь такой-то, осмотрел невольницу по имени Кабиха и свидетельствует ее девственность и непорочность.

Фархад поглядел на себя в таз с водой и хихикнул: ему впервые в жизни пришлось переодеться женщиной. Отжав тряпицу, юноша поднес ее к лицу – смыть краску. И улыбнулся непривычному отражению.

Волосы взбили в высокую прическу, лицо набелили, веки подвели и насурьмили. Ну и губы накрасили. Поверх новых шелковых узких шальвар надели платье-камис, а сверху еще одно, златотканое. Пихнули за ворот две маленькие подушки – чтобы на грудь было похоже. Увешали ожерельями и браслетами. И выдали яркий, зеленый с золотом хиджаб невольницы. Заматавшись в него, Фархад гляделся рядом с Кабихой как родная сестра.

Ни заросший черной шерстью купец Мехмед-оглы, ни бритый хозяин притона, ни утонченный господин Мубарек не прибегали к подобным ухищрениям – ну разве что господин Мубарек любил, чтобы Фархад помадил губы и подводил веки. Впрочем, это понятно: им нужен был мальчик, а не девочка.

Во дворец Фархад ехал в одних носилках с наставником Бишром и по пути натерпелся: наглая сучка, бесстыдно хихикая, запускала юноше руку между ног и пыталась залучить его ладонь между ног себе – тебе жалко, красавчик? Кто ж мне вставит в этом дворце, ну давай же, давай, пощекочи меня! А евнух одобрительно на все это поглядывал, подзадоривал Кабиху и придвигался, маслено улыбался и гладил юноше щеки с цоканьем и бормотанием «какой анемон, вах,

какой анемон...».

Поэтому, когда наступил самый ответственный момент, и носилки принялась осматривать стража аль-касра, Фархад не только не испугался, но испытал самое настоящее облегчение: ну наконец-то приехали.

– Это кто? – прогудел огромный тюрок в высоком шлеме.

– Я невольница посредника, прибыла получить деньги за новую рабыню, – низким, с хрипотцой голосом ответил Фархад.

Тюрок огладил взглядом «груди», туго обтянутые хиджабом, и ослабился:

– Пойдешь обратно, красавица, скажи, где тебя искать в городе!..

Фархад затрепетал ресницами, скромно опустил глаза и прикрыл пухлые от подводки губы краем платка. Тюрок с сожалением вздохнул, поддернул мошонку и махнул – проходите, мол.

Устад Бишр, все так же вздыхая, тут же отправил Кабиху в баню, а Фархада долго водил по комнатам харима, показывая, где тут то, где тут се, а вот сад, а вот дворик евнухов, а не желает ли прекрасная Жасмин чаю... Нет, не желает? Какая жалость... И все клал ему руку на талию. Тебе-то куда, кастрат, устало думал Фархад, трепеща ресницами и покорно улыбаясь.

Кабиху он из бани дождался. С улыбкой попросил всех выйти из комнаты, крепко закрыл двери. А потом повалил

девку лицом вниз на ковры, скрутил руки платком, другой платок засунул в мерзкую пасть, взял мухобойку и отлупил Кабику по тощему задку. Девка билась, мычала от боли. Ничего-ничего, сучка, будешь знать, как на меня залупаться. Потом он побил ее кулаком и ногой – умело, чтобы следов не оставалось, как в притоне учили. Там приходилось часто драться за клиентов – а синяки и шрамы нельзя оставлять, наказывали за порчу внешности и удешевление товара.

Напоследок дал пару оплеух – не сильно, чтоб только из носа потекло, вынул кляп, взял за тоненькое, как у цыпленка, горло и сказал – глаза в глаза:

– Слушай меня внимательно, о дочь греха. Ляпнешь чего – язык вырежу и в фардж углей напихаю.

Подведенные глаза Кабики текли краской и слезами. Фархад сжал пальцы, девка захрипела.

– Слушаться меня беспрекословно. Мигни, если понимаешь.

Она вывалила язык, но мигнула. Фархад ослабил хватку.

– Без разрешения ничего не делать. Делать только то, что говорят. Я приду, не один раз. Распоряжения отдаю только я. Вопросов не задавать. Подчиняться мгновенно, даже если я велю засунуть голову в пруд и так держать.

Кабиха жалобно задышала, хватая воздух размазанным ртом.

– Не вздумай брыкнуть, сучка. Мы до тебя доберемся везде. Будешь вести себя хорошо – останешься жить.

И разжал пальцы.

Потом развязал девку, обтер ей кривое от боли лицо, пнул на прощание под зад и вышел вон.

Из дворца он выбрался в носилках устада Бишра: за это, правда, пришлось расплатиться. Глубоким, страстным поцелуем старого кастрата. Но лучше целоваться с евнухом, чем попасться в руки тюрку-стражнику – тот мог затащить в караулку и, лапая понравившуюся рабыню, нащупать между ног Фархада кое-что женщине не подходящее.

Улыбнувшись воспоминаниям, Фархад принялся смывать с лица краску.

Шаги за спиной он услышал вовремя. И вскочил вовремя – потому что сидел над тазом, а в руке у Бехзада была веревочка, как раз на шею сидящему накинуть.

За племянником господина Садуна стояли еще двое айяров – Джамшид и красавчик Нагиз. Все трое нагло улыбались.

– Что ты так дергаешься? – осклабился Бехзад. – Не подумай ничего плохого, я душить тебя не собирался!

И подмигнул товарищам.

– Зачем же тебе веревка? – глупо спросил Фархад.

– Ну так, разве что самую малость придавить. Чтобы ты бутончик расслабил, – хохотнул Нагиз.

И шагнул поближе. Фархад вжался в стену, звеня все еще не снятыми ножными браслетами. Айяры, хихикая, окидывали его маслеными глазками:

– А так ты еще красивше, Фархадка...

В длинном платье и завязанном на все шнурки хиджабе несподручно отбиваться ногами – поэтому они его сумели схватить, в шесть рук оттащить к длинному столу, на котором растирали травы, и завалить вниз лицом на скобленные доски. Двое удерживали ноги широко расставленными, Бехзад, сопя, одной рукой выворачивал на спину покрывало, верхнее платье, нижнее платье – а другой крепко прижимал спину к столешнице. Фархад бестолково колотил кулаками и тяжело дышал – кричать было почему-то стыдно. Когда рука айяра рванула вниз шальвары, заголая ягодицы, Фархад понял, что сейчас ему вдуют, как лодочники в Самарре не умеют, – неделю сидеть не сможет. И простонал:

– Зачем же так грубо?

Тискавшая зад потная пятерня замерла.

– Чего?

– Я разве сказал, что не хочу, о Бехзад? – мурлыкнул Фархад. – Зачем ты со мной как со строптивой рабыней?

И изогнул спину, потерявшись ягодицами о напряженный зебб айяра, вздымавший шальвары на целый локоть. Бехзад ахнул и убрал пятерню, давившую на плечи.

Айяры засмеялись и отпустили ноги.

– Я многое умею, – протянул Фархад, поднимаясь и разворачиваясь к троице жаждущих плотских утех мужланов. – У меня были очень требовательные клиенты...

И провел языком по покрашенным губам.

– Чур, я все равно первый! – выдохнул Бехзад и потащил его в угол – там лежал обрывок ковра, на котором Фархад обычно засыпал, припозднившись с растиранием зелий.

Юноша покорно пятился, Бехзад, застонав от нетерпения, ударил его спиной о стену рядом с ковром и, тяжело дыша, принялся целоваться. Фархад изо всех сил изображал страсть, как учили в притоне: извивался, ахал и сосался в ответ.

И не забывал коситься в сторону товарищей Бехзада – они дрожащими пальцами пытались развязать шальвары, жалко путаясь в шнурках и шипя от собственной неловкости.

Ларец с инструментами стоял в двух шагах – на низеньком столике у стены.

– Позволь мне сбросить одежду, о нетерпеливый, – простонал Фархад, с влажным чмоканьем отлепив свои губы от Бехзадовых.

– Нет, – зарычал айяр, – нет! Снимай штаны, становись на четвереньки!

– Ммм... Так ты раздавишь меня о стену, о могучий, о страстный, любовь моя, как я смогу раздеться перед тобой?..

Айяр попятился, облизываясь.

Фархад с улыбкой стал сползать вниз по стене – в сторону, немного в сторону... Только бы они ничего не поняли, о Син, о звездный бог, помоги мне...

– Куда это ты? – взревел Бехзад, хватая его за плечо и вздергивая на ноги.

– Я хочу сначала подарить тебе поцелуй – там, куда еще не целовали губы юноши, – замурлыкал Фархад, дергая айяра за шнурки шальвар – и пятась, пятась...

Бехзад со страстным сопением настиг его у самого столика с ларцом, оттолкнул, привалился к стене и спустил штаны.

– Ну?!..

Фархад покорно опустился на колени и обнял айяра за бедра.

Тяжело дыша, Бехзад заметил:

– Ты знаешь, что дядюшка отрезает своим доверенным невольникам языки? А, Фархадка?

Юноша поперхнулся. И поднял глаза. Айяр смотрел на него сверху вниз, улыбаясь:

– Пока у тебя есть язык, Фархадка, работай им... Работай без устали, фф-ффф...

И Бехзад запрокинул голову, закатив глаза.

Что происходило за спиной, юноша видеть, естественно, не мог. Левая рука привычно откинула крышку ларца, пальцы мгновенно нашли нужное. Длинный узкий ланцет, которым снимали кожу над сухожилиями.

Фархад коротко размахнулся и всадил лезвие в бедро Бехзада. Тот взвыл, как волк.

Юноша выдрал лезвие, кровь забулькала, как из бурдюка. Добить не успел – на него уже лезли те двое.

Нагиз подскочил первым – Фархад мгновенно полоснул его под подбородком. Кровь брызнула так, что юноша за-

зжмурился и заплевался.

Джамшид заорал и бросился из комнаты вон. Нагиз осел на пол и рухнул вниз лицом – ноги несколько раз брыкнули, сбрасывая туфли.

Бехзад пытался зажать рану ладонью и утробно ревел.

– Мразь, – пробормотал Фархад.

Поднял с полу платок от своего женского платья, подошел к орущему ублюдку, опустился на колени и принялся накладывать на бедро тугой жгут.

– Дядюшка! Он меня чуть не убил! А Нагиза убил! – вдруг скривил губы и заскулил раненый.

Фархад медленно обернулся и увидел за собой господина. Старый сабеец глядел на племянника совершенно равнодушно:

– Почему твой зебб болтается снаружи, о незаконнорожденный? – наконец, холодно спросил Садун.

Закончив дело, Фархад медленно поднялся на ноги и опустил голову, ожидая приговора. За убийство свободного ашшариты распинали на мосту. Звездопоклонники забивали строптивного раба в колодки и оставляли подыхать на солнце. В принципе, особой разницы нет.

– Он раб, а поднял руку на свободного! – все так же плаксиво заголосил Бехзад. – Накажите его, дядюшка!

– Ты истинный сын своего отца, – ледяным голосом ответил Садун ибн Айяш. – Иногда я диву даюсь, как такая достойная и разумная женщина, как моя сестра, решилась

выйти замуж за глупца, посрамляющего ишака глупостью.

Бехзад поперхнулся жалобами и непонимающе вытаращился.

– Это первая жизнь, отнятая тобой, о дитя? – мягко поинтересовался господин у Фархада.

– Да, хозяин, – прошептал юноша.

– Холодный расчет, безупречное исполнение, – одобрительно кивнул Садун. – Из тебя выйдет толк, мой мальчик.

Фархад поежился:

– А вы, господин, что же... Все... видели?

Сабеец лишь задумчиво похлопал его по плечу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.